Т8 5/140

П8 5/140

Книгоиздательство „Глашатай“.

Проф. Эд. Дженкс.

Происхожденіе верховной власти.

Пер. съ англійскаго
Э. СЕРЕБРЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа.
Невскій пр., 126.
1907.

Т 8 S/140

Книгоиздательство „Глашатай“

Проф. Эд. Дженксъ.

Происхожденіе верховной власти.

2527.

Пер. съ англійскаго
Э. СЕРЕБРЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа.
Невскій пр., 126.
1907.

БИБЛИОТЕКА
Гос. Дар. Истор. Музея
№ 4202
16 « V+1935 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стр.
Глава	I:	Типы общежитія	1

Типъ I.—Дикарское общество.

Глава	II:	Дикарская организація	6

Типъ II.—Патріархальное общество.

Глава	III:	Общія черты патріархальнаго общества	17
„	IV:	Прирученіе животныхъ.	24
„	V:	Племенная организація.	34
„	VI:	Земледѣліе и классъ	47
„	VII:	Обрабатывающая промышленность и цехъ	63

Типъ III.—Современное политическое общество.

Глава	VIII:	Государство и феодализмъ	72
„	IX:	Первоначальныя политическія учрежденія. . . .	82
„	X:	Собственность и государство.	94
„	XI:	Государство и правосудіе.	109
„	XII:	Государство и законодательство	119
„	XIII:	Государство и администрація.	133
„	XIV:	Разнообразіе политическихъ обществъ . . .	142

ГЛАВА I.

Типы общежитія.

Подъ политикой мы подразумѣваемъ „дѣло правленія“, т. е. управленіе людьми, живущими въ одномъ обществѣ. Въ свою очередь, обществомъ называется то или другое количество лицъ, связанныхъ между собою общими принципами или общей цѣлью. Толпа (случайное собраніе людей) не представляетъ общества; она не имѣетъ постоянной общей цѣли, а собирается и расходится подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, и составляющія ее лица не признаютъ никакихъ взаимныхъ обязательствъ, а потому она не имѣетъ организаціи и у нея нѣтъ своей исторіи. **Политика.**

Общества бываютъ всевозможнаго рода; они могутъ существовать, преслѣдуя самыя разнообразныя цѣли: религіозныя, коммерческія, образовательныя, цѣли развлеченія и прочія. Примѣрами обществъ религіозныхъ могутъ слу; жить церковныя конгрегаціи и миссіонерскія общества-коммерческихъ—обыкновенныя торговыя компаніи; образовательныхъ—университеты, школы; для развлеченія—клубы и т. д. и т. д. Управленіе и организація подобныхъ учрежденій, въ буквальномъ смыслѣ слова, могутъ считаться одной изъ отраслей политики, но гораздо удобнѣе названіе политика сохранить только для болѣе важныхъ общественныхъ организацій, имѣющихъ въ виду не только спеціальную ограниченную цѣль, а создавшихся и развившихся непосредственно, какъ часть всеобщей исторіи человѣчества и тѣсно связанныхъ съ нею. Люди живутъ въ этихъ обществахъ, по большей части, не по своему желанію или выбору, а потому, что они родились въ нихъ; и вплоть до **Общество.**

новѣйшихъ временъ они даже не имѣли права переходить по своему желанію изъ одного общества въ другое. Болѣе обширныя и высшія формы обществъ мы называемъ государствами. Великобританія, Франція, Голландія, Германія, Испанія, Россія и другія, несомнѣнно, представляютъ собою государства. А политика, въ современномъ значеніи слова, означаетъ именно дѣло ихъ управленія. Но, по мѣрѣ изученія исторіи, мы убѣждаемся въ томъ, что эти государства постепенно развились изъ общежитій совершенно иного типа, организованныхъ на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Современныя соціальныя группы.

Въ настоящее время главною связью въ обществахъ современнаго типа служитъ „военная вѣрность“. Въ государствахъ, имѣющихъ общую воинскую повинность, это вполнѣ очевидно уже изъ того, что наиболѣе тяжкимъ политическимъ преступленіемъ со стороны француза или нѣмца считается уклоненіе отъ военной службы, а еще болѣе тяжкимъ (если возможно) поступленіе на военную службу къ непріятелю. Но и въ Великобританіи, гдѣ не существуетъ общей воинской повинности, связующее значеніе „военной вѣрности“ также сильно. Англійскій король имѣетъ право, въ случаѣ необходимости, потребовать, черезъ своихъ министровъ, на военную службу каждаго изъ своихъ подданныхъ мужескаго пола. А каждый британскій подданный, участвующій въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своей страны, подвергается смертной казни какъ измѣнникъ. Между тѣмъ, въ болѣе древнемъ обществѣ связью служила не „военная вѣрность“, а взаимное родство его членовъ, первоначально кровное, а впослѣдствіи фиктивное. Для членовъ древняго общежитія принять въ свою среду посторонняго человѣка, не связаннаго съ ними кровнымъ родствомъ, представлялось невозможнымъ. И жизнь постороннихъ лицъ въ одной мѣстности съ подобной общиной, торговыя сношенія съ ней и даже участіе въ битвахъ съ ея врагами нисколько не служили въ пользу принятія ихъ вышеупомянутой общиной въ свою среду, въ качествѣ полноправныхъ членовъ. Поразительнымъ примѣромъ общества, организованнаго на подобныхъ основаніяхъ, служатъ евреи, которые сохранили въ нетронутомъ видѣ, по крайней

мѣрѣ въ теоріи, свою племенную организацію. Та же самая идея лежала въ основѣ знаменитой борьбы между плебеями и патриціями въ началѣ римской исторіи. Весьма вѣроятно, что нѣчто подобное скрывалось и въ корнѣ вражды буровъ къ чужеземцамъ въ Трансваалѣ. Валлійцы и ирландцы до норманскаго завоеванія, а шотландскіе горцы два-три столѣтія тому назадъ, несомнѣнно, жили обществами подобнаго типа, которыя мы называемъ патріархальными или племенными.

Болѣе древнія группы.

До послѣдняго времени патріархальную общину считали наиболѣе древнимъ типомъ человѣческаго общежитія, и лица, работавшія по исторіи развитія общества, обыкновенно строили свою схему, начиная съ патріархальнаго хозяйства и доводили ее вплоть до современнаго государства. Но блестящія открытія второй половины прошлаго вѣка показали намъ болѣе примитивные типы человѣческаго общества, которые, насколько извѣстно автору, еще не были описаны въ популярныхъ изданіяхъ, и для пониманія которыхъ требуется не малое усиліе ума даже и въ томъ случаѣ, когда они описаны простѣйшимъ языкомъ. Эти важныя открытія вносятъ цѣлую обширную область въ исторію человѣчества и показываютъ намъ еще одну ступень той лѣстницы, по которой оно, то подымаясь, то спускаясь, все-таки шло впередъ въ своемъ развитіи. Въ настоящее время извѣстно еще очень мало подробностей объ этомъ типѣ человѣческаго общежитія, чтобы можно было дать полное его описаніе. Тѣмъ, что мы о немъ знаемъ, мы обязаны самоотверженности ученыхъ, которые, не смотря на трудности и лишенія, предприняли изученіе на мѣстѣ еще существующихъ въ настоящее время экземпляровъ этого типа общежитій. Къ сожалѣнію, трудно подыскать для нихъ подходящее названіе. Принятое наукою названіе „тотемизмъ“ слишкомъ техническое для общаго употребленія; и не лучше ли будетъ этотъ родъ общежитія назвать дикарскимъ типомъ общества, конечно, не внося въ это названіе ни презрѣнія, ни порицанія, а обозначая имъ лишь примитивность и зачаточность организаціи.

Итакъ, мы имѣемъ три историческихъ типа человѣческаго общества: дикарскій, патріархальный и „воен-

ной вѣрности" или *политическій* въ современномъ значеніи слова. Задача нашей книги описать всѣ три типа, начиная съ древнѣйшаго и, по возможности, указать причины, побуждавшія людей замѣнять старѣйшій типъ новѣйшимъ. Чтобы выполнить эту задачу, намъ нѣтъ надобности заниматься исторіей отдѣльныхъ обществъ; мы постараемся только намѣтить нормальный ходъ развитія общества, слѣдовать которому стремится всякая община, если ее не отклоняютъ отъ нормальнаго пути развитія особыя обстоятельства. Теперь принято относиться насмѣшливо къ „общимъ взглядамъ". Конечно, они имѣютъ свои недостатки, но не меньшіе заключаются и въ спеціализаціи. Тотъ, кто смотритъ только въ микроскопъ, не видитъ того, что можетъ показать ему телескопъ. Разумное изученіе должно быть таково, чтобы узнать кое-что обо всемъ и все кое о чемъ.

Учрежденія.

Значительная часть исторіи прошлаго каждой общины не оставила, повидимому, на ней никакихъ слѣдовъ. Несомнѣнно, результаты этого періода на лицо, но они такъ мелки и смутны, что не легко поддаются описанію. Совсѣмъ иначе представляются другія части прошлой исторіи, вліяніе которыхъ ясно различимо въ постоянныхъ видимыхъ результатахъ, оставленныхъ ими на человѣческомъ обществѣ. Результаты эти, которые мы называемъ *общественными учрежденіями*, представляютъ собою тотъ механизмъ, посредствомъ котораго ведутся всѣ общественныя дѣла. Можетъ быть вѣрнѣе было бы назвать ихъ членами или органами общественнаго тѣла, соотвѣтственно членамъ и органамъ зоологическаго тѣла, такъ какъ они играютъ въ соціальномъ тѣлѣ ту же роль, какую члены и органы въ зоологическомъ; они выполняютъ обязанности поглощенія, перевариванія, защиты, нападенія и т. д. Поэтому-то при описаніи развитія учрежденій соціальнаго тѣла или общества мы и употребляемъ метафорическія выраженія—организація и ростъ организаціи.

Возможно, что вышеупомянутыя учрежденія не являются наиболѣе важной частью соціальнаго тѣла. Но во всякомъ случаѣ они составляютъ не менѣе существенную часть въ соціальномъ организмѣ, чѣмъ члены и органы въ зоологическомъ. Дѣйствительно, наиболѣе существенная часть въ

каждомъ изъ вышеупомянутыхъ организмовъ это—неопредѣлимая сущность бытія, которую мы называемъ жизнью. Но такъ какъ до сихъ поръ еще никому не удалось опредѣлить, что такое жизнь, даже въ зоологическомъ тѣлѣ, то тѣмъ труднѣе опредѣлить ее въ соціальномъ. И съ нашей стороны будетъ гораздо благоразумнѣе удовольствоваться *описаніемъ* учрежденій человѣческаго общества, показать, насколько возможно, какъ они появились, росли и постепенно измѣнялись, пока не приняли тѣхъ формъ, въ которыхъ мы ихъ видимъ въ настоящее время. Но такъ какъ каждое развитое человѣческое общество имѣетъ разнообразныя учрежденія: политическія, религіозныя, образовательныя, промышленныя и т. п., и описать ихъ всѣ было бы невозможно, то мы, помня, что эта книга есть исторія политики, займемся главнымъ образомъ учрежденіями, касающимися дѣла правленія. Мы постараемся описать возможно кратко и ясно зарожденіе и развитіе правительственныхъ учрежденій.

Типъ I—Дикарское общество.

ГЛАВА II.

Дикарская организація.

Дикари.

Не смотря на все увеличивающіяся сношенія цивилизованныхъ народовъ съ самыми отдаленными частями свѣта, не смотря на цивилизующее вліяніе торговли, до сихъ поръ еще многочисленныя племена живутъ примитивною жизнью дикарей. Между ними мы можемъ указать *андомановъ* въ полосѣ, прилегающей къ Бенгальскому заливу, горныя племена Мадраса, *жуанговъ* въ Ориссѣ, *ведовъ* на Цейлонѣ, *бушменовъ* въ Африкѣ, колорадскихъ индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ, *карайбовъ* въ Центральной, бразильскихъ индѣйцевъ въ Южной, *даяновъ* на Борнео, *эскимосовъ* Гренландіи и Лабрадора и т. д. Тасманцы на Вандименовой землѣ, вплоть до ихъ вырожденія, были также представителями чистыхъ дикарей. Но болѣе важными для насъ являются австралійскіе дикари, въ виду удаленности ихъ, а, слѣдовательно, и невозможности какой бы то ни было примѣси, а также и потому, что ихъ бытъ въ настоящее время изучается самымъ тщательнымъ образомъ. Число ихъ еще весьма значительно и они кочуютъ на сѣверѣ и въ центрѣ обширнаго материка, гдѣ ихъ никто не трогаетъ и гдѣ никто не предъявляетъ на нихъ своихъ правъ. Хотя, по всей вѣроятности, они осуждены на вырожденіе въ недалекомъ будущемъ, но въ настоящее время у нихъ въ полномъ ходу ихъ примитивная организація.

Цѣлое поколѣніе ученыхъ,—въ томъ числѣ наиболѣе извѣстны имена: Говитъ, Лоримеръ Физонъ проф. Болд-

винъ Спенсеръ и Гилленъ,—перенося всевозможныя трудности и лишенія въ австралійской пустынѣ, вошли въ сношенія съ дикарями Австраліи, и, обращаясь съ ними мягко и гуманно, сумѣли пріобрѣсти ихъ довѣріе и изслѣдовать ихъ бытъ. Благодаря этимъ ученымъ, мы имѣемъ возможность составить довольно вѣрное понятіе о жизни дикарей. Сообщенія вышеупомянутыхъ ученыхъ могутъ быть съ большой пользой дополнены изслѣдованіями покойнаго Льюиса Моргана, нашедшаго среди краснокожихъ индѣйцевъ Америки народъ, который только что началъ переходить отъ дикарскаго къ патріархальному быту. Книга Моргана „Древнее Общество“, безъ сомнѣнія, будетъ признана однимъ изъ великихъ ученыхъ произведеній XIX вѣка.

Дикарская жизнь.

Матеріальная сторона существованія австралійскихъ дикарей лучше всего можетъ быть опредѣлена цѣлымъ рядомъ отрицаній. Они не умѣютъ обрабатывать землю, не умѣютъ приручать животныхъ; единственное домашнее животное у нихъ (если только оно можетъ быть названо домашнимъ)—собака. Они не имѣютъ понятія о жилищахъ болѣе совершенныхъ, чѣмъ шалашъ изъ сучьевъ, и, по большей части, укрываются въ пещерахъ или подъ крышей изъ коры деревьевъ. Кромѣ скудной дичи, водящейся въ кустарникахъ и лѣсахъ Австраліи, да естественныхъ продуктовъ необработанной земли, они не имѣютъ другой пищи. Хотя они обладаютъ искусствомъ добывать огонь примитивнымъ способомъ, но пищу приготовляютъ самую неудобоваримую. Недавно вошедшій у нихъ въ употребленіе желѣзный томагавкъ есть продуктъ обмѣна съ предпріимчивыми путешественниками. Ихъ же собственное оружіе состоитъ только изъ кремневаго копья и топора, да деревянной метательной палки—бумеранга. Они не имѣютъ понятія объ обработкѣ металловъ ни посредствомъ ковки, ни посредствомъ сварки.

„Питчи“, т. е. корзина изъ коры деревъ, да женская палка для раскопки земли—вотъ, кажется, и все, что можетъ быть названо ихъ орудіями производства. Одежда австралійцевъ заключается только въ разныхъ украшеніяхъ, надѣваемыхъ ими во время религіозныхъ церемоній; въ остальное время они ходятъ совершенно голыми.

Подобное ужасное существованіе, вѣчно граничащее съ

голодовкой, очевидно, было ихъ удѣломъ несчетное количество лѣтъ. Австралійскія легенды возвращаютъ насъ къ тѣмъ временамъ, когда еще не вошелъ въ употребленіе каменный ножъ, а все, даже человѣческое тѣло, рѣзалось обожженной палкой. Фауна и флора Австраліи, какъ извѣстно, вполнѣ архаическаго характера. Естествоиспытатели находятъ въ лѣсахъ и рѣкахъ Австраліи животныхъ и растительныя формы, давно уже исчезнувшія въ другихъ частяхъ свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ указаній на какія бы то ни было сношенія между Австраліей и другими странами въ теченіе всего историческаго періода. И дѣйствительно, Австралія еще триста лѣтъ тому назадъ была неизвѣстной страной.

Все это вмѣстѣ даетъ намъ право предполагать, что австралійскіе дикари вели существованіе, подобное нынѣшнему, въ теченіе тысячелѣтій, и ихъ изолированность, несомнѣнно, была главной причиной ихъ застоя.

Дикарскія учрежденія.

Высказанный выше взглядъ вполнѣ подтверждается изученіемъ духовной жизни австралійцевъ. Не смотря на то, что они представляются намъ грубыми и примитивными, выработанные ими детальные и сложные церемоніалы указываютъ на то, что они имѣютъ свою весьма древнюю исторію развитія. Если мы примемъ во вниманіе, какой страхъ внушаютъ дикарямъ всякія нововведенія, особенно въ дѣлѣ религіи, то мы должны придти къ заключенію, что тѣ детально обработанныя религіозныя церемоніи, которыя описаны въ книгѣ [1]) Спенсера и Гиллена, потребовали сотенъ и даже тысячъ лѣтъ существованія, такъ какъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что внезапныхъ перемѣнъ не происходило и только мало-по-малу вводились измѣненія въ церемоніалѣ. Здѣсь мы, конечно, можемъ указать только главныя характерныя черты этихъ церемоніаловъ.

Племя или стая.

Обыкновенно принято говорить, что австралійцы или другіе дикари живутъ „племенами“, но это названіе должно вводить читателя въ заблужденіе. Подъ „племенемъ“ мы подразумѣваемъ ту или другую группу людей, происходящихъ отъ одного общаго предка или, по крайней мѣрѣ, находящихся въ близкомъ родствѣ. И какъ мы увидимъ далѣе, въ исторіи чело-

[1]) The native Tribes of Central Australia. London 1899.

вѣческаго развитія есть весьма важный періодъ, въ которомъ общность предковъ играетъ крупную роль въ общественной организаціи. У австралійцевъ же „племя“ не играетъ большой роли въ ихъ общественной жизни. Они скорѣе представляютъ группы людей, соединившихся между собою для охоты, нѣчто вродѣ кооперативнаго товарищества для совмѣстнаго добыванія пищевыхъ продуктовъ. Вѣрнѣе было бы называть эти группы „стаями“ (packs), такъ какъ онѣ представляютъ собою скорѣе охотничьи, чѣмъ соціальныя организаціи. Всѣ члены подобной группы получаютъ свою долю изъ добычи дня, а потому, совершенно естественно, живутъ вмѣстѣ въ одномъ становищѣ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ они ничѣмъ не связаны между собою болѣе, чѣмъ съ членами другихъ подобныхъ же группъ и очень часто смѣшиваются съ ними. Такой порядокъ господствуетъ на большомъ пространствѣ материка Австраліи.

Тотемизмъ.

Настоящей общественной единицей у австралійскихъ дикарей является группа „т о т е м ъ“. Слово „тотемъ“ [1]), конечно, не австралійское, но въ настоящее время этимъ именемъ принято называть опредѣленное общественное учрежденіе, встрѣчающееся почти повсемѣстно среди дикарей. Группой „тотемъ“ называется то или другое количество людей, имѣющихъ для своего отличія одинъ общій имъ всѣмъ знакъ, въ видѣ изображенія какого-нибудь предмета (дерева, животнаго или камня) и не имѣющихъ права вступать между собою въ бракъ. Очень часто принадлежность къ опредѣленной тотемической группѣ обусловливается наслѣдственностью,—въ большинствѣ случаевъ по женской линіи. У австралійскихъ дикарей новорожденный, а иногда еще и неродившійся ребенокъ, опредѣляется мѣстными мудрецами въ тотъ или другой тотемъ. Этотъ обычай, повидимому, весьма древняго происхожденія. Во всякомъ случаѣ настолько древняго, что австралійскіе дикари уже совершенно утратили всякое представленіе о причинахъ и основаніяхъ, вызвавшихъ его къ жизни, и по всей вѣроятности, потребовался большой періодъ времени для выработки сложныхъ,

---

[1]) Ранѣе оно, повидимому, употреблялось въ нѣсколько иной формѣ индѣйцами Сѣверной Америки „Ojibway“.

прочно установившихся обрядовъ, связанныхъ съ этимъ обычаемъ.

Запрещеніе браковъ между членами одного тотема.

Австралійскій дикарь не можетъ вступать въ бракъ съ членами своего тотема. „Змѣя не должна жениться на змѣѣ“, „эму“ не долженъ жениться на „эму“—первое и главное правило дикарской организаціи. О его происхожденіи мы ничего не знаемъ, но, очевидно, оно было установлено съ цѣлью предупредить браки между близкими родственниками. Дикарь не въ состояніи обсуждать суть дѣла, но онъ способенъ наблюдать факты, и несомнѣнно вредныя послѣдствія близкаго кровосмѣшенія обратили на себя его вниманіе, а отсюда и понятно правило—„змѣя не должна жениться на змѣѣ“. Но это, конечно, только предположеніе.

Бракъ съ членами другого тотема.

Другое, не менѣе поразительное правило: дикарь, не имѣя права вступать въ бракъ съ членами своего тотема, обязательно вступаетъ въ бракъ съ лицами другого пола, принадлежащими къ заранѣе о п р е д ѣ л е н н о м у тотему; болѣе того—онъ не только вступаетъ въ бракъ съ членами опредѣленнаго тотема, но вступаетъ въ бракъ со всѣми лицами другаго пола одного съ ними поколѣнія въ этомъ тотемѣ. Такъ что всѣ мужчины тотема „змѣи“ оказываются мужьями всѣхъ женщинъ одного съ ними поколѣнія тотема „эму“; а всѣ женщины тотема „Змѣи“ оказываются женами всѣхъ мужчинъ тотема „эму“, одного съ ними поколѣнія. Конечно, не слѣдуетъ думать, что въ настоящее время на практикѣ у австралійскихъ дикарей существуетъ полная общность брака. По большей части австралійскій дикарь довольствуется одной-двумя женами. Но у нихъ будетъ считаться совершенно естественнымъ, если тотъ или другой мужчина пожелаетъ вступить въ бракъ съ любой женщиной изъ предназначеннаго ему тотема, разъ она одного съ нимъ поколѣнія. И если какой-нибудь австралійскій дикарь, путешествуя, будетъ переходить отъ „становища къ становищу“, онъ найдетъ себѣ жену въ каждомъ изъ нихъ, въ которомъ есть женщины одного съ нимъ поколѣнія, принадлежащія къ предназначенному для него тотему. Этотъ обычай чрезвычайно смущалъ первыхъ миссіонеровъ, и нерѣдко вынуждалъ ихъ отворачиваться отъ фактовъ, являвшихся цѣн-

ными наглядными уроками въ исторіи развитія человѣческаго общежитія.

Очевидно, при подобной организаціи нѣтъ холостыхъ среди австралійскихъ дикарей. Брачное состояніе для нихъ, по удачному выраженію Фисона, является естественнымъ результатомъ ихъ рожденія.

Различныя поколѣнія.

Выше было упомянуто о необходимости для австралійскаго дикаря имѣть возможность различить не только тотемъ, но и поколѣніе встрѣчаемаго имъ лица. Для этого, несомнѣнно, требовалось установленіе нѣкоторой классификаціи поколѣній, что и выполняется на особыхъ таинственныхъ „корроборіяхъ“ или церемоніальныхъ собраніяхъ, играющихъ огромную роль въ жизни дикаря. Хотя и весьма трудно ознакомиться со всѣми подробностями этихъ церемоній,—благодаря нежеланію дикарей сообщать постороннимъ секреты своихъ обрядовъ, — все-таки для насъ теперь уже довольно ясно, что эти обряды преслѣдуютъ не одну цѣль. Во-первыхъ, одинъ, пользовавшійся популярностью среди своихъ соплеменниковъ „человѣкъ таинства“ откровенно признался, что эти обряды и церемоніи между прочимъ внушаютъ простымъ членамъ тотема уваженіе къ силѣ и важности „бирарковъ“ т. е. колдуновъ, которыми обыкновенно бываютъ старики, ведущіе церемоніалъ. Во-вторыхъ, они поддерживаютъ и укрѣпляютъ вѣру въ легендарную исторію тотема и тѣмъ скрѣпляютъ связь между его членами. Пѣсни и танцы во время этихъ церемоній во многихъ случаяхъ должны, какъ предполагается, представлять собою великія событія отдаленныхъ прошлыхъ временъ. Въ третьихъ, во время этихъ церемоній, продолжающихся иногда въ теченіе многихъ дней, посвящаются въ таинство тотема юноши и дѣвушки, достигшіе зрѣлости. Посвященіе часто сопровождается мучительными обрядами: обрѣзаніемъ и другими тѣлесными поврежденіями. Весьма возможно, что именно въ это время посвящаемые опредѣляются въ тотъ или другой тотемъ и въ то или другое поколѣніе въ немъ, и соотвѣтственно татуируются.

Система родства.

Такимъ или нѣсколько инымъ, но во всякомъ случаѣ искусственнымъ способомъ устанавливается замѣчательно простая система родства австралійскаго дикаря. Всѣ жен-

щины въ предназначенномъ ему для брака тотемѣ и одного съ нимъ поколѣнія—жены его; всѣ члены его собственнаго тотема, одного съ нимъ поколѣнія—его братья и сестры; всѣ члены тотема его матери одного съ нею поколѣнія—его родители (происхожденіе почти всегда ведется по женской линіи). Итакъ, единственными родственниками считаются родители, дѣти, братья и сестры. Эта первобытная система родства широко распространена и по Малайскому архипелагу. Фисонъ разсказываетъ забавный анекдотъ объ одномъ миссіонерѣ, который, желая тѣснѣе сблизиться со своими туземными учениками, прошелъ черезъ всю церемонію усыновленія въ мѣстное племя, и оказался братомъ своего прислужника. Однажды, встрѣтивъ случайно жену послѣдняго, миссіонеръ, любезно обратившись къ ней, сказалъ: „Теперь я вашъ братъ“, на что жена слуги быстро возразила ему: „О, нѣтъ! теперь вы мой мужъ, а не братъ“. Моргань, изучавшій жизнь туземцевъ Гавайскихъ острововъ, Гонолулу и краснокожихъ индѣйцевъ, думаетъ, что кой-гдѣ остались еще слѣды гораздо болѣе древней организаціи, при которой допускается сожительство братьевъ съ сестрами и даже съ родственниками по прямой линіи. Но какъ бы то ни было, австралійская система широко распространена среди дикарей и даже, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, среди нѣкоторыхъ народовъ высшей культуры, какъ напр. китайцевъ.

Вопросъ о тотемѣ.

Преслѣдуетъ ли организація тотема еще и другія цѣли, помимо предупрежденія браковъ между близкими родственниками, и въ чемъ заключается, по вѣрованію дикарей, связь между ними и ихъ тотемомъ, до сихъ поръ еще весьма спорные вопросы. Что касается вѣры дикаря въ его связь съ тотемомъ, то новѣйшіе наблюдатели даютъ намъ нѣкоторыя указанія на то, что австралійскій дикарь вѣритъ въ свое происхожденіе, какимъ-то мистическимъ путемъ, отъ своего тотема. Несомнѣнно также, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тотемъ является предметомъ обожанія, фетишемъ, способнымъ разрушить жизнь, если брачные законы не будутъ строго соблюдаться. Если это такъ, то въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ зачатками двухъ наиболѣе важныхъ факторовъ человѣческаго прогресса—Религіи

и Закона. Признается, что прогрессъ религіозной идеи прошелъ три ступени развитія. Первоначально человѣкъ обоготворялъ какой нибудь предметъ внѣ самого себя: камень, дерево, животное или что-нибудь подобное; затѣмъ, обоготворялъ человѣческія существа, подобныя ему самому, обыкновенно кого-нибудь изъ своихъ предковъ; и наконецъ, на третьей ступени развитія, онъ возвысился до пониманія идеи Бога, который одновременно божественъ и человѣченъ, не похожъ на человѣка и отличенъ отъ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ подобенъ ему и связанъ съ нимъ. Австралійскій тотемъ соотвѣтствуетъ первой ступени религіознаго развитія. Замѣчательно то, что воображенію дикаря божество обыкновенно представляется въ видѣ злой Силы, приносящей болѣзнь и смерть и вѣчно жаждущей человѣческой крови. Весьма возможно, что подобный взглядъ на божество является результатомъ единственнаго доступнаго для дикаря способа разсужденія—дѣлать непосредственные выводы изъ опыта. Онъ видитъ, какъ въ повседневной жизни всякій человѣкъ, обладающій выдающейся силой или умомъ, стремится выказать свое превосходство посредствомъ тѣхъ или другихъ злыхъ и жестокихъ поступковъ. И дикарь переноситъ эти наблюденія въ свои религіозныя вѣрованія и въ свое представленіе о божествѣ.

Дикарскій Законъ.

Съ вышеизложеннымъ тѣсно связаны и дикарскія примитивныя понятія о законѣ. Идея закона у него вполнѣ отрицательная—это не болѣе какъ перечень запрещенныхъ вещей, табу. Происхожденіе этихъ законовъ, очень часто дѣтски-смѣшное, всегда связано съ представленіемъ о возможной опасности. Дикарь идетъ по тропинкѣ и вдругъ его сильно ударяетъ упавшая съ дерева вѣтка; вмѣсто того, чтобы отнестись къ этому удару, какъ къ простой, совершенно естественной случайности, онъ приписываетъ его гнѣву духа, обитающаго въ деревѣ, недовольнаго тѣмъ, что ходятъ по вышеупомянутой тропинкѣ. И на будущее время эта тропинка табу, т. е. по ней запрещается ходить. Грубый бревенчатый мостикъ перекинутъ черезъ потокъ; кто нибудь, переходя его, провалился и утонулъ. По мнѣнію дикаря—это месть водяного духа, оскорбленнаго тѣмъ, что перекинутый мостикъ лишаетъ его опредѣленнаго количества добычи, въ видѣ

утонувшихъ людей. Но безъ моста нельзя обойтись, и дикарямъ очень хочется его построить вновь. Находится остроумный человѣкъ, придумывающій слѣдующій выходъ изъ затруднительнаго положенія: если, передъ тѣмъ, какъ начнутъ пользоваться мостомъ, кого нибудь принесутъ въ жертву, водяной духъ будетъ удовлетворенъ и мостъ безопасенъ. И какого-нибудь несчастнаго человѣка связываютъ по рукамъ и ногамъ и бросаютъ въ потокъ. По всей вѣроятности, новый мостъ будетъ сдѣланъ лучше стараго, а потому и безопаснѣе. По понятію же дикаря—въ этомъ случаѣ помогло жертвоприношеніе. Отсюда и возникаетъ идея человѣческихъ жертвъ, сыгравшая такую ужасную роль въ исторіи человѣчества.

Яковъ Гриммъ, великій нѣмецкій ученый, еще въ началѣ XIX в. нашелъ въ Сѣверной Германіи обычай подобнаго жертвоприношенія при постройкѣ моста; но, къ счастью, не въ настоящемъ, а въ примѣрномъ видѣ. Обычай зарывать въ землю живую жертву при постройкѣ дома для умиротворенія „духа земли“ широко распространенъ среди дикарей [1]) и, несомнѣнно, его происхожденіе того же характера, какъ и происхожденіе мостового обряда.

Вопрос тотем

Служитъ ли тотемъ для объединенія въ цѣляхъ защиты и нападенія, также еще спорный вопросъ. Есть нѣкоторыя указанія на существованіе подобнаго порядка вещей, а если такъ, то это объясняло бы развитіе—наиболѣе характерной черты на второй ступени человѣческаго общежитія—группъ кровнаго родства въ патріархальномъ обществѣ. Но взаимныя отношенія отдѣльныхъ дикарскихъ группъ темны и неопредѣленны. Несомнѣнно одно—будетъ ли это племя или охотничья единица, или тотемическая брачная группа—члены ея не признаютъ за собою никакихъ обязанностей къ посторонникъ. Взаимныя же отношенія группъ, по всей вѣроятности, регулируются большимъ или меньшимъ обиліемъ дичи или другихъ добываемыхъ ими пищевыхъ продуктовъ, а также той или иной свободой дѣйствія въ зависимости отъ пространства. Если много дичи, если область охоты обширна,

[1]) На островахъ Фиджи, до введенія христіанства, при постройкѣ дома подъ каждымъ столбомъ зарывали по невольнику.

сравнительно съ населеніемъ, различныя группы могутъ жить по сосѣдству, безъ всякихъ враждебныхъ отношеній.

Но если мало дичи и данная мѣстность сравнительно густо населена,—а у дикарей, очевидно, и то и другое совпадаютъ—войны и убійства явятся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. По всей вѣроятности, даже отвратительный обычай канибализма получилъ свое начало въ голодныя времена, но существуютъ нѣкоторыя племена, которыя не могутъ отказаться отъ этого ужаснаго дѣла даже въ періоды избытка въ пищевомъ довольствѣ, и для удержанія отвратительнаго обычая придумываютъ разныя оправданія. Одинъ изъ наиболѣе точныхъ законовъ прогресса заключается въ томъ, что съ каждымъ шагомъ впередъ та же самая площадь земли можетъ прокармливать все большее и большее количество людей; а, вмѣстѣ съ тѣмъ соблазнъ къ войнѣ или, по крайней мѣрѣ, данныя къ ея оправданію все уменьшаются и уменьшаются.

Заключеніе.

Въ заключеніе намъ приходится нарисовать довольно мрачную картину жизни дикаря. Благородный дикарь, окруженный своей семьей, проводившій всю жизнь въ какомъ то вѣчномъ праздникѣ, охотившійся въ полныхъ благоуханія лучахъ и разсуждавшій о нѣжныхъ мелодіяхъ, былъ плодомъ фантазіи людей XVIII столѣтія,—что дѣлало болѣе чести сердцу, чѣмъ уму этого, незнавшаго исторіи поколѣнія. Настоящій дикарь—это несчастное, недокормленное, недоросшее, вѣчно дрожащее отъ холода, бездомное существо, находящееся въ постоянномъ страхѣ передъ видимыми и невидимыми опасностями, безъ семейныхъ узъ (какъ мы ихъ понимаемъ), безъ обезпеченой пищи и безъ опредѣленнаго пристанища. Несмотря на это, дикарская жизнь вноситъ кое-что въ общую сумму итоговъ цивилизаціи. Будучи постоянно на сторожѣ, въ ожиданіи многочисленныхъ опасностей, дикарь развиваетъ въ себѣ наблюдательную способность, вызывающую восторгъ у его болѣе цивилизованныхъ братьевъ. Онъ можетъ прослѣдить, со всѣми подробностями, путь врага въ такой чащѣ, въ которой лучшій современный сыщикъ не нашелъ бы ни одного слѣда; онъ можетъ предсказать приближеніе бури

по такимъ признакамъ, которыхъ не замѣтилъ бы современный ученый предсказатель погоды; онъ можетъ различать звуки, недоступные уху цивилизованнаго человѣка; его терпѣніе и выносливость безконечны, если предвидится опредѣленное, непосредственное вознагражденіе. Все это, конечно, не малые вклады въ дѣло цивилизаціи.

Типъ II. Патріархальное общество.

ГЛАВА III.

Общія черты патріархальнаго общества.

Отличительныя черты патріархальнаго общества

Теперь мы переходимъ къ изученію второй ступени развитія человѣческаго общежитія, на которой взаимныя отношенія людей болѣе ясно очерчены и организація болѣе совершенна, чѣмъ на предшествующей ступени развитія. Патріархальная организація имѣетъ нѣкоторыя своеобразныя черты, которыми она рѣзко отличается отъ предыдущаго и послѣдующаго типовъ человѣческихъ организацій. Эти черты нижеслѣдующія.

Родство по мужской линіи

Какъ было изложено выше, въ дикарскомъ обществѣ родственныя связи устанавливались до извѣстной степени произвольно и искусственно. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда принималось во вниманіе кровное родство, то оно считалось по женской, а не по мужеской линіи. Въ патріархальномъ же періодѣ главнымъ факторомъ является происхожденіе по мужеской линіи. Люди считаются родственниками, когда они происходятъ отъ одного общаго предка мужеского пола. Иногда это родство бываетъ болѣе фиктивнымъ, нежели дѣйствительнымъ, какъ напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе недостатка въ дѣтяхъ, семья вынуждена прибѣгать къ усыновленію или къ пріему питомцевъ. Но самая необходимость прибѣгать къ подобному способу указываетъ на то значеніе, которое придается происхожденію по мужеской линіи. Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ произошла эта весьма важная перемѣна въ человѣческомъ общежитіи и укажемъ другую, тѣсно

связанную съ предыдущей, весьма важную черту патріархальнаго общества.

Постоянство брака.

Конечно, безъ постоянства брака не могла бы существовать и вышеуказанная черта патріархальнаго общества—родство по мужеской линіи. Въ дикарскомъ обществѣ, какъ напр., австралійскомъ никто не могъ быть увѣренъ въ томъ, кто его отецъ, и только тогда, когда женщина стала постоянной женою одного опредѣленнаго мужчины, стало устанавливаться нѣчто вродѣ патріархата. Но не слѣдуетъ думать, что бракъ въ то время соотвѣтствовалъ нашему о немъ понятію, т. е., что одинъ мужчина вступалъ въ бракъ съ одною только женщиной; наоборотъ, полигамія, многоженство являлось весьма характерной принадлежностью патріархальнаго общества въ болѣе раннемъ періодѣ его развитія. И только въ его послѣдней фазѣ бракъ сталъ постепенно принимать формы, приближающіяся къ современнымъ. Но существованіе полигаміи не препятствуетъ счету родства по мужеской линіи; наоборотъ, при многоженствѣ онъ является болѣе удобнымъ, такъ какъ противодѣйствуетъ излишнему количеству незамужнихъ женщинъ. Укажемъ теперь третью существенную черту патріархальнаго быта.

Главенство отца.

Самыя основы, на которыхъ существовало патріархальное общество, вызвали, какъ мы увидимъ дальше, образованіе группъ, которыми болѣе или менѣе деспотически управляли представители мужескаго пола. Управленіе „патріарха“ касалось не только дѣловой стороны, но религіи и поведенія отдѣльныхъ членовъ данной группы. Онъ одинъ являлся отвѣтственнымъ предъ той или другой болѣе крупной общественной единицей, частью которой была его группа. Предѣлы этой патріархальной власти были неодинаковы въ разные періоды развитія разсматриваемаго нами типа человѣческаго общежитія. Въ ранній періодъ римской исторіи, какъ намъ хорошо извѣстно, *patria potestas* распространялась на всѣхъ потомковъ находящагося въ живыхъ предка. Предокъ имѣлъ право на жизнь и смерть своихъ потомковъ, не говоря уже о надзорѣ и наказаніяхъ. Въ послѣдующіе періоды патріархальной системы размѣры этой власти сильно измѣнились, но и до самаго конца существованія патріархата она оставалась весьма значительной. Вотъ что говоритъ, напримѣръ валлій-

ская лѣтопись конца патріархальнаго періода о юношѣ до 14 лѣтъ: „онъ находится въ распоряженіи отца, отецъ его господинъ; онъ не можетъ быть наказанъ никѣмъ, кромѣ отца; онъ не можетъ въ это время имѣть собственности ни на одно пенни (4 коп.), иначе какъ сообща съ отцомъ". Въ дѣйствительности получается, что по закону онъ не имѣлъ права на отдѣльное существованіе.

Примѣры у историческихъ народовъ.

Вышеизложенныя черты общи всему патріархальному періоду человѣческаго общежитія; мы ихъ находимъ и у еврейскихъ племенъ, и у древнихъ грековъ (герои Гомера), и у римлянъ, и среди арабовъ въ пустынѣ, и среди индусовъ и магометанъ Сѣверной Индіи и у пограничныхъ афганцевъ.

То же самое мы видимъ и у древнихъ германцевъ. А наиболѣе цѣннымъ примѣромъ можетъ служить патріархальный порядокъ у валлійцевъ, ирландцевъ и горныхъ шотландцевъ, сохранявшихъ его до сравнительно недавняго времени.

Двѣ ступени патріархальнаго общества.

Изученіе патріархальнаго быта, вплоть до послѣдняго времени, было очень затруднено тѣмъ, что у многихъ писателей и ораторовъ вошло въ привычку относиться ко всему патріархальному періоду, какъ къ чему то вполнѣ однородному. Благодаря такому отношенію, получилась смутная картина, появились несообразности и возникли затрудненія; а нетерпѣливые критики были не прочь смотрѣть на патріархальный періодъ развитія общества, какъ на остроумную выдумку.

Племенная ступень.

Въ дѣйствительности, терпѣливое изученіе скоро раскрыло истину. Дѣло въ томъ, что патріархальное общество распадалось на двѣ, взаимно зависимыя ступени, имѣвшія двѣ различныя соціальныя единицы или группы: первая, которая по праву можетъ быть названа племенемъ, вторая—кланомъ. Племя составлялось изъ многихъ сотенъ лицъ, считавшихъ свое происхожденіе отъ одного общаго предка, мужескаго пола, а потому и связанныхъ между собою узами родства по мужеской линіи. Въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, общимъ предкомъ племени являлось лицо фиктивное, придуманное для удовлетворенія уже сложившагося обычая считать происхожденіе

отъ одного общаго предка по мужеской линіи единственной прочной общественной основой. И, какъ неизбѣжное послѣдствіе подобнаго взгляда, только законные дѣти своихъ отцовъ могли признаваться полноправными членами племени.

Кланъ. Кланъ—гораздо меньшая соціальная единица, состоявшая только изъ трехъ-четырехъ нисходящихъ поколѣній отъ вполнѣ извѣстнаго предка. Кланъ самъ собою распадался при достиженіи свойственныхъ ему предѣловъ.

Прежняя теорія. Это различіе было замѣчено многими писателями, не понявшими, однако, его настоящаго значенія и цѣнности для правильнаго разслѣдованія и изученія патріархальнаго быта. Они были введены въ заблужденіе старой теоріей, въ настоящее время уже вполнѣ опровергнутой, признававшей происхожденіе патріархальныхъ общественныхъ единицъ отъ семьи, т. е. отъ группы потомковъ находившагося въ живыхъ предка. Когда предокъ умиралъ, то его сыновья, каждый со своимъ потомствомъ, образовывали отдѣльныя группы, которыя, помня свое родство, всѣ вмѣстѣ образовывали кланъ. Въ свою очередь, когда кланъ достигалъ большихъ размѣровъ и взаимная степень родства въ немъ становилась трудно опредѣлимой, онъ распадался на отдѣльные кланы, которые всѣ вмѣстѣ составляли племя.

Теорія Скина. Шотландскому историку Скину должна быть приписана заслуга доказательства фактическими данными, что вышеупомянутая теорія совершенно переворачиваетъ вверхъ дномъ историческій ходъ вещей. Въ дѣйствительности племя, т. е. наибольшая единица была и старѣйшей; когда она распалась, создались кланы; когда въ свою очередь распались кланы, они оставили послѣ себя независимую единицу—семью, ранѣе включавшуюся въ кланъ; и наконецъ, долгое время спустя послѣ паденія патріархальнаго строя, семья стала распадаться, и общественной единицей оказался индивидуумъ.

Доказательство вѣрности новой теоріи. Этотъ взглядъ, впервые высказанный Скиномъ въ его книгѣ „Кельтическая Шотландія“, былъ замѣчательнымъ образомъ подкрѣпленъ послѣдующими открытіями относительно характера дикарской организаціи, описанной въ предыдущей главѣ. Эти открытія ясно показали, что древ-

нѣйшей общественной группой была не маленькая семья отдѣльнаго человѣка съ его женами и дѣтьми, а обширная, весьма слабо между собою связанная, группа людей, организованная, въ виду брачныхъ цѣлей, искусственнымъ образомъ, вполнѣ исключающимъ существованіе отдѣльныхъ семействъ. Если бы оказалась надобность, легко было бы доказать, что происхожденіе общества отъ отдѣльныхъ семей невозможно. Но теперь вполнѣ достаточно сослаться на свидѣтельство фактовъ, опровергающихъ возможность подобнаго происхожденія общества.

Причина раздѣленія племенъ на кланы.

Хотя авторъ этой книги и признаетъ за Скиномъ установленіе правильнаго взгляда на взаимныя отношенія между племенемъ и кланомъ, но онъ не имѣетъ свѣдѣній о томъ, чтобы кто-нибудь, до настоящаго времени, установилъ въ краткой формѣ причины появленія племенъ и клановъ, а потому онъ считаетъ нужнымъ, хотя бы и съ рискомъ забѣжать нѣсколько впередъ, ясно установить свой собственный взглядъ на этотъ вопросъ, а именно: приручение животныхъ вызвало превращение дикарской стаи въ патріархальное племя, а переходъ къ земледѣлію вызвалъ распаденіе племени на кланы.

Особенности патріархальнаго общества.

Если высказанный нами взглядъ вѣренъ, то вполнѣ очевидно, что приступая къ изученію исторіи патріархальнаго общества, раньше всего мы должны разсмотрѣть вопросъ о приручении животныхъ человѣкомъ и о непосредственныхъ для него послѣдствіяхъ этого приручения. Но такъ какъ разсмотрѣніе этого вопроса потребуетъ цѣлой главы, то пока мы еще разъ подчеркнемъ различіе между патріархальнымъ и современнымъ политическимъ обществомъ, дабы читатель ясно понялъ, что мы теперь будемъ имѣть дѣло съ идеей общества, вполнѣ чуждой ему. Патріархальное общество отличается отъ современнаго политическаго четырьмя главными характерными чертами.

Личная связь.

I. Патріархальная организація личная, а не территоріальная. Какъ уже было сказано, основой современнаго общества служитъ „военная вѣрность“—великій факторъ, опредѣляющій мѣстомъ жительства человѣка данную территорію. Несомнѣнно, гражданинъ государства А можетъ

жить въ другомъ государствѣ В, въ виду тѣхъ или другихъ цѣлей, но тамъ онъ будетъ чужеземцемъ, не принимающимъ никакого участія въ политической жизни. Въ свою очередь, если кто нибудь признанъ гражданиномъ даннаго государства, то вопросъ о томъ, какого онъ племени не играетъ никакой роли по отношенію его политическихъ правъ. „Каждый рожденный во Франціи—французъ", провозглашаетъ кодексъ Наполеона; и это въ общихъ чертахъ является правиломъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ въ настоящее время. Въ патріархальномъ же обществѣ мѣстность, въ которой обиталъ человѣкъ, не играла въ этомъ отношеніи никакой роли. Для того, чтобы имѣть право считаться членомъ той или другой группы въ патріархальномъ обществѣ, человѣкъ долженъ былъ имѣть одно общее съ нею кровное происхожденіе. Безъ кровнаго родства онъ могъ провести всю свою жизни на службѣ той или другой патріархальной группы, а членомъ ея сдѣлаться не могъ, да и сама группа могла въ полномъ своемъ составѣ переселиться изъ одной мѣстности въ другую, нисколько не нарушая своей организаціи. Во всякомъ случаѣ, такъ было въ болѣе раннемъ періодѣ патріархальнаго быта.

Исключительность.

II. Патріархальное общество было исключительнымъ. Современное общество предпочитаетъ большое населеніе и, не смотря на проявляющееся иногда недовольство по поводу прибытія чужеземныхъ иммигрантовъ, современное государство, въ дѣйствительности, всѣми силами стремится увеличить число своихъ гражданъ, ясно понимая, что увеличеніе ихъ числа ведетъ за собою увеличеніе богатства и военной силы. Для патріархальной же общины существованіе иммиграціоннаго бюро показалось бы ужаснымъ дѣломъ; для ея членовъ иммигрантъ представлялся просто на просто воромъ, пришедшимъ отнять у нихъ часть пастбищъ для скота и земли для посѣва хлѣба, язычникомъ, могущимъ ввести чужеземные религіозные обряды и обычаи въ ихъ среду. Если его и принимали въ свою группу, то только въ качествѣ крѣпостного или раба.

Общинный характеръ.

III. Патріархальное общество было общиннымъ. Въ современномъ государствѣ высшая власть имѣетъ дѣло непосредственно съ каждымъ лицомъ. Конечно, есть не мало

промежуточныхъ властей, но это только подчиненныя власти, являющіяся уполномоченными высшей власти, которая можетъ ихъ устранить во всякое время, по своему усмотрѣнію. Въ патріархальномъ же обществѣ каждый отдѣльный человѣкъ—членъ своей небольшой группы, которая въ своемъ цѣломъ являлась членомъ большей группы и т. д. Каждый человѣкъ отвѣтственъ только передъ главою своей ближайшей группы: сынъ, жена, рабъ—передъ главою семьи; глава семьи—передъ главою клана; глава клана—передъ главою племени. Практическія послѣдствія подобнаго порядка были существенно важны, какъ мы увидимъ дальше.

Отсутствіе конкурренціи.

IV. Въ патріархальномъ обществѣ не было конкуренціи. Мы привыкли къ такому порядку вещей въ обществѣ, при которомъ каждый человѣкъ дѣлаетъ то, что находитъ для себя лучшимъ и дѣлаетъ такъ, какъ находитъ лучшимъ. Будучи ограниченъ только тѣми или иными законами, большей частью полицейскаго характера, каждый человѣкъ дѣлаетъ, что хочетъ. Если фермеръ находитъ болѣе выгоднымъ посѣять хлѣбъ ранѣе своихъ сосѣдей, онъ такъ и поступаетъ; если плотникъ считаетъ, что лучше сбить гвоздями ящикъ, который обыкновенно другіе свинчиваютъ винтами, онъ такъ и дѣлаетъ; если портному придетъ въ голову идея, что онъ можетъ привлечь заказчиковъ продажей чая, онъ и начнетъ продавать его. Патріархальное же общество пришло бы отъ всего вышеупомянутаго въ ужасъ, такъ какъ жизнь въ немъ была регулирована опредѣленными обычаями, всякое отступленіе отъ которыхъ считалось нечестіемъ. Какъ создалась подобная идея и какъ постепенно исчезла, мы увидимъ впослѣдствіи. Теперь же мы должны имѣть въ виду, обсуждая патріархальное общество, что каждый въ немъ имѣлъ свои, предназначенныя ему мѣстнымъ обычаемъ обязанности, и не только обязанности, но и способы, какими онъ долженъ былъ ихъ выполнять. И ко всякому уклоненію отъ обычныхъ правилъ относились неодобрительно.

Теперь мы обратимся къ великому открытію, благодаря которому патріархальное общество стало возможнымъ и неизбѣжнымъ.

ГЛАВА IV.

Прирученіе животныхъ.

Искусство укрощать дикихъ животныхъ и пріучать ихъ служить на пользу человѣка составляетъ одно изъ величайшихъ въ мірѣ открытій. Насколько достовѣрно, что нѣкоторыя изъ человѣческихъ расъ никогда не могли постигнуть это искусство, какъ напр., австралійскіе дикари, настолько же достовѣрно, что многія человѣческія расы, научившись ему, пришли къ послѣдствіямъ чрезвычайной важности. Мы ничего не знаемъ о человѣкѣ или людяхъ, введшихъ это искусство впервые, кромѣ весьма смутныхъ, вполнѣ недостовѣрныхъ преданій. Какъ и многіе другіе великіе благодѣтели человѣчества, они остались неизвѣстными. По всей вѣроятности, это открытіе было сдѣлано независимо разными человѣческими расами при стеченіи нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Какъ произошло прирученіе животныхъ.

Хотя мы и не можемъ говорить съ увѣренностью о времени возникновенія этого искусства и о людяхъ его введшихъ, мы все таки можемъ сдѣлать нѣсколько довольно вѣроятныхъ предположеній о томъ пути, какимъ возникло и развилось прирученіе животныхъ. Начнемъ съ того, что наиболѣе полезныя изъ домашнихъ животныхъ, какъ то: овца, лошадь, коза, корова и проч., какъ намъ вполнѣ извѣстно, существуютъ теперь или существовали ранѣе въ дикомъ состояніи. И, конечно, нельзя предполагать, что дикіе экземпляры этихъ животныхъ (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ) происходятъ отъ бѣжавшихъ изъ неволи домашнихъ животныхъ. Вѣроятно, возможность прирученія

животныхъ, время его начала и путь, которымъ оно шло у той или другой дикарской организаціи, вполнѣ зависѣли отъ характера и привычекъ дикихъ животныхъ, находившихся въ окружающей ихъ мѣстности, такъ какъ намъ теперь вполнѣ извѣстно, что многія изъ дикихъ животныхъ совсѣмъ не годятся для приручения. Трудно предположить, напримѣръ, чтобы левъ, тигръ или медвѣдь сдѣлались вполнѣ домашними животными, хотя ихъ сила и выносливость оказались-бы весьма полезными, если бы человѣкъ могъ спокойно ими пользоваться. И многіе народы оставались въ совершенно дикомъ состояніи, благодаря отсутствію въ ихъ странѣ животныхъ, годныхъ къ приручению. Другіе народы, какъ напримѣръ эскимосы, имѣвшіе въ своемъ сосѣдствѣ только предковъ нынѣшней собаки и сѣвернаго оленя, были весьма ограничены въ разнообразіи годныхъ къ приручению животныхъ. Третьи имѣли возможность приручить овцу, принесшую весьма большую пользу дѣлу цивилизаціи и, наконецъ, нѣкоторымъ народамъ удалось приручить еще болѣе цѣнныхъ—быка и корову.

Избытокъ дичи.

Но мы все еще далеки отъ разрѣшенія вопроса, какъ же былъ открытъ способъ приручения животныхъ. Несмотря на то, что отчетъ Гальтона [1]) объ изслѣдованіяхъ въ Южной Африкѣ, опубликованый имъ въ половинѣ XIX вѣка, даетъ весьма важныя указанія, намъ все таки въ этомъ вопросѣ приходится итти путемъ соображенія и догадокъ. Двѣ наиболѣе поразительныя черты въ характерѣ дикаря—б е з п е ч н о с т ь и ж а д н о с т ь. Будучи совершенно неспособнымъ дѣлать запасы и не имѣя представленія о нуждахъ будущаго, дикарь въ отвратительныхъ оргіяхъ поѣдаетъ добычу удачной охоты. Случайный удачный захватъ большого стада дичи, по-просту, служитъ ему поводомъ для объѣденія; но даже обжорство дикаря имѣетъ свои предѣлы, и въ исключительно богатое дичью время у него остается излишекъ. Цивилизованный человѣкъ приложилъ бы всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать изъ этого излишка запасы на случай нужды. Дикарь же безполезно растрачиваетъ его, отчасти зная, что мясо скоро портится, а отчасти

[1]) Narrative of an Explorer in Tropical South Africa Loudon 1853.

благодаря отсутствію у него представленія о будущемъ. „Пеминканъ“ т. е. сушеное на солнцѣ мясо, запасаемое краснокожимъ индѣйцемъ и „caches“, т. е. зарытые въ землю запасы—вотъ предѣлъ способности дикаря обезпечивать себя на черный день.

Любимыя животныя.

Но хотя дикарь безпеченъ и жаденъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ часто бываетъ привязчивъ и игривъ. Если у него было пищи болѣе, чѣмъ онъ могъ съѣсть, то онъ не прочь былъ иногда позабавиться, играя съ плѣнными животными, и не убивалъ ихъ. Вначалѣ это, по всей вѣроятности, походило на игру кошки съ мышкой; но мало-по-малу дикарь начиналъ привязываться къ своимъ плѣннымъ животнымъ, и даже по временамъ предпочиталъ пересиливать муки голода, чѣмъ убить ихъ; иначе говоря, въ наиболѣе раннемъ періодѣ прирученіе животныхъ имѣло въ виду не ту или другую выгоду, а забаву и спортъ. Очень важно при этомъ обратить вниманіе на то, что для забавы совершенно естественно выбирали самыхъ лучшихъ и красивыхъ животныхъ изъ захваченнаго стада, которыя своимъ внѣшнимъ видомъ привлекали вниманіе. Исторія хода этого процесса ясно сказывается въ двойственномъ значеніи англійскаго глагола „to like“ [1]). Первоначальное его значеніе было „to like to eat“—любить (хотѣть) ѣсть, впослѣдствіи оно означало также „to like to keep“—любить (хотѣть) сохранить или „have by one“—имѣть для (при или возлѣ) себя. И мы имѣемъ два выраженія „I like mutton“—я люблю баранину и „I like my dog“—я люблю мою собаку.

Разумѣется, въ концѣ концовъ, чувство привязанности дикаря къ животному должно было уступить чувству голода, и онъ убивалъ его. Голодъ былъ утоленъ, и у дикаря, совершенно естественно, закрадывалась въ сознаніе идея о выгодности имѣть приученныхъ животныхъ, могущихъ, хотя бы отчасти, обезпечивать его на случай голода. Постепенно прирученіе животныхъ стало дѣломъ обычнымъ. Затѣмъ мало-по-малу, путемъ опыта, дикарь пришелъ къ сознанію, что онъ можетъ извлекать большую пользу изъ приученныхъ животныхъ, помимо употребленія ихъ въ пищу. И вотъ, для дикаря являются какъ бы дарами

[1]) To like—любить, нравиться, желать, хотѣть.

невѣдомой силы—шерсть овцы и козы и молоко коровы. Рожденіе же дѣтенышей у плѣнниковъ должно было не въ малой степени увеличить его наслажденіе новоприобрѣтенной собственностью. А его знаніе лѣса и привычекъ животныхъ въ ихъ дикомъ состояніи оказалось весьма полезнымъ въ его новой роли воспитателя и пастуха стадъ и табуновъ прирученныхъ животныхъ. Но разъ онъ пріобрѣлъ стада и табуны, онъ пересталъ быть дикаремъ и превратился въ скотовода.

Совершенно естественно,—хотя можетъ быть и не очень справедливо—считали, что оставшіеся послѣ утоленія голода дикарскимъ становищемъ животныя имѣютъ какую-ту особую связь со своими ловцами, а потому воспитаніе и присмотръ за этими животными поручался поймавшимъ ихъ лицамъ. И съ теченіемъ времени привыкали смотрѣть на этихъ животныхъ, какъ на собственность ихъ воспитателей. При разслѣдованіи вопроса о происхожденіи весьма важнаго установленія *права собственности* многіе утверждаютъ, что оно получило свое начало въ захватѣ, въ плѣненіи. Но врядъ-ли это разсужденіе правильно, такъ какъ отчеты наблюдателей дикарскихъ обществъ показываютъ намъ, что въ этихъ обществахъ пойманныя животныя, *поскольку они нужны для пищи*, считаются общественной собственностью; и только когда требованіе голода удовлетворено, допускается оставшихся животныхъ сохранять тѣмъ, которые ихъ поймали. Затѣмъ, мало-по-малу, люди смотрящіе за животными, все болѣе и болѣе привыкаютъ къ нимъ и все съ большимъ и большимъ неудовольствіемъ смотрятъ на всякое вмѣшательство во что бы то ни было, касающееся этихъ животныхъ. Совершенно такъ-же, какъ обыкновенно бываетъ съ дѣтьми, которыя во многомъ похожи на дикарей: ребенокъ обращаетъ вниманіе не на то, *какимъ образомъ попала игрушка въ домъ*, а на то, *кто ею пользуется*—„я постоянно играю съ нею, а слѣдовательно она моя“. То же чувство развивается у дикаря къ прирученному имъ быку или овцѣ.

Родство по мужеской линіи.

Теперь мы должны обратить вниманіе на важнѣйшія послѣдствія, вызванныя переходомъ къ скотоводству.

Во первыхъ, сравнительно не трудно понять, какимъ образомъ переходъ къ скотоводству повелъ къ установленію обычая считать родство по мужеской линіи. Въ дикомъ или охотничьемъ періодѣ охота велась главнымъ образомъ мужчинами, а женщины, хотя и принимали по временамъ участіе въ охотѣ, но выполняли незначительныя обязанности: носили оружіе, устанавливали ловушки и проч. Ихъ главное занятіе заключалось въ присмотрѣ за мѣстомъ стоянки, въ приготовленіи пищи и въ томъ, что всегда является неизбѣжной обязанностью женщинъ—въ уходѣ за дѣтьми; понятно, что ихъ трудъ мало цѣнился дикаремъ.

По мѣрѣ того, какъ дикарь все болѣе и болѣе сознавалъ пользу разведенія животныхъ, дикарская стая (pack) постепенно превращалась въ пастушеское общество, въ которомъ мужчины занимались разведеніемъ и уходомъ за скотомъ, водили стада на пастбища и водопой, охраняли скотные загоны отъ четвероногихъ и двуногихъ враговъ, обучали рабочій скотъ; а женщины занимались второстепенными обязанностями: пряжей шерсти, доеніемъ коровъ и козъ, выдѣлкой масла и сыра. Однимъ словомъ, какъ мы видѣли выше, мужчина оказался собственникомъ—скотоводомъ, хозяиномъ дѣла, а женщина его второстепенной, но необходимой помощницей. Это, несомнѣнно, увеличило значеніе мужчины, а слѣдовательно и послужило основаніемъ къ созданію патріархальной семьи, въ которой женщина играла необходимую, но подчиненную роль, а мужчина былъ главнымъ хозяиномъ; и родство, конечно, стало считаться по мужеской линіи.

Цѣнность труда.

Мало-по-малу эти новыя занятія пріучаютъ бывшаго дикаря цѣнить трудъ. Человѣку, у котораго удачно пошло дѣло разведенія скота, понадобились помощники для ухода за его стадами, и помимо домашней работы женщины, ему нужна была мужеская помощь внѣ дома—для охраны стадъ, для выгона ихъ на пастбище утромъ и пригона домой вечеромъ.

Эта-то потребность, вѣроятно, и вызвала къ жизни два наиболѣе важныя учрежденія пастушескаго періода—п о с т о я н н ы й б р а к ъ и р а б с т в о. Въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ дальше, ничего нѣтъ неумѣстнаго въ со-

четаніи этихъ двухъ учрежденій, какъ бы это ни показалось страннымъ современному человѣку.

О постоянномъ бракѣ было выше упомянуто, какъ объ одной изъ существенныхъ чертъ патріархальнаго быта. Нѣкоторые поверхностные писатели склонны приписывать его установленіе какимъ-то смутнымъ усовершенствованіямъ нравственности и вкуса. Къ сожалѣнію, факты указываютъ на менѣе возвышенные мотивы его возникновенія, а именно постоянный бракъ былъ вызванъ желаніемъ мужчины обезпечить исключительно за собою однимъ работу женщины и ея потомства. Если бы перемѣна въ брачныхъ отношеніяхъ произошла по болѣе высокимъ мотивамъ, то по всей вѣроятности, въ нихъ господствовали бы двѣ характерныя черты: 1) численное равенство и 2) свободное взаимное согласіе мужчины и женщины на заключеніе брака. Между тѣмъ въ періодъ патріархальнаго быта, какъ разъ наоборотъ, въ брачныхъ отношеніяхъ господствовали совершенно противуположныя черты, во всякомъ случаѣ на болѣе низкой ступени его развитія. Полигамія, многоженство является господствующимъ правиломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мужъ, будучи нетребовательнымъ по отношенію поведенія своихъ женъ съ другими мужчинами, ревниво охраняетъ свои исключительныя права на ихъ работу, и всѣ рожденныя ими дѣти, кто бы ни былъ ихъ отецъ, принадлежатъ ему. Съ другой стороны, древніе способы заключенія брака—путемъ похищенія или покупки—указываютъ на то, что согласіе или несогласіе женщины на бракъ не имѣло никакого или, во всякомъ случаѣ, очень малое значеніе. Въ бракахъ путемъ похищенія мужъ похищалъ свою будущую жену у сосѣдняго племени и насильно увозилъ ее къ себѣ домой. Въ продолженіи долгихъ временъ, послѣ того какъ похищеніе и увозъ силой прекратились, воспоминаніе о нихъ сохранялось въ повсемѣстныхъ брачныхъ обычаяхъ, при которыхъ продѣлывалось нѣчто вродѣ фиктивнаго похищенія невѣсты, и считалось неприличнымъ, если дѣвушка шла вѣнчаться, не оказавъ мнимаго сопротивленія. Утверждаютъ также, что даже шаферъ въ современномъ изящномъ обществѣ есть не что иное, какъ пережитокъ товарищей жениха древнихъ временъ, содѣйствовав-

Постоянный бракъ.

шихъ ему при похищеніи, а подруги невѣсты изображаютъ подругъ былыхъ временъ, пытавшихся защитить свою товарку отъ похитителя. Послѣсвадебная-же поѣздка — не болѣе, какъ воспоминаніе бѣгства отъ раздраженныхъ родственниковъ невѣсты.

Въ болѣе мирномъ бракѣ, путемъ покупки, женщина превращалась въ предметъ, имѣющій продажную цѣнность, за который уплачивалось обыкновенно то или другое количество крупнаго или мелкаго скота ея собственникамъ, т. е. родственникамъ. Въ современномъ утонченномъ обществѣ „цѣна невѣсты“ (bride-price) [1]) укрѣпляется за ней, или въ иныхъ случаяхъ уплачивается въ видѣ свадебныхъ подарковъ, для пополненія будущаго хозяйства. Въ древнія же времена цѣна невѣсты уплачивалась, если не звонкой монетой, то, во всякомъ случаѣ, солиднымъ скотомъ, ея родственникамъ въ вознагражденіе за убытки, понесенные ими отъ брака дѣвушки, лишившаго ихъ ея рабочей силы. Какъ намъ извѣстно, Іаковъ уплатилъ за своихъ женъ работой, но это, вѣроятно, одно изъ исключеній.

Въ патріархальномъ обществѣ отецъ дюжины здоровыхъ, красивыхъ дочерей могъ считаться богатымъ человѣкомъ.

Рабство. Несомнѣнно, рабство получило свое начало изъ постепенно развившейся привычки не убивать, а оставлять у себя живыми своихъ плѣнныхъ. Въ дикарскій періодъ войну, какъ нами намѣчено было выше, начинали вслѣдствіе голода, и захваченныхъ членовъ чужой стаи убивали и съѣдали. Но по мѣрѣ того, какъ возрастала увѣренность въ пищѣ, необходимость прибѣгать къ канибализму исчезала, и въ результатѣ получилось одно изъ благодѣтельныхъ послѣдствій перехода къ скотоводству,—прекращеніе убійства плѣнныхъ для ѣды и сохраненіе ихъ съ цѣлью воспользоваться ихъ работой. Можетъ показаться страннымъ, что мы, говоря о рабствѣ, называемъ его благодѣтельнымъ послѣдствіемъ. Но человѣку, изучающему исторію, прежде всего

[1]) Въ англійскомъ обществѣ при заключеніи брака очень часто мужъ, по контракту, обезпечиваетъ за женой опредѣленный капиталъ или доходъ на случай своей смерти, а всѣ знакомые посылаютъ подарки невѣстѣ, которые за нѣсколько дней до свадьбы выставляются на показъ.

надо понять, что многое, кажущееся намъ теперь скверным, могло быть когда-то переходомъ къ менѣе худшему отъ болѣе худшаго. Рабство безобразно, но оно лучше каннбализма. Замѣтимъ, между прочимъ, что здѣсь опять мы обязаны нѣкоторымъ прогрессомъ не подъему нравственности, а практической надобности. Нравственность является послѣдствіемъ, а не причиной соціальнаго прогресса.

Пастушескія племя.

Итакъ, мы видѣли, какъ благодаря переходу къ пастушескому образу жизни, дикарская „стая“, съ ея безпорядочными организаціей и брачными отношеніями, превратилась въ пастушеское племя съ постояннымъ бракомъ и твердо установленнымъ родствомъ, по мужеской линіи; при этомъ женщина покидала свое племя, семью и дѣлалась членомъ племени и семьи своего мужа. Грубый способъ добыванія женъ, посредствомъ похищенія или покупки, вызывался установившимся еще въ дикарскій періодъ убѣжденіемъ, запрещающимъ бракъ между близкими родственниками. А правило о томъ, похищать ли женщинъ у сосѣдняго племени или покупать у другихъ семействъ своего же племени, устанавливалось въ зависимости отъ того, какая степень родства допускалась при заключеніи брака, и это правило, вѣроятно, измѣнялось сообразно обстоятельствамъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мужъ являлся единственнымъ хозяиномъ семьи и полнымъ господиномъ своихъ женъ, дѣтей, рабовъ и животныхъ, которые всѣ были почти на одномъ положеніи.

Установленіе новыхъ брачныхъ отношеній.

Очень трудно прослѣдить точный путь весьма важнаго перехода отъ безпорядочныхъ брачныхъ отношеній дикарей къ опредѣленнымъ, нѣсколько жестокимъ установленіямъ патріархальной семьи. Остроумный намекъ на этотъ процесъ въ древней Аравіи дѣлаетъ Робертсонъ Смитъ въ своей книгѣ: „Родство и бракъ“, гдѣ онъ указываетъ на сохранившіеся у патріархальныхъ арабовъ слѣды существовавшаго у нихъ въ прошломъ дикарскаго строя жизни. Тамъ же высказывается предположеніе о томъ, что продолжительный періодъ войнъ и смутъ могъ повести къ вышеуказанному переходу, вызвавъ объединеніе въ группы для военныхъ цѣлей со стороны воиновъ-мужчинъ, при чемъ каждый мужчина ревниво охранялъ своихъ женъ и дѣтей. Но разрѣшеніе интересую-

щаго насъ вопроса въ смыслѣ высказаннаго Смитомъ предположенія встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ угодно, а не громоздкимъ патріархальнымъ семействомъ захотѣлъ бы обременить себя воинъ, да и періодъ господства военнаго своеволія врядъ-ли подходящее время для установленія прочныхъ брачныхъ узъ. Въ общемъ представляется довольно вѣроятнымъ, что именно развитіе собственности послужило главнымъ факторомъ въ дѣлѣ созданія патріархальнаго племени и патріархальной семьи. Даже наше слово семья (family), какъ утверждаютъ, происходитъ отъ итальянскаго слова „famel“, т. е. рабъ.

Другія послѣдствія пастушества.

Въ заключеніе этой главы мы вкратцѣ укажемъ на одинъ-два важныхъ вклада, внесенные въ дѣло прогресса цивилизаціи открытіемъ искусства приученія животныхъ. Скотоводство, увеличивъ количество пищевыхъ продуктовъ и правильность снабженія ими, очевидно, содѣйствовало численному и физическому росту населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно было повести къ созданію неравенства въ силѣ, какъ между племенами, такъ и между семьями. Въ главныхъ чертахъ всѣ дикари сходны, и одно дикарское общество похоже на другое. Но при переходѣ къ скотоводству климатическія условія и большее или меньшее искусство въ разведеніи скота должны были очень скоро создать неравенство: одно племя стало богатымъ, другое осталось бѣднымъ. Да и въ самихъ племенахъ тоже должно было создаться неравенство: однѣ семьи стали богаче другихъ; соотвѣтственно превосходству силы и способностей одни изъ стоящихъ во главѣ ихъ лицъ пріобрѣтали болѣе скота, чѣмъ другіе. Древнее ирландское общество имѣло классовую организацію, устанавливавшую различіе между простыми свободными людьми и богатыми владѣльцами стадъ, а среди этихъ послѣднихъ — соотвѣтственно степени ихъ богатства. Первоначальная однородность общества была нарушена установившимся у богатыхъ скотовладѣльцевъ обычаемъ сдавать излишній скотъ болѣе бѣднымъ своимъ соплеменникамъ за опредѣленную арендную плату и за „угощеніе“ владѣльца скота, посѣщавшаго по временамъ своего арендатора подъ предлогомъ желанія посмотрѣть, въ какомъ состояніи находится его скотъ.

Новыя идеи.

Прирученію животныхъ мы обязаны зарожденіемъ двухъ новыхъ идей, безъ которыхъ цивилизованное общество не могло бы существовать въ нынѣшнемъ видѣ: это—идеи о прибыли и о капиталѣ. Въ настоящее время мы считаемъ барышемъ чистую прибыль отъ какого бы то ни было коммерческаго оборота,—первоначально онъ получался отъ приплода домашнихъ животныхъ. Какой-нибудь человѣкъ, имѣвшій дюжину козъ, вдругъ оказывался черезъ годъ владѣльцемъ двадцати, хотя и не прибавилъ къ своему стаду ни одной вновь пойманной козы. Понятіе о барышѣ постепенно развилось, и на немъ основана вся современная промышленность. Но даже, если бы его стадо и не увеличилось естественнымъ приплодомъ, то и тогда скотоводъ убѣдился бы, что можетъ жить нѣкоторое время, не уменьшая числа своихъ животныхъ, только продуктами, получаемыми отъ нихъ ввидѣ коровьяго и козьяго молока, овечьей шерсти и т. п. Подобное открытіе могло бы имѣть могущественное вліяніе на дикаря и побудить его не убивать своихъ животныхъ, а держать ихъ живыми для полученія отъ нихъ постояннаго дохода. Это именно то, что мы подразумѣваемъ подъ капиталомъ, т. е. сохраненное богатство производитъ будущее богатство. Но въ дикарскомъ обществѣ не было мѣста великимъ идеямъ, онѣ—прямое послѣдствіе скотоводства. Мы теперь видимъ, что лѣнивый, сытый дикарь, занимавшійся ради забавы прирученіемъ животныхъ въ дѣйствительности закладывалъ начало всемірной революціи въ исторіи человѣка. Интересно обратить вниманіе на то, что среди цивилизованныхъ народовъ почти совсѣмъ исчезло искусство приручать дикихъ животныхъ. Оттого ли, что всѣ годныя къ прирученію животныя уже стали домашними, или оттого, что цивилизованный человѣкъ такъ далеко ушелъ отъ дикихъ животныхъ, что пересталъ понимать ихъ?

ГЛАВА V.

Племенная организація.

Теперь мы будемъ имѣть дѣло съ тѣмъ, какимъ образомъ организовалось человѣческое общество для удовлетворенія требованій пастушескаго образа жизни, который мы попытались описать въ предыдущей главѣ. Говоря объ этомъ предметѣ, мы будемъ освѣщать его фактами изъ жизни кельтовъ Британскихъ острововъ, которые до сравнительно недавняго времени находились въ патріархальномъ періодѣ, и изъ жизни тѣхъ подданныхъ Индійской Имперіи, среди которыхъ, какъ, напримѣръ, пенджабовъ даже въ настоящее время мы имѣемъ весьма благопріятные случаи для изученія патріархальныхъ учрежденій. По временамъ мы будемъ указывать и на примѣры изъ жизни другихъ народовъ, какъ то: грековъ временъ Гомера, древнихъ римлянъ, новозеландцевъ и арабовъ. Но эти указанія мы будемъ дѣлать только для расширенія горизонта и для выясненія, на сколько широко было распространено занимающее насъ видоизмѣненіе человѣческаго общежитія. И мы много выиграемъ въ ясности, если въ общемъ будемъ близко придерживаться одного образца.

Племя. Въ патріархальномъ обществѣ, какъ нами было сказано выше, весьма важную роль играло племя, т. е. то или другое количество людей, вѣрившихъ въ свое происхожденіе непосредственно по мужеской линіи, отъ одного общаго всѣмъ весьма отдаленнаго предка. Мы сказали „вѣрившихъ“, имѣя въ виду, что если наше объясненіе происхожденія „племени“ вѣрно, то порядокъ счета потомства по мужеской

линіи развился уже послѣ того, какъ данная группа существовала въ теченіе, можетъ быть, даже цѣлыхъ тысячелѣтій. Но существованіе глубокой вѣры въ происхожденіе отъ одного общаго предка уже при самомъ началѣ агнатицизма [1]) т. е. счета по мужеской линіи, подтверждается забавными усиліями соплеменниковъ найти, во что бы то ни стало, одного общаго предка (или—какъ онъ называется въ наукѣ—„eponym“) для своего племени. Такъ лѣтописцы британской исторіи ведутъ происхожденіе своего племени отъ Брута (троянскаго), внука Энея. А въ другой древней рукописи происхожденіе всѣхъ „Cymry of Strathclyde“ ведется отъ нѣкоего „Cocl Hen“, воспоминаніе о которомъ, какъ предполагаютъ, осталось въ названіяхъ разныхъ мѣстъ Аиршайра [2]).

Каждое изъ тевтонскихъ племенъ, поселившихся въ Британіи, вело свое происхожденіе отъ скандинавскаго героя Одина. Белучи Пенджаба считаютъ себя потомками Мира Гамзи, дяди Магомета; а патаны, сосѣднее съ ними племя, вѣрятъ въ свое происхожденіе отъ израильскаго царя Саула.

Принадлежность къ племени.

Разъ придавалось такое важное значеніе происхожденію по мужеской линіи, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что полноправными членами племени считались только законныя дѣти полноправныхъ же членовъ племени. И только они одни имѣли свою долю въ племенномъ имуществѣ, и они одни могли принимать участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ племени. Въ дѣйствительности, однако, во всѣхъ патріархальныхъ племенахъ жили „чужеземцы“, которые, хотя и отдѣлялись цѣлой пропастью отъ полноправныхъ соплеменниковъ, все таки занимали значительное соціальное положеніе. Такими, напр., были нѣкоторые чужеземцы—по ирландски „Fuidbir“ или „Alltuds“ (какъ ихъ называютъ валлійцы),—которые повидимому ушли изъ своего племени и находились подъ покровительствомъ даннаго племени, или были приняты въ его среду на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Сюда же относятся, по всей вѣроятности, и потомки

[1]) Этотъ терминъ происходитъ отъ римскаго закона, противуполагавшаго agnatio, т. е. связь по мужеской линіи отъ общаго предка — cognatio, т. е. обыкновенному кровному родству.

[2]) Шотландская провинція.

чужеземцевъ отъ браковъ съ женщинами даннаго племени. По временамъ—за выдающіяся заслуги чужеземцевъ—или черезъ нѣсколько поколѣній ихъ потомковъ—вполнѣ усыновляли и дѣлали полноправными членами племени.

Крѣпостные. Имѣлись въ племени также лица, находившіяся въ различной степени крѣпостной зависимости или рабства, такъ какъ пастушеское общество, какъ было указано нами, стремилось пріобрѣсть дешевыхъ работниковъ. Это, очевидно, были плѣнники, захваченные при набѣгахъ на сосѣднія племена или люди,—мы будемъ называть ихъ „осужденными“,—ставшіе крѣпостными потому, что не могли уплатить за причиненныя ими поврежденія, согласно существовавшему въ то время обычаю, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Одни изъ нихъ исполняли обязанности пастуховъ или нѣсколько позже, обязанности сельскихъ рабочихъ, другіе держались въ качествѣ домашнихъ рабовъ.

Сословія внутри племени. Не слѣдуетъ думать, что среди полноправныхъ членовъ племени существовало равенство. Конечно, каждый изъ свободныхъ соплеменниковъ имѣлъ свою долю въ пастбищахъ, имѣлъ право охоты на свободныхъ отъ пастбища земляхъ, право пользоваться защитой со стороны ближайшихъ родственниковъ, право носить оружіе. Но, по всей вѣроятности, какъ нами было указано выше, съ самаго зарожденія скотоводства, главный источникъ богатства племени: коровы, овцы, козы, верблюды и проч. разсматривались какъ частная собственность отдѣльныхъ лицъ. И полноправный членъ племени, не имѣвшій счастья наслѣдовать или захватить въ плѣнъ стадо этихъ цѣнныхъ животныхъ, былъ въ очень незавидномъ положеніи. Ирландскій древній законъ называетъ такихъ бѣдняковъ „Fer Midba“, т. е. низшими людьми въ отличіе отъ „Boaire“, т. е. господъ стадъ. Однимъ словомъ, его положеніе было весьма сходно съ положеніемъ современнаго „свободнаго“ рабочаго, который очень часто убѣждается, что его хваленая свобода ни болѣе ни менѣе, какъ право умереть съ голоду.

Благородные. При такомъ положеніи бѣдняку часто приходилось искать выхода въ томъ, что весьма интересно для насъ, какъ первоначальное зарожденіе учрежденія „лэндлордизма“ или землевладѣнія, сыгравшаго круп-

ную роль во всемірной исторіи. Въ этомъ случаѣ дѣло, конечно, касалось не „земли“, которая въ то время не считалась пригодной для частной собственности, а скота. Бѣдный „низкій“ человѣкъ бралъ на время въ пользованіе часть скота у богатаго „господина стадъ“, обязываясь платить послѣднему ежегодную ренту натурой, а именно: отдавать извѣстную долю получаемыхъ имъ продуктовъ и угощать „господина“ и его друзей условленное число разъ въ теченіе года. Имѣя право пасти опредѣленное количество скота на общественной землѣ, человѣкъ, взявшій взаймы скотъ, могъ, вѣроятно, прокармливать себя, благодаря заключенной сдѣлкѣ. Если, кромѣ занятаго скота, онъ имѣлъ еще свой собственный, то онъ назывался „свободнымъ арендаторомъ“. Если же весь его скотъ былъ взятъ у господина, то онъ превращался въ подчиненнаго собственника скота, т. е. хотя и оставался свободнымъ, но разсматривался какъ человѣкъ весьма низкаго общественнаго положенія.

Богатыя или благородныя лица въ племени также раздѣлялись на нѣсколько степеней, соотвѣтственно размѣрамъ ихъ богатства. Но это раздѣленіе не имѣетъ большого для насъ значенія помимо вопроса о кровной платѣ, о которой мы будемъ говорить ниже.

Помимо раздѣленія на свободныхъ и несвободныхъ, на благородныхъ и просто свободныхъ людей, племя имѣло свою весьма важную общественную организацію.

Должностныя лица

I. Племеннымъ вождемъ обыкновенно былъ старѣйшій изъ опредѣленнаго привилегированнаго колѣна и онъ являлся какъ бы представителемъ родоначальника своего племени. Спенсеръ и Гилленъ указали на то, что у австралійцевъ, взятыхъ нами за образецъ дикарскаго общества, нѣтъ ничего похожаго на существованіе признанныхъ вождей, хотя, безъ сомнѣнія, очень часто лица, выдающіяся силой или считающіяся мудрецами, пользуются большимъ вліяніемъ. Но въ патріархальномъ обществѣ всякое племя имѣетъ своего представителя, который у ирландцевъ назывался Ri, у жителей Валлиса—Pen, у Шотландцевъ—Mormaer, у тевтонскихъ племенъ—Cyning (откуда наше слово King—король), у биличей—Tumandar, у патановъ—„Ханъ“. Званіе вождя было наслѣдственно, но не въ томъ порядкѣ, какъ

это принято у насъ. Въ тѣ времена наслѣдовалъ умершему вождю старѣйшій въ опредѣленномъ привилегированномъ колѣнѣ, если физическая слабость или болѣзнь не препятствовали ему занять этотъ постъ. Валлійскій законъ картинно описываетъ его, какъ старѣйшаго мужа въ родѣ до девятаго колѣна и главу хозяйства и перечисляетъ его обязанности:

а) „Онъ долженъ говорить отъ имени всего рода и надо, чтобы его слушали".

в) „Онъ воюетъ во имя всего рода и надо, чтобы его боялись".

с) „Онъ даетъ охрану (обезпеченіе) во имя всего рода и надо, чтобы его признавали". Иначе говоря, требуется человѣкъ краснорѣчивый, храбрый и честный; и если кандидатъ не имѣлъ вышеозначенныхъ достоинствъ, его могли устранить. Вѣроятно, это и подразумѣвалось древними писателями, когда они говорили, что вождь племени избираемъ. Конечно, это не походило на современные выборы съ избирательными урнами и т. п.

Въ нѣкоторыхъ патріархальныхъ племенахъ существовалъ обычай еще при жизни вождя утверждать его преемника, что показывало съ ихъ стороны немалую предусмотрительность. И у многихъ изъ нихъ имѣлся заранѣе признанный наслѣдникъ вождя.

Послѣ распаденія племени на кланы этотъ обычай продолжалъ существовать и въ нихъ, что приводило въ немалое смущеніе государственныхъ людей королевы Елизаветы, стремившихся ввести въ Ирландіи англійскіе взгляды на порядокъ наслѣдованія. Тотъ-же порядокъ долгое время существовалъ и въ Россіи по отношенію великокняжескаго престола. Великому князю наслѣдовалъ не сынъ, а старѣйшій изъ потомковъ дома Рюрика, вождя варяжской или норманской дружины, завоевавшей Россію въ девятомъ вѣкѣ. Еще дольше этотъ порядокъ продержался въ священной Римской Имперіи, въ которой помимо императора имѣлся предназначенный ему наслѣдникъ—„Римскій Король". При жизни вождя наслѣдникъ дѣйствовалъ въ качествѣ его уполномоченнаго или, иначе говоря, пріучался къ дѣлу правленія.

Должность военачальника, называвшагося у ирландцевъ и шотландцевъ Toisch, у валлійцевъ Dialwr или мститель, а у тевтонскихъ племенъ Heretoch—чрезвычайно интересное учрежденіе, какъ по своему назначенію, такъ и потому, что является первой попыткой подраздѣленія общественныхъ обязанностей. Обыкновенно, какъ нами было указано выше, во главѣ воиновъ стоялъ наслѣдственный вождь племени. Но разъ должность вождя была наслѣдственной, то не смотря на право устраненія неподходящаго кандидата, нерѣдко вождемъ оказывался плохой и неудачный воинъ. Онъ могъ быть умнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, весьма уважаемымъ и любимымъ, но не воиномъ. И вотъ въ трудную минуту временнымъ военнымъ вождемъ выбирается соплеменниками человѣкъ, отличившійся храбростью и военнымъ искусствомъ: нѣчто вродѣ того, какъ поступали римляне, въ гораздо болѣе позднѣйшія времена, при назначеніи „диктатора“. Если къ подобному, такъ сказать, незаконному выбору приходилось прибѣгать нѣсколько разъ, то въ концѣ концовъ это входило въ обычай, и должность военачальника окончательно устанавливалась. Военачальникъ.

Всѣ три должностныя лица: вождь, наслѣдникъ и военачальникъ имѣли нѣкоторыя привилегіи; они, повидимому, пользовались большими правами въ дѣлѣ владѣнія общественной землей; имъ выдѣлялась дополнительная доля изъ добычи, захваченной племенемъ при набѣгахъ, съ цѣлью грабежа, и они получали установленные обычаемъ подарки отъ своихъ соплеменниковъ въ опредѣленные дни года. Первая изъ этихъ трехъ привилегій, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣетъ особенно важное значеніе для исторіи политики.

Совѣтъ составлялся изъ старѣйшинъ, называвшихся въ Ирландіи Brebons, въ Валлисѣ Henadwar, у Тевтонскихъ племенъ Rachimburgs, у магометанскихъ Jirgab и у Индусовъ Panchayat. Совѣтъ.

Совѣтъ или собраніе старѣйшинъ, повидимому, постепенно составился изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ болѣе мелкихъ группъ, на которыя подраздѣлялось племя. Процессъ его образованія и развитія мы постараемся объяснить, когда будемъ говорить объ образованіи клановъ. Главной обязан-

ностью совѣта было „сохраненіе обычаевъ“ племени, установленіе порядка церемоніала и наблюденіе за дѣлами религіи. Онъ являлся весьма важнымъ и необходимымъ учрежденіемъ, когда племя разросталось до большихъ размѣровъ, особенно въ тѣ времена, когда отсутствовали писанные обычаи и законы. Для насъ это учрежденіе очень интересно, какъ зародышъ будущаго конституціоннаго правительства; и съ исторической точки зрѣнія онъ можетъ разсматриваться, какъ праотецъ суда, кабинета министровъ и даже парламента. Иногда онъ состоялъ, какъ напримѣръ у валлійцевъ и у тевтонскихъ племенъ, изъ небольшаго количества лицъ; иногда бывалъ гораздо многочисленнѣе; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ включалъ всѣхъ домохозяевъ. Впослѣдствіи члены совѣта, вѣроятно, присвоили себѣ личныя обязанности хранителей родословной племени,—у ирландцевъ и шотландцевъ—Synnachies, жрецовъ—Druids у валлійцевъ и проч. Но намъ здѣсь придется имѣть дѣло, главнымъ образомъ, со старѣйшинами въ ихъ цѣломъ, т. е. съ племеннымъ совѣтомъ.

Теперь перейдемъ къ двумъ съ нимъ тѣсно связаннымъ предметамъ: къ религіи и закону племени.

Религія племени.

Религія племени служитъ поразительнымъ доказательствомъ вѣрности высказаннаго выше взгляда, что на второй ступени развитія религіозной идеи человѣкъ обоготворялъ существа, бывшія такими-же людьми, какъ и онъ самъ; въ дѣйствительности же они были его предками. Обоготвореніе предковъ, которое и въ настоящее время служитъ религіей огромной части человѣческаго рода, особенно на Востокѣ, повидимому имѣло два источника происхожденія. Первымъ была глубокая вѣра въ существованіе міра духовъ, гдѣ умершіе продолжали жить и двигаться такъ-же, какъ жили и двигались на землѣ,—прообразъ вѣры въ безсмертіе души. Вторымъ,—глубокое уваженіе къ отцовской власти, главѣ патріархальнаго хозяйства, выражавшееся, послѣ его смерти, въ обрядахъ поклоненія ему. Эти обряды иногда принимали жестокій характеръ человѣческаго жертвоприношенія, имѣвшаго въ виду, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, желаніе отомстить людямъ, бывшимъ дѣйствительными или предполагаемыми виновниками смерти

предка. А въ нѣкоторыхъ—руководствовались желаніемъ снабдить предка всѣми удобствами въ мірѣ духовъ: рабами, скотомъ и проч. Въ болѣе утонченной формѣ тотъ-же обычай мы находимъ въ обрядахъ принесенія въ жертву, по закону Ману, пирожковъ и воды предкамъ, и въ другихъ индусскихъ обрядахъ и гимнахъ. Большую роль въ дѣлѣ поклоненія предкамъ играетъ семейный очагъ съ его священнымъ огнемъ и торжественными церемоніями, совершаемыми у него. Не подлежитъ сомнѣнію, что строгое соблюденіе этого обряда въ настоящее время имѣетъ въ виду оживленіе родственной связи, служащей главной основой патріархальнаго общества. Конечно, сомнительно, чтобы въ повседневной жизни современныхъ индусовъ культъ предковъ игралъ такую важную роль, какую приписываютъ ему ихъ священныя книги; но его существованіе объясняетъ намъ многое, что иначе осталось бы совершенно темнымъ не только въ исторіи Востока, но и въ исторіи древнихъ грековъ и римлянъ. Тѣмъ изъ читателей, которые спеціально интересуются этимъ вопросомъ, мы можемъ посовѣтовать прочесть знаменитую книгу Фюстель-де-Куланжа „La cité antique“. Здѣсь же совершенно достаточно указать на три характерныя черты, которыми культъ предковъ патріархальнаго общества отличается отъ современнаго понятія религіи.

Отсутствіе прозелитизма.

1) Великія религіи настоящаго времени: христіанство, магометанство и даже буддизмъ считаются ихъ послѣдователями всемірными религіями, и ихъ миссіонеры стараются найти новыхъ послѣдователей во всѣхъ странахъ міра. Для приверженца-же поклоненія предкамъ такой способъ дѣйствія показался бы не только страннымъ, а даже измѣннические; его боги были богами только его племени, они были его предками; на покровительство и помощь этихъ боговъ имѣли право одни ихъ потомки. Какъ-же могъ чужеземецъ принимать участіе въ поклоненіи богамъ, ничего съ нимъ общаго неимѣющимъ? Такъ что ушедшій изъ своего племени человѣкъ патріархальнаго періода оказывался не только среди чуждыхъ ему людей, но и среди чуждыхъ ему боговъ, и для него изгнаніе изъ племени означало потерю не только общественныхъ, но и религіозныхъ связей. Въ настоящее время англичанинъ, поселившійся во Франціи, Германіи,

Италіи, Испаніи и проч. можетъ пойти въ любую христіанскую церковь, и въ каждой изъ нихъ онъ встрѣтитъ поклоненіе тому же Богу, только на разныхъ языкахъ и въ нѣсколько иной формѣ. Для приверженца поклоненія предкамъ это было невозможно: его боги оставались далеко въ его семьѣ, въ его племени, и повсюду онъ встрѣчалъ чужихъ, нерасположенныхъ къ нему боговъ.

Отсутствіе теологіи.

2) Культъ предковъ не былъ теологическимъ, т. е. онъ не давалъ объясненія происхожденія міра. Конечно, патріархальный человѣкъ объяснялъ по своему существованіе и образованіе міра, но это не касалось его религіи. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока пытливая мысль, стремясь объединить разумныя понятія съ религіознымъ долгомъ, не привела къ зарожденію религіи въ современномъ значеніи этого слова. Но еще долго послѣ того поклоненіе предкамъ уживалось рядомъ съ религіей высшаго порядка. Такъ въ Новомъ Завѣтѣ въ посланіяхъ апостоловъ упоминается „о мясѣ, принесенномъ въ жертву идоламъ“. Этотъ укоръ апостола указываетъ на то, что нѣкоторые изъ первыхъ христіанъ считали возможнымъ соединить свою вѣру въ христіанское ученіе съ поклоненіемъ предкамъ. Культъ поклоненія предкамъ былъ практической религіей, возлагавшей на своихъ послѣдователей рядъ обязанностей, не требуя отвлеченныхъ вѣрованій.

Таинственность.

3) Считая своихъ боговъ, т. е. предковъ, принадлежащими только имъ однимъ, послѣдователи разсматриваемаго нами культа ревниво охраняли обряды и формы своего поклоненія отъ любопытнаго взора постороннихъ. Каждое племя, а по его распаденію—каждая самостоятельная группа принимала самыя строгія мѣры для того, чтобы тѣ или другія подробности ихъ обрядовъ не стали извѣстны чужимъ. Древняя исторія полна трагическими разсказами о томъ, какъ жестоко мстили чужеземцамъ, успѣвшимъ проникнуть въ тайны обрядовыхъ церемоній. Въ каждой семьѣ ея спеціальные священные обряды передавались отъ отца къ сыну, подъ строгимъ секретомъ. Обязанность-же сохраненія въ тайнѣ племеннаго культа лежала на старѣйшинахъ, которые впослѣдствіи организовались въ наслѣдственную корпорацію, для предохраненія въ цѣломъ культа и

для совершенія религіозныхъ обрядовъ и церемоній. Въ то время вѣрили, что даже самое существованіе племени зависѣло отъ сохраненія въ тайнѣ его культа, и были склонны всякое бѣдствіе приписывать гнѣву предковъ, раздраженныхъ тѣмъ, что на ихъ алтарь была возложена жертва чужеземцемъ.

Законодательство племени было тѣсно связано, — или вѣрнѣе будетъ сказать,—составляло часть его религіи. Непосредственнымъ послѣдствіемъ установившагося обоготворенія предковъ явилось стремленіе подражать имъ въ жизни, сохраняя нравы и обычаи; однимъ словомъ, поступать во всемъ такъ, какъ поступали почитаемые ими предки. Это стремленіе было основной идеей патріархальнаго законодательства. Табу дикарей, заключавшееся, какъ мы видѣли выше, въ перечнѣ запрещенныхъ вещей, замѣнилось о б ы ч а е м ъ. Закона, въ современномъ значеніе слова, т. е. обязательныхъ правилъ, установленныхъ верховной властью одного лица или общественнаго учрежденія, въ то время не существовало; ихъ замѣняли привычки и обычаи. Все обычное было хорошо; все новое, все нарушавшее сложившійся обычай, считалось сквернымъ. Отчаянное упорство, съ какимъ патріархальное общество держалось старины, между прочимъ, хорошо иллюстрируется извѣстнымъ обычаемъ римлянъ тщательно разсматривать внутренности принесенныхъ ими въ жертву животныхъ, для опредѣленія удачи или неудачи въ предстоящей экспедиціи. Несомнѣнно, этотъ обычай первоначально возникъ у кочующаго племени, отъ котораго произошли римляне. По всей вѣроятности, во время странствованія по новой мѣстности кочевники натолкнулись на пастбища съ неизвѣстной имъ травою. Желая убѣдится въ пригодности пастбищъ, они, покормивъ этой травою нѣсколько животныхъ, убили ихъ для изслѣдованія по ихъ внутренностямъ дѣйствія новой пищи. Вообще же, очень трудно найти истинныя причины происхожденія большинства обычаевъ. Иногда, поводомъ возникновенія могла оказаться та или другая случайность; а иногда, какой нибудь исключительно способный и предпримичивый человѣкъ сознательно вводилъ что нибудь новое, а ему начинали подражать другіе. Но вводить что либо

Законъ племени

новое было весьма опаснымъ дѣломъ: патріархальное общество не любило измѣнять старыхъ привычекъ, въ немъ всякое нововведеніе считалось преступленіемъ. И, по всей вѣроятности, первый человѣкъ, выпившій коровьяго молока, поплатился за это удовольствіе своею жизнью. Настолько рѣдко преднамѣренно нарушались обычаи, что у племенъ не было установлено опредѣленныхъ наказаній за совершеніе ихъ. Обыкновенно оказывалось достаточнымъ заявленія вождя или старѣйшинъ: допустимо ли то или другое обычаемъ, и всѣ повиновались. Если же кто нибудь упорствовалъ въ нарушеніи признаннаго обычая, то раздраженная община изгоняла нечестивца изъ своей среды. На выразительномъ языкѣ древняго Валлійскаго закона такой изгнанникъ назывался „человѣкомъ, порвавшимъ родовыя связи“. Изгнаніе производилось весьма жестокимъ образомъ. Въ общинахъ, жившихъ близъ моря, какъ напр. въ Южномъ Валлисѣ, приговореннаго къ изгнанію сажали на плотъ и пускали въ открытое море. Въ исторіи другихъ общинъ мы встрѣчаемся съ обычаемъ прогонять виновника въ лѣсную чащу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ для несчастнаго послѣдствія были одинаковы.

Кровная или кровавая месть.

За убійство соплеменника или причиненіе ему вреда, обыкновенно отплачивали кровавой местью. Хотя обычай кровавой мести представляется для насъ варварскимъ, въ свое время онъ явился весьма крупнымъ шагомъ впередъ по пути въ сторону прогресса. И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы вслѣдъ за убійствомъ человѣка происходила всеобщая драка и взаимное избіеніе, дѣло отомщенія убійцѣ и его родственникамъ брали на себя ближайшіе родные убитаго и вели его согласно установленнымъ обычаямъ. А если оказывалось сомнѣніе въ виновности предполагаемаго убійцы, то происходило нѣчто вродѣ разбора дѣла: виновный приводилъ своихъ родственниковъ, которые подъ присягой свидѣтельствовали въ пользу его,—или онъ подвергался тому или другому своеобразному испытанію [1]). Если обви-

[1]) Одинъ изъ способовъ подобнаго испытанія, вѣроятно, и послужилъ къ установленію существующаго до сихъ поръ въ отсталыхъ странахъ обычая: къ трупу умершаго прикасаются по очереди всѣ присутствующія на похоронахъ лица. Очевидно, это пережитокъ древняго по-

няемый признавался виновнымъ, то начиналась кровавая месть, которая иногда продолжалась долгое время и переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Вознагражденіе за кровь.

Потомъ былъ сдѣланъ слѣдующій шагъ по пути прогресса, когда оказалось возможнымъ замѣнить кровавую месть опредѣленнымъ вознагражденіемъ за убытки. Въ патріархальномъ обществѣ это было осуществимо, благодаря имѣющемуся скоту, которымъ и опредѣлялась цѣнность человѣка. Исходя изъ простой идеи, что цѣнность человѣка находится въ зависимости отъ размѣровъ его богатства, и принимая цѣну жизни неимущаго свободнаго соплеменника за единицу, были установлены штрафы за убійство того или другого лица или за убытки, принесенные ему, соотвѣтственно положенію, которое занималъ въ племени пострадавшій, и размѣрамъ причиненнаго убытка. Плата за кровь называлась у ирландцевъ eric, у валлійцевъ „galanas“ у шотландцевъ ero и у тевтонцевъ wer. Повидимому, замѣна кровавой мести опредѣленнымъ вознагражденіемъ происходила слѣдующимъ образомъ: когда осмотрѣны были раны на тѣлѣ убитаго и нанесшій ихъ розысканъ, или когда похищенный скотъ былъ прослѣженъ вплоть до жилища похитителя, и поднимался вопросъ о кровавой мести, старѣйшины обращались къ пострадавшей сторонѣ съ предложеніемъ принять вознагражденіе за убытки. Согласіе пострадавшихъ на замѣну мести вознагражденіемъ было, вплоть до сравнительно позднѣйшихъ временъ, вполнѣ добровольнымъ; но старѣйшины прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы дѣло окончилось миромъ. Повсемѣстный обычай пожимать другъ другу руку, вѣроятно, имѣетъ свое начало въ порядкѣ, которымъ заканчивались доведенные до благополучнаго конца переговоры враждующихъ сторонъ. Очевидно, старѣйшины, дѣйствовавшіе въ качествѣ примирителей, настаивали на томъ, чтобы примирившіеся пожали другъ другу руки въ знакъ того, что они не поднимутъ оружія одинъ противъ другого, такъ какъ рука, сжатая въ рукѣ другого, не можетъ нанести ударъ.

вѣрья, что если къ убитому прикоснется убійца, то изъ тѣла убитаго потечетъ кровь.

Изъ всего нами сказаннаго ясно видно, что хотя мы и можемъ имѣть представленіе объ общемъ характерѣ законовъ племени, мы не можемъ перечислить ихъ, такъ какъ общихъ законовъ не было; каждое племя имѣло свои законы, обязательные только для его членовъ. Несомнѣнно, во всѣхъ законахъ племени могутъ быть найдены общія имъ всѣмъ черты: наслѣдство по мужеской линіи, запрещеніе брака внѣ племени (а иногда, сообразно обстоятельствамъ, и между соплеменниками), взаимное отношеніе классовъ, право на пастбища и т. п. Но въ подробностяхъ существуетъ большое различіе не только между законами отдѣльныхъ племенъ, но даже въ законодательствѣ различныхъ вѣтвей одного и того же племени. По разслѣдованіямъ индійскаго правительства, въ Британскомъ Пенджабѣ имѣется нѣсколько сотъ различныхъ законодательствъ, не смотря на то, что населеніе его нѣсколько менѣе населенія Великобританіи. Долгое время, до установленія законовъ страны, обыкновенно господствуетъ законъ племени, и человѣкъ соглашается подчиняться только своему закону, т. е. закону своего племени.

ГЛАВА VI.

Земледѣліе и кланъ.

Какъ въ дѣлѣ открытія искусства приручения животныхъ, такъ и въ дѣлѣ обработки земли, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на то, кому обязанъ міръ этимъ безцѣннымъ благодѣяніемъ. Существующія по поводу этого легенды, очевидно, произведеніе гораздо болѣе позднихъ временъ и скорѣе указываютъ на перенесеніе искусства земледѣлія изъ одной страны въ другую, чѣмъ на его открытіе. **Происхожденіе земледѣлія.**

И хотя мы не имѣемъ никакихъ указаній по этому предмету, мы можемъ путемъ разсужденій придти къ довольно вѣроятному заключенію о томъ, какимъ образомъ впервые зародилось искусство земледѣлія. Вернемся къ нашимъ старымъ знакомымъ—Австралійскимъ дикарямъ. Австралійскій дикарь не имѣетъ никакого понятія объ обработкѣ земли, но онъ собираетъ зерна дикаго растенія Nardoo, толчетъ ихъ въ самодѣльной грубой ступкѣ и печетъ изъ нихъ нѣчто вродѣ хлѣба. Предположимъ, что онъ собралъ этихъ зеренъ болѣе, чѣмъ ему было нужно до наступленія зимы и зарылъ остатокъ зерна въ землю для того, чтобы оно сохранилось до его возвращенія въ слѣдующемъ году на лѣтнее становище. Предположимъ далѣе, что въ странѣ, болѣе одаренной естественными богатствами, зима оказалась дождливая или весна наступила ранѣе обыкновеннаго. Возвратившись въ свое лѣтнее становище, дикарь увидѣлъ, что оставленныя имъ въ прошломъ году зерна пустили ростки, совершенно похожіе на тѣ ростки необходимаго ему растенія, которые онъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ встрѣ-

чалъ въ лѣсу. Такой наглядный урокъ не могъ пройти безполезно даже для дикаря. То же самое могло случиться и съ дикимъ ячменемъ или какимъ-нибудь другимъ, употребляемымъ человѣкомъ въ пищу зерномъ.

Характеръ земледѣлія.

Но разъ, такимъ или другимъ образомъ, вниманіе дикаря было обращено на то, что отъ брошенныхъ въ землю зеренъ вырастаютъ дающія ихъ растенія, несомнѣнно, раньше или позже, дикарь станетъ примѣнять это къ дѣлу и начинается земледѣліе въ самой примитивной формѣ, а дальнѣйшее развитіе его уже только вопросъ времени. Весьма возможно, что земледѣліе, въ своей наиболѣе примитивной формѣ, во многихъ случаяхъ началось одновременно съ пастушествомъ. Но не трудно понять, почему оно развилось гораздо позже скотоводства. Для этого стоитъ сравнить работу земледѣльца съ работой пастуха; трудъ второго, по сравненію съ трудомъ перваго, и легокъ и пріятенъ, а человѣкъ, въ особенности первобытный, не склоненъ къ работѣ только изъ любви къ труду. Поимка и прирученіе дикихъ животныхъ было привлекательнымъ занятіемъ для дикаря: одно удовлетворяло его чувство охотника, другое развлекало его въ часы досуга, да и ежедневный выгонъ стадъ на пастбище тоже не очень тяжелая работа. Дойка же скота, выдѣлка шкуръ, пряжа, тканье и прочее было, большей частью, удѣломъ женщинъ и дѣтей при пастушескомъ образѣ жизни. Но какъ бы первоначальное проклятіе виситъ надъ головой земледѣльца—„въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ твой“.

Причина перехода къ земледѣлію.

Такимъ образомъ въ теченіе долгихъ временъ земледѣліе является какъ бы дополнительнымъ занятіемъ для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ предметовъ роскоши, а не главнымъ средствомъ къ жизни человѣка. И только по мѣрѣ роста населенія, что всегда является результатомъ движенія впередъ по пути прогресса, увеличивающаяся потребность въ пищевыхъ продуктахъ вынудила человѣка все болѣе и болѣе прибѣгать къ земледѣлію, расширяя его примѣненіе и совершенствуя способы обработки земли. Земледѣліе хотя и трудная работа, но даетъ несравненно большее количество продуктовъ, нежели скотоводство. Ученый нѣмецкій писатель, докторъ Августъ Мейзенъ, посвятившій всю свою жизнь

вопросамъ, связаннымъ съ дѣломъ земледѣлія, вычислилъ, что площадь земли, необходимая для содержанія ста человѣкъ, занимающихся скотоводствомъ, въ состояніи прокормить въ три или четыре раза большее количество людей, если къ ней будетъ приложенъ земледѣльческій трудъ. По всей вѣроятности, въ широкихъ размѣрахъ земледѣліе стало примѣняться впервые на берегахъ Нила и въ Мессопотаміи, гдѣ тянутся обширныя пустыни и мало пастбищъ для скота, а покрытыя наноснымъ иломъ долины великихъ рѣкъ представляютъ благопріятную почву для сравнительно легкаго и весьма производительнаго земледѣлія. Оттуда оно, черезъ Малую Азію, проникло на Сѣверъ и на Западъ и сдѣлалось извѣстнымъ по всей Европѣ, гдѣ и принималось населеніемъ по мѣрѣ роста потребностей. Когда Цезарь говорилъ о германцахъ, что они не учатся земледѣлію, онъ, очевидно, хотѣлъ этимъ сказать, что они предпочитаютъ скотоводство земледѣлію. Несомнѣнно, для удовлетворенія ихъ потребностей въ то время оказывались достаточными продукты скотоводства: мясо, сыръ, молоко и проч. Въ лѣтописяхъ аббатства Клонмакнойзъ есть очень интересное мѣсто, въ которомъ говорится, что въ Ирландіи „не было ни канавъ, ни заборовъ, ни каменныхъ стѣнъ вокругъ земель и повсюду тянулись гладкія поля до пришествія сыновей Аэда Слена (VII вѣкъ по Р. Х). Но такъ какъ въ ихъ время было изобиліе семействъ, то они ввели размежеваніе Ирландіи". Нѣкоторые изъ писателей предполагаютъ, что этимъ указывается на раздѣленіе открытыхъ пахатныхъ полей на огороженные семейные участки. Но всего вѣроятнѣе, что лѣтописецъ указываетъ именно на всеобщій переходъ отъ скотоводства къ земледѣлію, вслѣдствіе „многочисленности семей". Вообще же, и помимо этого, имѣются въ избыткѣ доказательства исключительнаго господства въ Ирландіи пастушескаго образа жизни въ болѣе ранній періодъ.

Первоначальные способы земледѣлія.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что начало земледѣлія означаетъ обработку земли тѣми способами, которыми она обрабатывается въ настоящее время; и не будетъ излишнимъ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя указанія на тѣ ступени, которыми земледѣліе достигло своего современнаго развитія, и тогда

же перейти къ обсужденію болѣе важнаго вопроса—о послѣдствіяхъ, вызванныхъ введеніемъ его.

Очистка лѣсовъ.

Очевидно, приступая къ земледѣлію, почти всегда приходилось начинать съ расчистки земли, по той простой причинѣ, что наиболѣе плодородная почва обыкновенно бываетъ покрыта долголѣтними растеніями. Конечно, уже немалыя пространства земли были расчищены въ предыдущее время, но скотоводы не были склонны жертвовать пастбищами для невполнѣ, по ихъ мнѣнію, достовѣрнаго урожая, и предпочитали расчистку новыхъ участковъ земли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ расчистку производили самымъ примитивнымъ образомъ: сжигали лѣсъ и кустарникъ, перемѣшивали полученную золу съ землей и сѣяли зерна, оставляя ихъ расти вмѣстѣ съ сорными мѣстными травами. Въ другихъ случаяхъ вырубали лѣсъ и разрывали землю своеобразной мотыгой, которая, повидимому, была ничѣмъ инымъ, какъ палкой дикаря для раскопки земли, но въ болѣе усовершенствованномъ видѣ.

Экстенсивная обработка земли.

На очищеной тѣмъ или инымъ образомъ землѣ сѣяли изъ года въ годъ, пока одинъ изъ основныхъ законовъ природы не давалъ себя знать: отъ ежегоднаго посѣва того же сорта зеренъ на томъ же участкѣ земли почва теряла плодородіе, урожай изъ года въ годъ становился хуже и, въ концѣ концовъ, приходилось бросать безплодный участокъ земли и расчищать новый. Такой способъ обработки земли называется экстенсивнымъ и чрезвычайно непроизводителенъ по отношенію къ затраченному труду и земельной площади.

Брошенные участки земли покрывались травою и, конечно, служили для пастбищъ скота. И вотъ, когда новое расчищенное пространство истощалось, земледѣлецъ иногда пробовалъ возвратиться къ старымъ участкамъ, вмѣсто того, чтобы предпринимать тяжелую работу новой расчистки; и тутъ его ожидало новое важное открытіе: его участокъ земли, оставленный въ теченіе нѣкотораго времени безъ посѣва (подъ паромъ), вновь становился плодороднымъ. Это важное открытіе повело къ установленію двухпольнаго хозяйства.

Двухпольная система.

Община, обратившая вниманіе на вышеизложенное свойство почвы, раздѣляла свои пахатныя земли на двѣ равныя части и, попеременно, одну изъ нихъ засѣвала, а другую оставляла подъ паромъ. Эта двухпольная система хозяйства и въ настоящее время еще широко распространена въ отсталыхъ странахъ.

Трехпольная система.

Слѣдующій шагъ по пути развитія земледѣлія былъ сдѣланъ, благодаря открытію новаго закона природы, заключающагося въ томъ, что хотя посѣвъ того же рода сѣмянъ изъ года въ годъ истощаетъ землю, но перемѣнный посѣвъ разнородныхъ сѣмянъ истощаетъ ее въ гораздо меньшей степени. Это открытіе повело къ замѣнѣ двухпольной системы трехпольной. При этой системѣ пахатная земля раздѣляется на три равныя части и на двухъ изъ нихъ производится одновременный посѣвъ двухъ разнородныхъ сѣмянъ, а третья остается подъ паромъ. Предполагая, что земля раздѣлена на три поля A, B и C., и засѣваются одновременно бобы и овесъ, мы получаемъ слѣдующее:

1-й годъ поле A — овесъ, поле B — бобы, поле C — подъ паромъ.
2-й годъ „ B — овесъ, „ C — бобы, „ A — подъ паромъ.
3-й годъ „ C — овесъ, „ A — бобы, „ B — подъ паромъ.
4-й годъ „ A — овесъ, „ B — бобы, „ C — подъ паромъ

и такъ далѣе.

Преимущества трехпольной системы по отношенію разнообразія посѣва были оцѣнены очень давно, но во многихъ случаяхъ люди предпочитали держаться старой двухпольной системы, утверждая, что новая трехпольная система требуетъ большого труда по распашкѣ полей. Въ средніе вѣка это вызвало горячія споры въ Западной Европѣ. Въ концѣ концовъ защитники трехпольнаго хозяйства, какъ и слѣдовало ожидать, одержали верхъ. Ихъ доказательства были такъ точны и неопровержимы, что не безынтересно будетъ привести ихъ здѣсь. Возьмемъ для примѣра площадь земли въ 180 десятинъ и сперва предположимъ, что половина его B подъ паромъ, а на другой половинѣ A засѣяны бобы и овесъ. Итакъ, мы имѣемъ:

A I. 45 десятинъ.	B I. 45 десятинъ.
A II. 45 десятинъ.	B II. 45 десятинъ.

Оказывается, что въ теченіе года намъ пришлось бы:

Въ сентябрѣ вспахать поле A I и посѣять овесъ — 45 десятинъ.
Въ мартѣ „ „ A II „ „ бобы — 45 „
Въ іюнѣ „ дважды все поле
B—90×2 „ —180 „
270 десятинъ.

Итакъ, намъ при двухпольной системѣ пришлось бы вспахать въ теченіе года 270 десятинъ земли. Посмотримъ теперь, что получается при трехпольной системѣ, Раздѣлимъ то же количество земли на три поля: A, B и C; одно засѣемъ овсомъ, другое бобами, а третье оставимъ подъ паромъ.

Итакъ мы имѣемъ:

A.	B.	C.
60 десятинъ.	60 десятинъ	60 десятинъ.

Въ теченіе года намъ пришлось бы:

Въ сентябрѣ вспахать поле A и засѣять овсомъ . . . . . 60 дес.
Въ мартѣ „ „ B „ „ бобами . . . . . 60 „
Въ іюнѣ „ „ C и оставить его подъ
паромъ 60×2=120
240 дес.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы вспахать, какъ при двухпольной системѣ 270 десятинъ, при трехпольной придется вспахать только 240 десятинъ, т. е. на 30 десятинъ меньше. Но это не все. При двухпольной системѣ мы могли бы собрать жатву только съ 90 десятинъ, при трехпольной-же со 120 десятинъ, опять на 30 десятинъ больше. Такимъ образомъ трехпольная система побила двухпольную и распространилась по всѣмъ передовымъ странамъ средневѣковой Европы.

Трехпольная система господствовала въ Западной Европѣ до сравнительно недавняго времени и была замѣнена еще болѣе выгоднымъ распредѣленіемъ полей. При новѣйшей системѣ почти отсутствуетъ поле подъ паромъ; употребляется большое разнообразіе засѣваемыхъ хлѣбовъ и искуственное удобреніе, при которомъ въ умѣлыхъ рукахъ земля никогда не истощается. Переходу къ новому хозяйству, происшедшему въ Англіи въ XVIII столѣтіи, много содѣйствовали: сношенія съ Голландіей и господствовавшія тогда высокія цѣны на продукты, въ виду военнаго времени. Вообще же, этотъ переходъ тѣсно связанъ не только со способомъ обработки земли, но и съ организаціей земледѣлія и съ тѣми общественными учрежденіями, при которыхъ земледѣліе ведется. Къ исторіи происхожденія ихъ мы теперь и перейдемъ.

Организація сельскаго хозяйства.

Къ концу среднихъ вѣковъ, когда—въ эпоху возрожденія и реформаціи—сталъ распадаться старый порядокъ вещей, типичной земледѣльческой единицей была деревня и не только въ Европѣ, но въ Индіи, Египтѣ, Персіи и проч. Съ перваго взгляда деревня представляется просто тѣмъ или другимъ количествомъ людей, живущихъ по близости одинъ отъ другого и обрабатывающихъ сосѣдніе участки земли. Въ современной деревнѣ Западной Европы жители ея дѣйствительно не болѣе, какъ сосѣди. Но средневѣковая деревня представляла изъ себя нѣчто совсѣмъ иное: она была деревенской общиной. Послѣднее время говорилось много вздору по поводу деревенской общины, придавая этому выраженію значеніе соціалистической группы, работающей и потребляющей сообща. Такое объясненіе совсѣмъ не подходитъ къ исторической общинѣ. Каковъ бы ни былъ нашъ взглядъ на происхожденіе средневѣковой деревни, но у насъ нѣтъ ни одного указанія на существованіе въ историческія времени какой-нибудь группы (большей, чѣмъ одно домохозяйство), обрабатывавшей сообща землю и распредѣлявшей между собою ея продукты. Наоборотъ, каждый домохозяинъ обрабатывалъ свой участокъ земли и собиралъ свою жатву. Несмотря на это, въ выраженіи деревенская община заключается серьезный смыслъ, который лучше всего станетъ ясенъ, если

мы укажемъ нѣсколько характерныхъ различій между средневѣковой деревней XVI в. и современной англійской, французской или нѣмецкой.

Открытыя поля.

1) Прежде всего укажемъ на чисто внѣшнее различіе. Въ средневѣковой деревнѣ почти совсѣмъ отсутствовали въ поляхъ заборы и загородки. Вся пахатная земля представляла открытое пространство, поля-же отдѣлялись другъ отъ друга незапаханными полосами земли (межами) [1]), на которыхъ кой-гдѣ росли деревья. Прекрасные живые заборы современной англійской деревни—результатъ возникшаго стремленія къ огораживанію занимаемыхъ участковъ, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Подобное различіе, конечно, не всегда должно имѣть связь со способомъ земельнаго хозяйства; но въ нашемъ случаѣ, какъ мы увидимъ дальше, оно имѣло немалое значеніе.

Равенство участковъ.

2) Въ современной деревнѣ фермы бываютъ всевозможныхъ размѣровъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Разсматривая же планы земельныхъ владѣній средневѣковыхъ деревень, на которыхъ обозначено распредѣленіе земли между фермерами, мы невольно обратимъ вниманіе на относительное равенство между фермерами. Большинство изъ нихъ имѣло около 30 акровъ каждый, два—три на деревню около 120 акровъ каждый, при чемъ какъ-бы существовало опредѣленное отношеніе между размѣрами большихъ и малыхъ участковъ: вторые, по большей части, въ четыре раза больше первыхъ; затѣмъ уже идутъ совсѣмъ ничтожные крохотные клочки земли, расчищенные въ пустыряхъ, которыми пользовались бѣдняки. Почти на каждомъ деревенскомъ планѣ мы найдемъ владѣнія мѣстнаго лорда—большой домъ съ обширнымъ огороженнымъ пространствомъ земли и огромнымъ участкомъ въ открытыхъ поляхъ.

---

[1]) Обращаемъ вниманіе русскаго читателя на то, что авторъ сравниваетъ средневѣковую деревню съ современной англійской, гдѣ, по большей части, каждый клочекъ земли огороженъ или живымъ заборомъ или чуть не сплошной деревянной, а изрѣдка и каменой стѣной. Наша русская деревня въ этомъ отношеніи мало отличается отъ средневѣковой.

3) Соотвѣтственно замѣченному нами различію по размѣрамъ земельныхъ участковъ, существовало въ средневѣковой деревнѣ раздѣленіе на классы; бѣднѣйшіе работали на болѣе богатыхъ, но не въ качествѣ наемныхъ рабочихъ настоящаго времени, а въ уплату за находящуюся въ ихъ пользованіи землю, причемъ наиболѣе бѣдные, несомнѣнно, отдавали почти весь свой трудъ: въ Англіи — лорду, въ Персіи — агѣ и заминдару въ Индіи [1]). Мелкіе фермеры, имѣвшіе 30 акровъ, хотя и работали на лорда, но отдавали ему только относительно незначительную долю своего времени, уплачивая отчасти деньгами за арендованную ими землю; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ входили въ соглашеніе съ лордомъ объ уплатѣ всей аренды деньгами и превращались въ обыкновенныхъ арендаторовъ. Тѣмъ не менѣе, арендаторъ былъ когда-то крѣпостнымъ, т. е. человѣкомъ, обязаннымъ работать волей-неволей на другого. **Принудительная работа.**

4) Въ настоящее время каждый фермеръ имѣетъ находящуюся въ его пользованіи землю, болѣе или менѣе, въ одномъ кускѣ. Въ средневѣковой же деревнѣ земля каждаго изъ фермеровъ не только находилась въ двухъ или трехъ различныхъ поляхъ, на которыя была раздѣлена вся пахатная деревенская земля, соотвѣтственно системѣ хозяйства, но и въ каждомъ изъ этихъ полей она была не въ одномъ кускѣ, а въ небольшихъ полосахъ (около 1 акра), находившихся въ разныхъ частяхъ поля. Помимо пользованія 30-ю акрами пахатной земли, средневѣковой фермеръ имѣлъ право выгонять опредѣленное количество рогатаго скота и лошадей на деревенскіе луга и опредѣленное количество второстепенныхъ животныхъ, какъ-то: ословъ, свиней, гусей и проч. на общественные пустыри; онъ также пользовался правомъ рѣзать для себя торфъ и рубить дрова въ деревенскихъ лѣсахъ и болотахъ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ все нужное для хозяйства, что могла дать ему земля. **Чрезполосное владѣніе.**

---

[1]) Это довольно темное объясненіе автора касается хорошо извѣстныхъ намъ порядковъ, существующихъ и теперь въ русской деревнѣ, т. е. аренды крестьянами земли у помѣщика исполу, или за отработку на его поляхъ. *Прим. пер.*

Съ „черезполоснымъ“ пользованіемъ землею былъ тѣсно связанъ обычай передѣла полосъ между фермерами, черезъ опредѣленные промежутки времени. Въ болѣе передовыхъ странахъ Европы этотъ обычай прекратился задолго до конца среднихъ вѣковъ. Но въ Швеціи и Даніи еще сохранялись его слѣды до начала нашего времени; въ Индіи же и Персіи онъ еще существуетъ и въ настоящее время и производится подъ наблюденіемъ деревенскаго старшины.

Обычное владѣніе.

5) Непосредственное слѣдствіе черезполоснаго пользованія — веденіе хозяйства согласно обычаю—можетъ быть, является наиболѣе отличительнымъ признакомъ средневѣковой деревни. Въ настоящее время каждый фермеръ сѣетъ, коситъ и пашетъ, когда и какъ находитъ удобнымъ и выгоднымъ для себя; однимъ словомъ, онъ управляется со своей землей вполнѣ свободно въ предѣлахъ арендnаго контракта съ землевладѣльцемъ. Совсѣмъ иначе было въ средневѣковой деревнѣ; черезполосное владѣніе не допускало свободы дѣйствія, и всѣ земледѣльческія работы были подчинены устарѣвшимъ правиламъ и обычаямъ, сложившимся въ незапамятныя времена. Время посѣва, способъ удобренія, уборка и т. д.—все было регулировано обычаемъ. Подобное положеніе, очевидно, являлось главной причиной застоя въ дѣлѣ земледѣлія въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, не давая возможности предпріимчивымъ фермерамъ вводить тѣ или другія улучшенія, не убѣдивъ предварительно всю деревню въ необходимости нововведенія.

Должностныя лица.

6) Въ обыкновенной деревнѣ настоящаго времени иногда есть свой полицейскій и свой мэръ или предсѣдатель приходскаго совѣта; но полицейскій назначается посторонней властью, которая ему и платитъ. Мэръ или предсѣдатель приходскаго совѣта имѣютъ мало дѣйствительной власти. Средневѣковая же деревня имѣла большой составъ лицъ, исполнявшихъ общественныя должности. Во-первыхъ, былъ староста, который выбирался лордомъ изъ числа жителей деревни, а иногда и ими самими. Онъ былъ представителемъ деревни, отвѣтственнымъ лицомъ передъ лордомъ за правильное исполненіе обязательныхъ работъ, наблюдалъ за исполненіемъ обычаевъ и велъ дѣла деревни съ внѣшнимъ міромъ. Положеніе старосты, дававшее, по всей вѣроятно-

сти, нѣкоторыя преимущества, имѣло, очевидно, и свои невыгодныя стороны, такъ какъ отказъ выбраннаго лица отъ принятія должности не допускался. Слѣдующимъ должностнымъ лицомъ былъ констэбль или стражникъ, на которомъ лежала обязанность передавать по домамъ деревни распоряженія и извѣщенія, созывать жителей на общее собраніе къ священному дереву и приводить въ исполненіе приказанія старосты или постановленія общаго собранія жителей. Третье должностное лицо, спеціальный стражникъ, загонялъ бродившій безъ присмотра скотъ въ особое помѣщеніе и выдавалъ его хозяевамъ по уплатѣ ими опредѣленнаго штрафа въ общественную кассу. Потомъ шли: общественный пастухъ, общественный свинопасъ и др. Въ Индіи и другихъ восточныхъ странахъ плотникъ, кузнецъ, сапожникъ, горшечникъ и пр. находятся въ деревнѣ на общественной службѣ; они надѣляются опредѣленнымъ количествомъ земли, которая обрабатывается для нихъ жителями деревни; а они, въ свою очередь, обязаны исполнять работы по своей спеціальности для всѣхъ жителей деревни, по мѣрѣ надобности. Такъ, вѣроятно, было въ старину и въ Европѣ.

Вышеизложенное достаточно ясно показываетъ, что хотя средневѣковая деревня не похожа на соціалистическую общину, она вмѣстѣ съ тѣмъ была хорошо организованнымъ и тѣсно сплоченнымъ обществомъ, совершенно не похожимъ на группу случайно живущихъ по сосѣдству независимыхъ фермеровъ современной деревни, связанныхъ между собою только тѣмъ, что арендуютъ землю у того же землевладѣльца.

Происхожденіе деревни.

О томъ, какимъ образомъ впервые сложилась деревня, существуютъ два мнѣнія. Одно утверждаетъ, что первоначально деревня была группою родственниковъ, обрабатывавшихъ землю для самихъ себя. Другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что первоначально деревня была группой крѣпостныхъ (или рабовъ), работавшихъ на своего господина. Профессоръ Мейтлендъ и профессоръ Виноградовъ (послѣдній съ оговоркой) придерживаются перваго взгляда, а Сибомъ (Subohm) и Фюстель-де-Куланжъ — второго. Трудно себѣ представить, чтобы взгляды тѣхъ или другихъ вышеназван-

ныхъ знаменитыхъ ученыхъ были вполнѣ неосновательны, и авторъ этой книги считаетъ пріятнымъ долгомъ предложить свое разрѣшеніе интересующаго насъ вопроса, включающее взгляды обѣихъ сторонъ.

Возвратимся къ племенной организаціи. Въ ней, какъ мы видѣли, были свободные, родственные между собою соплеменники и чужеземцы, находившіеся въ болѣе или менѣе зависимомъ положеніи. Далѣе, мы видѣли, какъ свободные, но бѣдные брали у своихъ богатыхъ соплеменниковъ въ наемъ скотъ, и, наконецъ, въ каждомъ племени былъ свой вождь. Это раздѣленіе племени на классы поразительно схоже съ подобнымъ же раздѣленіемъ на классы въ средневѣковой деревнѣ, только что описаной нами въ этой главѣ. Вождь племени соотвѣтствуетъ лорду или агѣ деревни; богатые члены племени — богатымъ фермерамъ; бѣдные соплеменники — фермерамъ съ 30-ю акрами; а чужеземцы — безземельнымъ.

Но все вышеизложенное, въ концѣ концовъ, можетъ оказаться просто случайнымъ совпаденіемъ; и мы не вправѣ утверждать, что оно доказываетъ историческую связь деревни съ племенемъ. И, дѣйствительно, есть не мало существенныхъ различій, съ которыми слѣдуетъ считаться. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что въ племенной организаціи за пользованіе скотомъ бѣдняки платили аренду не вождю племени, а богатымъ владѣльцамъ скота. Въ деревнѣ же бѣдные фермеры уплачивали аренду трудомъ и деньгами, главнымъ образомъ, деревенскому лорду. Но всѣ кажущіяся противорѣчія объясняются тѣмъ, что между племенемъ и деревней была еще одна переходная ступень — кланъ, къ разсмотрѣнію происхожденія и развитія котораго мы пока и перейдемъ.

Флейсъ

Къ счастью, это не представитъ для насъ большихъ затрудненій, такъ какъ по этому вопросу у насъ имѣется довольно документальныхъ данныхъ. Въ древнемъ законодательствѣ Ирландіи мы встрѣчаемъ имѣющій большое значеніе титулъ — флейсъ (flaith), непосредственно связанный съ владѣніемъ землей и получавшійся боерами (патріархальными скотовладѣльцами).

На землѣ флейса жили:

a) Ciniud, т. е. его родственники по отцу.

b) Ceile, т. е. арендаторы, бывшіе его свободные соплеменники, бравшіе у него въ пользованіе скотъ.

c) Fuidber, т. е. чужеземцы, попавшіе къ нему или вслѣдствіе раздѣла ихъ въ племени между боерами, или по добровольному договору, но, во всякомъ случаѣ, находившіеся на его попеченіи.

Повидимому, флейсомъ обыкновенно дѣлался тотъ боеръ, чей родъ въ теченіе трехъ поколѣній неизмѣнно оставался въ положеніи богатаго скотовладѣльца и пользовался той же площадью земли. Но какимъ образомъ богатый скотовладѣлецъ сдѣлался землевладѣльцемъ?

Съ достаточною увѣренностью можно сказать, что въ періодъ пастушества племенная земля находилась въ нераздѣльномъ пользованіи всего племени. Да въ раздѣленіи не представлялось и надобности, такъ какъ гораздо легче было опредѣлить долю каждаго соплеменника количествомъ скота, которое онъ могъ выгонять на общественное пастбище, нежели размѣрять землю по акрамъ. Скотъ бродилъ по всему пространству племенной земли, переходя изъ одного мѣста въ другое, сообразно времени года, сопровождаемый своими хозяевами съ ихъ палатками и скуднымъ имуществомъ. Но разъ начало вводиться земледѣліе, то вслѣдствіе избытка домохозяйствъ и перекочевка становилась все болѣе и болѣе затруднительной, и положеніе дѣлъ измѣнилось. На первыхъ порахъ земледѣльцы, конечно, расчищали тѣ мѣста, которыми почти не пользовались ихъ соплеменники. Но мало-по-малу, по мѣрѣ развитія земледѣлія и его усовершенствованія, обработанные участки становились обширнѣе и производительнѣе; а люди, пользовавшіеся этими участками, стали смотрѣть на нихъ, какъ на свою собственность; и общественная земля начала переходить въ частное владѣніе.

Кто же были эти новые землевладѣльцы? Конечно, тѣ, которые разрабатывали участки. А первыми, кто началъ ихъ разрабатывать, были чужеземцы, находившіеся во власти боеровъ. Чужеземцы, на которыхъ падали самыя тяжелыя и непріятныя обязанности въ племени, конечно, первые по-

чувствовали недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ и приступили къ обработкѣ земли, и вотъ племенная земля стала переходить къ богатымъ скотовладѣльцамъ, которые занимали болѣе или менѣе обширные участки со своими арендаторами скота (ceiles) и чужеземцами (fuidbers); а черезъ три поколѣнія они превращались въ флейсовъ и становились уже законными, полноправными владѣльцами занятой ими земли. Между прочимъ, вышесказанное поразительнымъ образомъ подтверждается знаменитой ирландской поэмой „Финтана“ (Finntann) о битвѣ „Maghlena“. Она разсказываетъ намъ, что древняя Ирландія была раздѣлена на сто восемьдесять четыре „Tricha Ceds“; т. е. племенныхъ территорій, каждая изъ которыхъ была подраздѣлена на тридцать „Ballys“, т. е. клановыхъ земель; а въ каждой изъ послѣднихъ паслось по триста головъ крупнаго рогатаго скота и имѣлось по двѣнадцати пахатныхъ полей въ сто двадцать акровъ каждый. Мы, конечно, не обязаны признать цифры, сообщаемыя поэтомъ, за вполнѣ достовѣрныя, но съ общимъ описаніемъ дѣла, которое онъ даетъ намъ въ своей поэмѣ, мы можемъ согласиться.

Подтвержденіе вышесказаннаго мы имѣемъ также въ солидномъ свидѣтельствѣ „Валлійскаго Закона“, который упоминаетъ не только о племени (tribe), но и о его подраздѣленіяхъ и, между прочимъ, о „gwely“ [1]), во главѣ которой стоитъ „breyer“, т. е. о семьѣ изъ трехъ поколѣній и о стоящемъ во главѣ ея патріархѣ. Тотъ же законъ говоритъ о землѣ, въ теченіе трехъ поколѣній находившейся въ пользованіи одной и той же семьи, имѣвшей на ней своихъ крѣпостныхъ и арендаторовъ. Въ дополненіе къ этому укажемъ, что, по валлійскимъ источникамъ, первоначально занимались земледѣліемъ только чужеземцы „Alltuds“, свободные же члены племени предпочитали скотоводство.

Теперь перейдемъ къ шотландскимъ источникамъ. Тамъ мы находимъ кланъ (часть племени) уже вполнѣ осѣдлой земледѣльческой единицей. Земля клана обыкновенно раздѣлялась на четыре неравныя части: непосредственное имѣ-

1) Валлійское слово, означающее постель, ложе.

ніе тана, т. е. лорда; на земли, находившіяся въ пользованіи высшаго класса фермеровъ, имѣвшихъ землю на весьма льготныхъ условіяхъ; на земли, находившіяся въ пользованіи мелкихъ фермеровъ (около двадцати шести акровъ на каждаго), и на рабскія земли, распредѣленныя весьма мелкими участками между лицами низшаго сословія, которые почти все свое время проводили на работахъ въ помѣстьѣ тана. Итакъ, мы находимъ поразительное сходство земледѣльческихъ единицъ у всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ нами народовъ—ирландскаго, валлійскаго и шотландскаго.

Родственное начало въ деревнѣ.

Изъ всего вышесказаннаго, если наши разсужденія правильны, мы заключаемъ, что мнѣніе писателей, признающихъ происхожденіе деревни отъ группы родственныхъ между собою лицъ, подкрѣпляется многозначительными, если не прямыми, пережитками древнихъ обычаевъ. Такъ, напримѣръ, въ древней земледѣльческой общинѣ были два обычая: 1) широко распространенный обычай, по которому богатые члены ея отдавали своихъ дѣтей на выкармливаніе болѣе бѣднымъ членамъ общины. Молочное родство, какъ извѣстно, считалось почти равнымъ кровному родству, и этотъ обычай, повидимому, указываетъ на желаніе общины имѣть право утверждать, что всѣ ея члены находятся въ родствѣ между собою; 2) другой—вносить плату вождю или лорду деревни при выходѣ замужъ дочери одного изъ членовъ общины. Очевидно, эта плата представляла собою древнюю „цѣну невѣсты“, уплачивавшуюся роднымъ невѣсты. На то же указываетъ выраженіе „братства“, обозначающее деревню въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи и нежеланіе въ первобытныхъ странахъ, даже въ наше время, дозволять постороннимъ лицамъ пріобрѣтать землю въ деревнѣ.

Съ другой стороны, считающіе происхожденіе деревни отъ господина и крѣпостныхъ, имѣютъ также не мало данныхъ въ свою пользу. Не говоря уже о чужеземцахъ, которые въ этомъ вопросѣ играли не малую роль, мы повсюду въ первобытной общинѣ встрѣчаемъ нѣчто вродѣ податей и аренды, уплачиваемыхъ фермерамъ. Такъ, и въ позднѣйшій періодъ мы еще встрѣчаемъ пищевую ренту и угощенія, уплачиваемыя арендаторомъ скота своему господину, а этимъ послѣднимъ своему вождю. Въ то же время за

всякую землю платилось нѣчто вродѣ подати племенному вождю. Этотъ послѣдній, какъ и глава клана, имѣлъ особыя, назначенныя для его содержанія земли, которыя онъ часто сдавалъ въ наймы за часть продуктовъ, собираемыхъ съ этихъ земель, подобно тому, какъ арендаторъ скота уплачивалъ пищевую ренту собственнику скота. Помимо того, пока еще было много земли, тотъ или другой членъ клана могъ переселиться на свободную землю клана и устроить на ней новую деревню изъ своихъ приверженцевъ; въ такомъ случаѣ онъ становился, несомнѣнно, господиномъ вновь создавшейся деревни.

Однимъ словомъ, въ родственной связи и лордствѣ мы имѣемъ два могущественныхъ объединяющихъ принципа — первый дѣйствуетъ на чувство и стремится къ гармоніи, второй основывается на уваженіи къ силѣ и на искусствѣ повелѣвать и стремится создать послушаніе. И гармонія и послушаніе были необходимы для успѣшнаго приведенія въ порядокъ соціальныхъ единицъ, подобныхъ средневѣковой земледѣльческой деревнѣ.

ГЛАВА VII.

Обрабатывающая промышленность и цехъ.

Обработка металловъ.

Обрабатывающая промышленность, до извѣстной степени, существовала и у дикарей, которые выдѣлывали шкуры убитыхъ животныхъ и т. п. Въ большихъ размѣрахъ она существовала въ пастушескомъ періодѣ, когда жены и дочери скотоводовъ пряли шерсть, ткали изъ нея матеріи, шили платья, выдѣлывали масло и сыръ. Но главный толчокъ движенію впередъ обрабатывающей промышленности былъ данъ развитіемъ земледѣлія, а необходимыя для него орудія производства—плуги, косы, серпы, лопаты и проч. имѣютъ непосредственную связь съ чрезвычайно важной для исторіи цивилизаціи отраслью промышленности—искусствомъ обработки металловъ. Конечно, первобытныя орудія земледѣлія были деревянныя—но оно не могло далеко уйти впередъ, пока деревянныя и каменныя орудія не были замѣнены металлическими.

Примѣненіе желѣза.

Въ настоящее время довольно хорошо извѣстно, что еще пастушескіе народы имѣли нѣкоторыя познанія въ обработкѣ металловъ. Бронзовые шлемы, мечи, нагрудники героевъ Гомера, нечеканная монета (цѣнившаяся по вѣсу) еврейскихъ патріарховъ, серебряныя и золотыя украшенія африканцевъ и древніе бронзовые предметы, постоянно находимые при раскопкахъ,—все доказываетъ намъ глубокую древность искусства обработки металловъ. Но при этомъ нужно замѣтить, именно мягкихъ металловъ, которые могутъ быть обработаны въ холодномъ видѣ каменнымъ молоткомъ. Настоящей же революціей въ дѣлѣ металлическаго

производства явилось открытіе способа обработки желѣза (требующее обработки и сварки огнемъ), несравненно болѣе твердаго, чѣмъ древніе металлы, а потому и болѣе полезнаго.

Есть много данныхъ, указывающихъ на то, что искусство обрабатывать желѣзо не получило своего начала въ Европѣ, а занесено туда съ Востока,—по всей вѣроятности, изъ Египта, гдѣ оно было извѣстно еще въ древнія времена. Одинъ блестящій нѣмецкій ученый, пытавшійся нарисовать картину быта примитивныхъ народовъ арійскаго племени на основаніи ихъ языка, указалъ, что среди народовъ арійскаго происхожденія нѣтъ общераспространеннаго слова для обозначенія желѣза. Изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что нынѣшніе европейцы впервые ознакомились съ желѣзомъ уже послѣ ихъ переселенія въ Западную Европу. Но какъ бы то ни было, въ настоящее время европейскія расы давно уже превзошли всѣхъ въ выдѣлкѣ желѣзныхъ продуктовъ.

Кузнецъ. Обрабатывающая промышленность, въ современномъ смыслѣ слова, началась съ ремесла кузнеца, и почти всѣ остальныя ремесла возникли, благодаря ему. Кузнецъ выковывалъ и чинилъ плуги, косы, серпы и лопаты для земледѣлія, а мечи и пики для войны. Онъ же выдумалъ гвоздь, замѣнившій первобытную кость и деревянный нагель. Онъ же замѣнилъ желѣзнымъ ножомъ заостренный кремень и желѣзнымъ топоромъ кусокъ кварца, насаженный на палку. Если бы кто-нибудь, имѣющій соотвѣтственныя знанія, написалъ исторію кузнечнаго ремесла, прослѣдивъ его развитіе черезъ всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ, онъ оказалъ бы крупную услугу дѣлу спеціальной исторіи. Но и то малое, что мы знаемъ, имѣетъ большое значеніе. Такъ, напримѣръ, довольно достовѣрно, что первое время кузнечное ремесло было въ рукахъ бродячихъ чужеземцевъ, вѣроятно предковъ нынѣшнихъ цыганъ, которые ревниво охраняли свое ремесло и старались окружить свое званіе кузнеца таинственностью. А оттуда, вѣроятно, и происходятъ безконечныя легенды, окружающія званіе кузнеца и представляющія нетронутую почву для изслѣдователя. Предположеніе, что первыми кузнецами въ Европѣ были цыгане, вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніемъ о занесеніи въ Европу искусства обработки желѣза чужеземцами.

Специализація.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, индо-европейская раса, благодаря своей способности приспособленія, давшей ей возможность занять блестящее положеніе въ мірѣ, быстро усвоила это важное ремесло; а вслѣдъ за нимъ возникли и другія ремесла: плотника, работающаго топоромъ, долотомъ и гвоздями, выкованными кузнецомъ; сапожника, работающаго ножомъ и шиломъ; портного — ножницами и иглой; кожевника, токаря, колесника и проч. — всѣхъ съ инструментами, выкованными тѣмъ же кузнецомъ. А вслѣдъ затѣмъ и старыя домашнія ремесла стали постепенно специализироваться, и появились профессіональные прядильщики, пекаря и пивовары [1]).

Торговля.

Но, говоря о производителяхъ, мы не должны забыть и другой, не менѣе важный классъ промышленныхъ работниковъ—распредѣлителей, торговцевъ. Многое даетъ поводъ думать, что идея обмѣна предшествовала идеѣ производства. Австралійскіе дикари, конечно, ничего стоющаго не производятъ, но они обмѣниваютъ естественныя произведенія, имѣющіяся въ ихъ мѣстности, на то, что имъ нужно. Такъ, группа дикарей, охотящаяся въ мѣстности, гдѣ въ избыткѣ находится особый родъ зеленаго камня, употребляющагося для каменныхъ топоровъ, посылаетъ свою молодежь съ грузомъ этого драгоцѣннаго камня для обмѣна на перья птицы, нужныя для украшенія и собираемыя группой дикарей, охотящейся въ мѣстности, гдѣ водится эта птица. Эти примитивные купцы соблюдаютъ опредѣленныя формальности, приближаясь къ чужому становищу; и по обычаю, установившемуся съ незапамятныхъ временъ, ихъ принимаютъ не какъ гостей, а какъ враговъ.

Обмѣнъ и продажа.

Въ продолженіи долгихъ временъ господствовалъ мѣновой торгъ, т. е. люди обмѣнивали одинъ предметъ на другой. Неудобство подобнаго способа веденія торговли вполнѣ ясно. У одного племени, напримѣръ, могутъ быть въ избыткѣ страусовыя перья, а у сосѣдняго племени можетъ не оказаться нужныхъ для перваго предметовъ. Очевидно, торгъ между этими двумя племенами невозможенъ. Многія племена при-

[1]) Интересно замѣтить, что первыми пивоварами въ Англіи были женщины.

бѣгаютъ къ своеобразнымъ единицамъ цѣнности, вродѣ, напримѣръ, африканскихъ раковинъ. Но это мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ сама по себѣ подобная раковина не имѣетъ цѣнности и можетъ служить для весьма малой торговли, главнымъ образомъ внутри племени. Скопленіе большого количества подобныхъ раковинъ у одного племени, принявшаго ихъ въ обмѣнъ за свои продукты, несомнѣнно, принесло бы ему убытки. Когда же стали принимать за единицу стоимости предметъ, на который былъ повсемѣстный спросъ, какъ, напр., быка, тогда люди подошли къ границѣ, отдѣляющей обмѣнъ отъ продажи. И тогда вышеупомянутое нами племя могло продать свой избытокъ перьевъ за столько-то „быковъ“. Быки въ этомъ случаѣ опредѣляютъ цѣну предмета, или, какъ говорятъ экономисты, мѣновую цѣнность его, выраженную деньгами. Вѣрность этого предположенія подтверждается извѣстнымъ историческимъ фактомъ. Первыя монеты изъ драгоцѣнныхъ металловъ, принятыя за единицу стоимости вмѣсто быка, носили на себѣ его изображеніе. Конечно, не металлическая монета непосредственно замѣнила быка, былъ промежуточный періодъ нечеканной монеты, опредѣлявшейся по вѣсу металла.

Сдѣлавъ вышеизложенныя краткія указанія на происхожденіе двухъ отраслей промышленности, производства и обмѣна, мы теперь можемъ возвратиться къ деревнѣ и разсмотрѣть, какимъ образомъ была въ ней организована промышленность, и какія она развила учрежденія.

Деревенскіе ремесленники.

Первоначально было стремленіе включить промышленность въ организацію деревни, и, какъ мы видѣли выше, появились деревенскіе кузнецы, плотники, портные и т. п. А первоначальнымъ торговцемъ, по всей вѣроятности, былъ разносчикъ товаровъ, бродившій со своимъ узломъ изъ деревни въ деревню и служившій какъ бы связующимъ звеномъ между деревнями. Но по мѣрѣ роста промышленности и большой ея спеціализаціи, развивались все новыя и новыя ремесла. И постепенно стало выясняться, что дѣло пойдетъ гораздо быстрѣе и выгоднѣе, а работа лучше, если рабочіе одного и того же ремесла будутъ жить въ какомъ-нибудь центральномъ мѣстѣ, подходящемъ для ихъ производства. Отсюда и получило свое начало то стремленіе въ го-

рода, которое перенесло центръ тяжести промышленности изъ деревни въ городъ. Возможно, что именно постепенное скопленіе ремесленниковъ въ одномъ мѣстѣ положило начало городу, или, наоборотъ, существованіе укрѣпленнаго города привлекло въ него ремесленниковъ. Но, во всякомъ случаѣ, почти съ увѣренностью можно сказать, что однимъ изъ наиболѣе раннихъ учрежденій въ городѣ былъ базаръ или рынокъ. А существованіе рынка тѣсно связано съ развитіемъ промышленности; жители окрестныхъ деревень, конечно, ходили не за сельскохозяйственными продуктами, а за продуктами промышленнаго производства.

Рынокъ.

Главное значеніе рынка было въ его нейтральности; на немъ могли встрѣчаться люди разныхъ общинъ, не нарушая чужой территоріи. По большой части, рынокъ былъ расположенъ на границѣ общинной земли, и на немъ стремились сохранить миръ и порядокъ. Въ средніе вѣка на каждомъ рынкѣ стоялъ крестъ, называвшійся рыночнымъ, и служилъ указаніемъ на особое покровительство церкви. Впослѣдствіи короли и императоры приняли на себя охраненіе мира и безопасности на рынкахъ.

Въ дикомъ же состояніи общества продавецъ и покупатель никогда не приходили въ непосредственное соприкосновеніе, а обмѣнъ производился слѣдующимъ образомъ. Дикарь, желавшій продать какую-нибудь вещь другому племени, подходилъ къ его становищу, клалъ свою вещь на виду у всѣхъ и отходилъ назадъ; тогда подходилъ покупатель и если, по тщательномъ осмотрѣ, оставался доволенъ предлагаемымъ предметомъ, оставлялъ рядомъ съ нимъ свой для обмѣна и отходилъ. Тогда опять подходилъ продавецъ, осматривалъ предложенный въ обмѣнъ предметъ, и если находилъ его подходящимъ, то бралъ съ собою, а если нѣтъ, то уносилъ обратно свой. Такой способъ обмѣна весьма медленный, но для дикаря время не имѣетъ большого значенія. Въ патріархальныя же времена, по всей вѣроятности, признавалось, что „боги рынка“ наблюдаютъ за сохраненіемъ на немъ мира и порядка. Современные базары Востока являются типичными представителями городской жизни въ патріархальныхъ странахъ настоящаго времени.

Цехъ.

Человѣку жить безъ покровительства и защиты, одному, среди большого общества, представлялось невозможнымъ, по древнимъ понятіямъ. И мы видѣли, какъ скотоводство привело къ организаціи племени на родственныхъ началахъ, съ поклоненіемъ предкамъ и со взаимной защитой близкихъ родныхъ при помощи кровавой мести. Мы видѣли далѣе, какъ земледѣліе создало кланъ съ выработанной организаціей землевладѣнія и съ покровительствомъ вождя подчиненнымъ ему соплеменникамъ. Та же самая потребность въ покровительствѣ вызвала организацію ремесленной гильдіи, при начавшемся развитіи промышленности.

Ремесленникъ, очутившись въ новомъ мѣстѣ, вдали отъ своихъ родныхъ, стремился сблизиться съ товарищами по ремеслу, что и повело къ созданію ремесленныхъ организацій, во многомъ похожихъ на тѣ организаціи, въ которыхъ ремесленники привыкли жить раньше. Въ первое время, по всей вѣроятности, эти организаціи были только обществами мира, какъ ихъ называли древніе саксонцы. Но впослѣдствіи они приняли религіозный характеръ, подобно клану съ его поклоненіемъ предкамъ. Каждая средневѣковая гильдія или цехъ имѣла своего святого и, хотя члены ея не вѣрили въ непосредственное свое происхожденіе отъ патрона, они, тѣмъ не менѣе, смотрѣли на него такъ же, какъ смотрѣли члены племени на своего предка. Постепенно цехъ принималъ все болѣе и болѣе дѣловой характеръ, занимаясь регулированіемъ работы и цѣнъ, осмотромъ мастерскихъ, установленіемъ опредѣленныхъ мѣръ и качества продуктовъ, исключеніемъ чужеземцевъ и т. д.

Чѣмъ глубже мы изучаемъ цехъ, тѣмъ болѣе мы находимъ въ немъ сходства съ кланомъ. Въ немъ, какъ и въ кланѣ, господствовала наслѣдственность, въ него принимались только дѣти его членовъ или ихъ ученики. Ученикъ того времени имѣлъ большое сходство съ пріемнымъ сыномъ въ кланѣ. Онъ долго жилъ въ домѣ своего хозяина, который его кормилъ, одѣвалъ и училъ, какъ своего сына. Нѣкоторые авторитетные изслѣдователи утверждаютъ, что индусскія касты выработались изъ наслѣдственныхъ ремесленныхъ цеховъ. Цехъ называлъ своихъ членовъ братьями, заботился

объ ихъ похоронахъ, заказывалъ панихиды о спасеніи ихъ душъ и устраивалъ сиротскіе дома для ихъ дѣтей. Во главѣ цеха стоялъ старѣйшина, разбиравшій споры между членами его, не допускавшій между ними конкуренціи, и, вообще, выполнялъ роль главы родственнаго между собою клана. Цехъ своимъ общественнымъ характеромъ, съ частыми совмѣстными празднествами и общей вышивкой, походилъ на огромную семью.

Итакъ, мы видѣли выше, какъ патріархальное общество довольно успѣшно организовалось для удовлетворенія требованій идущей впередъ цивилизаціи. По мѣрѣ того, какъ дѣлали все новыя и новыя открытія, патріархальное общество оказывалось способнымъ соотвѣтственно видоизмѣнять свою организацію для проведенія въ жизнь и развитія этихъ продуктовъ человѣческаго генія. Очевидно, оно покоилось на присущихъ человѣку основахъ, которыя проявляются сообразно тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ.

Заканчивая главу о патріархальномъ типѣ общества, мы еще разъ сдѣлаемъ краткое указаніе на характерныя черты, отличающія его отъ современнаго политическаго общества, къ изученію котораго мы непосредственно перейдемъ въ слѣдующей главѣ. Чѣмъ яснѣе представимъ мы себѣ различіе этихъ двухъ типовъ общества, тѣмъ легче и лучше мы поймемъ современныя условія жизни, а потому всякое новое разъясненіе и напоминаніе не можетъ оказаться излишнимъ.

1) Въ настоящее время территорія служитъ основой общественной организаціи. Въ патріархальномъ же обществѣ, несмотря на установившуюся, по введеніи земледѣлія, осѣдлость, племя продолжало служить основой общественной организаціи. Даже гильдія смотрѣла на своихъ членовъ, не какъ на простыхъ сосѣдей, а какъ на братьевъ. Они жили рядомъ, потому что принадлежали къ одной гильдіи, а не потому принадлежали къ одной гильдіи, что жили по сосѣдству. То же самое въ племени и въ кланѣ: основой организаціи служитъ личная, а не территоріальная связь.

2) Исключительность патріархальнаго общества вытекаетъ непосредственно изъ предыдущей черты. Только рожденіе

отъ члена племени или усыновленіе имъ дѣлали человѣка полноправнымъ соплеменникомъ. Современное общество, въ противуположность патріархальному, предпочитаетъ большое населеніе и широко открываетъ свои двери чужеземцамъ. Нѣкоторые склонны думать, что патріархальное общество было право въ своей исключительности. Но здѣсь встаетъ дилемма—сохранить чистоту расы и потерять самостоятельность, или принять въ свою среду чужеземца и процвѣтать. Всемірная исторія показываетъ намъ, что другого выхода нѣтъ. Племенная исключительность погубила „города-государства“ древнихъ грековъ и чуть не погубила блестящей будущности Рима. Во всемъ мірѣ мы видимъ одно и то же: чистокровныя расы слабы, смѣшанныя сильны.

3) Постоянство древнихъ обычаевъ играло выдающуюся роль въ жизни патріархальнаго общества, тогда какъ въ современномъ обществѣ обычаи непрерывно измѣняются. Серъ Генри Майнъ разсказываетъ интересную исторію, характеризующую упорство, съ какимъ патріархальныя племена придерживаются старыхъ обычаевъ. Въ одной изъ деревень Индостана британское правительство на свой счетъ провело воду. Всякая англійская деревня, конечно, пришла бы отъ этого въ восторгъ. У индусовъ же произошло страшное волненіе, особенно еще потому, что были установлены необходимыя правила, регулирующія пользованіе проведенной водой. Для патріархальнаго индуса было непонятно, какъ какое-то офиціальное лицо можетъ устанавливать новые обычаи. И неизвѣстно, чѣмъ бы дѣло кончилось, если бы одному смѣтливому чиновнику не удалось уговорить старѣйшинъ убѣдить своихъ односельчанъ, что все это было сдѣлано согласно древнему забытому обычаю, недавно открытому вновь. Когда старѣйшины втолковали это своимъ соплеменникамъ, все успокоилось, и дѣло было устроено. Кастовая система Индіи—непосредственное слѣдствіе патріархальнаго обычая, и когда мы говоримъ о „неизмѣнномъ Востокѣ“, то подразумѣваемъ страны, до сихъ поръ находящіяся подъ властью патріархальнаго обычая.

4) Патріархальное общество составлялось не изъ отдѣльныхъ личностей, а изъ группъ. Наименьшей группой была семья, несравненно болѣе обширная современной, и могла

включать два-три поколѣнія съ женами, дѣтьми, учениками и слугами. Высшая группа, кланъ, не могла вмѣшиваться во внутреннія дѣла семьи, точно также и племя не могло касаться внутренней жизни клана. Въ современномъ обществѣ высшая власть можетъ непосредственно управлять дѣйствіями каждаго отдѣльнаго лица, тогда какъ въ патріархальномъ вождь племени имѣлъ дѣло только съ вождемъ клана, а этотъ послѣдній только съ главою семьи. Но вообще нельзя дѣлать сравненій между верховной властью въ современномъ обществѣ съ какой бы то ни было властью въ патріархальномъ. Первая—вполнѣ деспотическая власть отдѣльнаго лица или парламента, вторая является только хранительницей обычаевъ племени, клана и семьи.

Тѣмъ, кто серьезно интересуется изученіемъ патріархальнаго общества, мы совѣтуемъ прочесть небольшую прекрасную книгу Фулера „Городъ-государство грековъ и римлянъ“. Городъ—государство грековъ—высшій продуктъ патріархальныхъ принциповъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ нимъ не сравнялся ни одинъ изъ соціальныхъ организмовъ но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заключалъ въ себѣ гибельные элементы, приведшіе къ его паденію. Римскій городъ-государство, во многихъ отношеніяхъ менѣе благородный, чѣмъ греческій, доставилъ своимъ членамъ господство надъ всѣмъ міромъ, отбросивъ въ критическій моментъ патріархальные принципы.

Типъ III. Современное (политическое) общество.

ГЛАВА VIII.

Государство и феодализмъ.

Происхожденіе государства или политическаго общества нужно искать въ развитіи военнаго искусства. Нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія исторически доказать, что каждое государство обязано своимъ происхожденіемъ успѣшнымъ войнамъ, и, совершенно естественно, каждое изъ нихъ стремилось придать своей организаціи военный характеръ нѣсколько смягченный остатками патріархальнаго строя. Къ счастью, въ военной организаціи не однѣ только дурныя стороны, но есть и свои хорошія.

Развитіе военнаго искусства.

Невольно является вопросъ — какимъ образомъ военные инстинкты могли развиться съ такою поразительною силою въ обществѣ, уже успѣвшемъ организоваться на болѣе мирныхъ основаніяхъ? Конечно, всегда существовали войны: племени съ племенемъ, клана съ кланомъ, деревни съ деревней и города съ городомъ. Но въ патріархальномъ періодѣ онѣ по большей части являлись результатомъ кровавой мести, причемъ распря то утихала, то разгоралась вновь, и иногда продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Эти войны не походили на тѣ организованныя войны, которыя положили начало современному государству. Онѣ велись добровольцами, а не профессіональными воинами.

Мы не знаемъ въ точности причинъ, вызвавшихъ развитіе военнаго искусства, но мы можемъ указать нѣсколько

фактовъ, которые могли послужить къ его развитію, и можемъ сдѣлать нѣсколько весьма вѣроятныхъ предположеній.

Прирость населенія.

Прежде всего мы должны указать на сильный ростъ населенія и вызываемый имъ временный недостатокъ въ продуктахъ потребленія. При нормальной жизни общества населеніе непрерывно возрастаетъ, и то же пространство земли, при тѣхъ же способахъ добыванія пищевыхъ продуктовъ, не въ состояніи удовлетворять потребностямъ населенія, а это вызываетъ тѣ или другія послѣдствія: иногда бѣдствіе, въ видѣ эпидемической болѣзни, обрушивается на голодающее населеніе и уничтожаетъ массу человѣческихъ жизней; иногда происходитъ массовое переселеніе въ менѣе населенныя страны и временно уменьшаетъ густоту населенія; иногда же является болѣе дѣйствительное средство — въ видѣ новаго великаго открытія или изобрѣтенія, сильно увеличивающаго производительныя силы страны и на долго обезпечивающаго необходимыми продуктами растущее населеніе. Такую роль сыграли, какъ мы видѣли, открытіе искусства приученія животныхъ, вызвавшее переходъ отъ охотничьей жизни къ скотоводству; открытіе искусства обработки земли и вызванный имъ переходъ къ осѣдлости. Если же не происходило ничего подобнаго вышеизложенному, то возгоралась война, и слабѣйшія племена уничтожались или подчинялись игу сильнѣйшихъ.

Накопленіе богатства.

Другой причиной, содѣйствовавшей развитію военнаго искусства, могло послужить накопленіе богатства, явившееся послѣдствіемъ развитія земледѣлія. Скотоводъ во всякое время могъ все свое имущество, заключавшееся въ стадахъ, перевести изъ одного мѣста въ другое. И племя, чувствовавшее себя слабымъ, въ виду грозящей опасности, складывало свои палатки и перекочевывало на новыя мѣста. У земледѣльца дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Онъ былъ привязанъ къ землѣ. Онъ жилъ не въ палаткѣ, а въ домѣ, стоившемъ ему не малаго труда. Богатство его состояло изъ пахатныхъ полей, — плода многолѣтней тяжелой работы, да изъ амбаровъ и погребовъ, наполненныхъ зерномъ, виномъ и прочей заманчивой добычей для предпріимчивой шайки грабителей. Еще болѣе привлекательной добычей, конечно,

оказывались возникавшіе, благодаря развитію промышленности, города съ накопленнымъ въ нихъ богатствомъ.

Усовершействованіе оружія.

По всей вѣроятности, не мало содѣйствовали развитію военнаго искусства усовершенствованія въ дѣлѣ обработки металловъ. Желѣзное, а затѣмъ стальное вооруженіе, замѣнившее древній деревянный лукъ и кожаный щитъ, несомнѣнно, усилили воинственный духъ предпріимчивыхъ искателей приключеній; а цѣнность новаго вооруженія повела къ спеціализаціи военнаго искусства и создала особый военный классъ — профессіональныхъ воиновъ современнаго общества. Въ древнія времена всѣ были воинами по мѣрѣ надобности; но, по мѣрѣ развитія и цивилизаціи, большая часть населенія предалась разнообразнымъ занятіямъ и постепенно стала раздѣляться по спеціальностямъ, и военное искусство также выдѣлилось въ особую спеціальность. Все это имѣетъ непосредственную связь съ образованіемъ государства.

Германскія военныя дружины.

Въ интересныхъ разсказахъ Тацита о жизни древнихъ тевтоновъ мы находимъ важныя указанія. У нихъ, кромѣ главы племени, выбиравшагося по праву рожденія изъ опредѣленнаго рода, былъ еще военачальникъ, выбиравшійся за военныя доблести. Этотъ послѣдній стоялъ во главѣ дружины воинственныхъ предпріимчивыхъ товарищей, не принимавшихъ участія въ обыденной жизни своего племени, а непрерывно занятыхъ военнымъ дѣломъ: защищая свое племя отъ набѣговъ враговъ, они производили набѣги, съ цѣлью грабежа, на другія племена. Вождь кормилъ и одѣвалъ свою дружину, пировалъ съ нею за однимъ столомъ и дѣлился съ нею награбленной добычей; дружина была безусловно предана своему вождю, и считалось позоромъ уйти съ поля сраженія живымъ, если вождь былъ убитъ. При пораженіи тѣло вождя обыкновенно было завалено грудами тѣлъ его дружинниковъ. Первоначально эти дружины, по всей вѣроятности, состояли изъ родственниковъ своихъ вождей; а потомъ, постепенно, превратились въ дружины волонтеровъ, набиравшихся изъ любителей приключеній и охотниковъ военнаго дѣла.

Основаніе государства.

Государство получало свое основаніе, когда одному изъ подобныхъ военныхъ вождей удавалось со своей дружиной

захватить ту или другую обширную мѣстность и прочно укрѣпить въ ней свою власть. Это производилось двумя способами:

1) Предводитель дружины, упрочивъ свою власть надъ роднымъ племенемъ, постепенно, путемъ военныхъ успѣховъ, распространялъ ее на сосѣднія племена и, въ концѣ концовъ, превращался въ правителя обширной территоріи. Такъ происходило дѣло въ Англіи, когда, послѣ долгой борьбы за главенство въ первой четверти девятаго столѣтія, всѣ семь племенныхъ королевствъ были объединены въ одну монархію, подъ названіемъ Англіи, эссекскимъ королемъ Эгбертомъ. То же самое произошло въ девятомъ же вѣкѣ и въ Скандинавіи, гдѣ, послѣ упорныхъ битвъ, безчисленное множество племенъ объединилось въ три историческихъ королевства: Норвегію съ королемъ Гаральдомъ во главѣ, Данію съ королемъ Гормомъ и Швецію съ королемъ Эрикомъ. Такимъ же образомъ объединились шотландцы подъ главенствомъ правящаго дома Малькольма Канмора, и валлійцы подъ властью своихъ наслѣдственныхъ князей, которые ко времени норманскаго завоеванія уже были правителями всей страны. Въ Ирландіи же господствовала постоянная междуусобица: тамъ ни одному вождю не удалось упрочить власть своей династіи надъ всей страной. То же самое мы видимъ и на континентѣ Европы, гдѣ франкскія дружины Хлодвига, благодаря блестящимъ военнымъ успѣхамъ, овладѣли обширной территоріей.

2) Другимъ образомъ государство образовывалось путемъ успѣшнаго переселенія воинственныхъ дружинъ въ чужія страны, которыя ими завоевывались. Такъ образовались королевства лонгобардовъ и вестъ-готтовъ, а такъ называемыя норманскія завоеванія установили: въ девятомъ вѣкѣ норманскую династію въ Россіи, въ десятомъ—норманское герцогство на сѣверѣ Франціи, въ одиннадцатомъ—новое англійское королевство, а въ двѣнадцатомъ—сицилійское.

Характеристика государства.

Новый типъ общественной организаціи кореннымъ образомъ отличается отъ предшествовавшаго ему патріархальнаго. Основой ему служитъ территорія. И хотя новые властители продолжаютъ носить старые племенные титулы:

короля англовъ, короля франковъ и т. п., но фактически предѣлы ихъ власти совпадаютъ съ предѣлами опредѣленной территоріи, независимо отъ того, какими племенами она заселена. Кто бы ни жилъ на данной территоріи, считался ихъ подданнымъ, обязаннымъ подчиниться ихъ распоряженіямъ и главнымъ образомъ поддерживать ихъ вооруженной рукой. Главной связью новаго общества явилась „военная вѣрность“, т. е. безусловное подчиненіе военачальнику, которое дало возможность побѣдителю, при помощи вѣрныхъ дружинниковъ, установить свою власть надъ побѣжденными племенами.

Конечно, расовая связь въ теченіе долгаго времени играла большую роль, и ни одинъ правитель не могъ ее игнорировать, но она не была главной основной связью новаго общества. Во-первыхъ, новый властитель и его главные помощники во многихъ случаяхъ принадлежали не къ тому племени и не къ той религіи, къ которымъ принадлежало большинство населенія. Во-вторыхъ, каждый счастливый завоеватель стремился увеличить свои дружины и привлечь новыхъ приверженцевъ, не разбирая, къ какому племени они принадлежатъ—ему нужна была только ихъ вѣрная служба перомъ или мечемъ. Въ-третьихъ, новый властитель, по большой части, былъ человѣкъ высшаго развитія, стремившійся открыть въ свою страну доступъ чужеземцамъ: купцамъ, ремесленникамъ, учителямъ и проч., понимая, что они послужатъ къ увеличенію его славы и богатства. Какъ хорошо извѣстно, подобная политика повела ко многимъ безпорядкамъ и волненіямъ въ раннемъ періодѣ развитія государства, но мало-по-малу новыя идеи взяли верхъ.

Новый родъ религіи.

Исключительность древняго патріархальнаго общества была уничтожена. Главной ея основой, какъ мы видѣли выше, было поклоненіе предкамъ. Но установленіе западно-европейскихъ государствъ удивительнымъ образомъ совпало съ быстрымъ и успѣшнымъ распространеніемъ новыхъ религіозныхъ вѣрованій, характерной чертой которыхъ была универсальность. Можетъ показаться страннымъ сопоставленіе военнаго жестокаго государства съ мягкой христіанской религіей. Но исторически вполнѣ достовѣрно, что христіанство сыграло крупную роль въ дѣлѣ разрушенія патріархальныхъ

предразсудковъ и въ созданіи обширныхъ политическихъ единицъ. Приведемъ наиболѣе характерные примѣры. Принятіе Хлодвигомъ христіанства непосредственно содѣйствовало созданію блестящей, хотя и непрочной, франкской имперіи; подъ знаменемъ христіанства франки разбили языческія племена бургундцевъ и саксонцевъ; и во имя христіанства Карлъ Великій прогналъ мавровъ обратно за Пиринеи; крещеніе Эдельберта, короля Кента, послужило сигналомъ къ обращенію въ христіанство всей Англіи. Отъ двора кентскаго короля христіанство быстро перешло во дворцы другихъ англійскихъ королей и распространилось среди всего населенія Англіи. Хотя христіанство, по своимъ принципамъ, являлось религіей бѣдныхъ, слабыхъ и обиженныхъ, но своимъ быстрымъ успѣхомъ на западѣ и сѣверѣ Европы оно обязано принявшимъ его князьямъ и королямъ. И церковь, въ свою очередь, съ избыткомъ отплатила покровительствовавшимъ ей властителямъ; „единая церковь и одинъ король“ былъ ея лозунгъ. Патріархальныя перегородки были разрушены, и создалась англійская нація. Церковь и государство заключили тѣсный союзъ. Еще болѣе яркимъ примѣромъ могущественнаго вліянія новыхъ религій въ дѣлѣ созданія обширныхъ политическихъ единицъ служатъ успѣхи магометанства, разрушившаго патріархальныя перегородки и создавшаго, во имя исламизма, огромныя могущественныя государства Агбара въ Индіи, Измаила въ Персіи, Бахмута въ Константинополѣ, завладѣвшаго сѣверной Африкой и перешедшаго въ Испанію.

Новое дворянство.

Для новой политической организаціи старый обычай пересталъ служить путеводной звѣздой. Вмѣстѣ съ тѣмъ милитаризмъ проникнутъ духомъ соперничества, такъ какъ онъ самъ основанъ на постоянной и непрерывной борьбѣ. Показная война, ведущаяся по установившимся обычаямъ и традиціямъ патріархальнаго времени, походила болѣе на спортъ, чѣмъ на войну. Настоящая война—это борьба на жизнь и на смерть, въ которой каждый изъ борющихся напрягаетъ всѣ свои силы для побѣды надъ врагомъ. Если кто нибудь предложитъ одному изъ борющихся новое средство для достиженія побѣды надъ врагомъ, онъ съ благодарностью приметъ его и не будетъ спрашивать,

согласуется ли оно со старымъ обычаемъ и одобрили ли бы его предки. Даже современный духъ гуманизма могъ только отчасти смягчить жестокости войны. Если же онъ успѣетъ внести дальнѣйшія ограниченія, то это неизбѣжно должно привести или къ окончательному уничтоженію войны или къ превращенію ея въ простой спортъ, что и является цѣлью его стремленій.

Основателями государствъ были побѣдоносные полководцы, обязанные своимъ успѣхомъ новымъ способамъ веденія войны и смѣлымъ нарушеніямъ старыхъ обычаевъ. И подъ ихъ управленіемъ трудно было удержаться въ силѣ старому порядку, основанному на обычаѣ и преданіи. Они требовали способностей, а не подражанія обычаю. Если они встрѣчали человѣка, умѣющаго хорошо драться, хорошо писать, хорошо пѣть и т. п., то привлекали его къ своему двору, не обращая вниманія ни на его національность, ни на его происхожденіе. Они хорошо понимали свое опасное положеніе и прилагали всѣ свои старанія къ тому, чтобы усилить и укрѣпить его. Они также хорошо знали, что лучшимъ средствомъ укрѣпить свое вліяніе и власть было привлеченіе къ себѣ на службу всѣхъ наиболѣе способныхъ и сильныхъ людей.

По всей Европѣ вмѣстѣ съ разрушеніемъ патріархальнаго общества складывались новыя понятія о знатности и привилегированности. Старая знать, — потомки привилегированныхъ родовъ, племени и клана,— должна была уступить мѣсто королевской знати, составлявшейся по выбору короля-побѣдителя. Такъ, въ древнемъ тевтонскомъ законодательствѣ мы видимъ, что старѣйшины замѣнились слугами короля, несмотря на то, что многіе изъ послѣднихъ были ранѣе простыми рабами: для перемѣны ихъ соціальнаго положенія оказалось достаточнымъ принятіе ихъ королемъ въ свою дружину. Во многихъ случаяхъ перемѣна происходила только по внѣшности, а не въ дѣйствительности. Многіе вожди племенъ и клановъ охотно соглашались принять тотъ или другой дворянскій титулъ отъ короля, который въ свою очередь также охотно давалъ ихъ вліятельнымъ вождямъ и тѣмъ привлекалъ послѣднихъ на свою сторону. Такимъ образомъ ирландскіе

племенные вожди пятнадцатаго столѣтія О'Донейли и О'Нейли превратились въ шеснадцатомъ столѣтіи въ ирландскихъ графовъ Тироконельскихъ и Тиронскихъ; но отъ этого сила и значеніе происшедшей перемѣны не уменьшились; тѣмъ не менѣе, это различіе имѣло большое значеніе— облегчило дальнѣйшія измѣненія и указывало на побѣду государства надъ патріархальнымъ обществомъ.

Феодализмъ.

Вновь образовавшееся государство было индивидуально; но мы должны предупредить читателя не принимать буквально это выраженіе. Мечта и стремленіе всякаго деспота получить возможность непосредственно распоряжаться каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ по своему усмотрѣнію и по своему капризу, къ счастью, никогда и нигдѣ не осуществлялась. Тѣмъ не менѣе, съ самаго основанія новое государство стремилось уничтожить всѣ преграды, препятствующія непосредственному воздѣйствію центральной власти на отдѣльныхъ лицъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый разумный правитель хорошо понималъ, что подобную реформу нельзя провести сразу, а необходимо дѣйствовать постепенно.

Всякая вновь завоеванная страна имѣла свою организацію, своихъ низшихъ и высшихъ вождей, власть которыхъ была освящена обычаемъ, и которые пользовались уваженіемъ своихъ соплеменниковъ. Въ большинствѣ случаевъ завоеватель, конечно, не трогалъ ихъ, если они соглашались признать его своимъ властелиномъ, свою власть полученною отъ него, а себя его представителями. Это несомнѣнно былъ наиболѣе легкій и вѣрный способъ для новаго короля укрѣпить свою власть и успокоить страну. Въ такомъ случаѣ дѣло измѣнялось только по внѣшности, и на время все оставалось по-старому. Глава побѣжденнаго племени или клана давалъ клятву вѣрности, а если требовалось-то и платилъ дань, аккуратно собирая ее со своихъ соплеменниковъ, и по-прежнему управлялъ своимъ племенемъ или кланомъ. Если даже побѣдитель предпочиталъ считать землю племени или клана переданной въ даръ или залогъ побѣдителю, то и этому не придавали значенія, разъ земля оставалась въ рукахъ племени или клана, и все оставалось по-прежнему. Если же побѣжденный

вождь былъ убитъ или не хотѣлъ покориться, то завоеватель назначалъ на его мѣсто кого-нибудь изъ своихъ дружинниковъ и тѣмъ, конечно, пріобрѣталъ большую непосредственную власть надъ завоеванной территоріей. Всѣ подчиненные вожди или, какъ мы ихъ можемъ называть, вассалы поступали такимъ же образомъ на подвластной имъ территоріи: подраздѣляя ее и создавая себѣ вассаловъ изъ болѣе мелкихъ вождей или изъ своихъ дружинниковъ, которые, въ свою очередь, поступали также на подвластныхъ имъ территоріяхъ и т. д.

Зачатки подобныхъ отношеній мы видимъ въ арендѣ скота въ пастушескій періодъ патріархальнаго общества. Когда же было введено земледѣліе, то аренда земли замѣнила аренду скота. Иногда эта аренда была фиктивной: настоящій владѣлецъ передавалъ свою землю другому лицу и потомъ бралъ у него ее обратно за фиктивную арендную плату. Подобныя сдѣлки вызывались тогдашнимъ неспокойнымъ состояніемъ общества. Человѣкъ лучше всего могъ обезопасить себя и свою землю тѣмъ, что превращался въ вассала сильнаго и способнаго защитить его богатаго землевладѣльца. Городскія гильдіи также стремились обезпечить свою безопасность и свои привилегіи, поступая подъ покровительство болѣе могущественныхъ властителей—графовъ и королей, которые могли гарантировать имъ права и привилегіи; и городская жизнь стала подчиняться тому же строю жизни. Даже духовныя должности, приносящія доходъ, давались въ даръ или ленъ вышестоящимъ въ іерархіи лицомъ и носили названіе „бенефицій“. Мало-по-малу вся общественная организація приняла новую форму, которую мы называемъ ф е о д а л ь н о й. Эта новая форма организаціи, имѣя сходство съ предыдущей патріархальной, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отличалась отъ нея. Она также состояла изъ большихъ группъ, подраздѣлявшихся на меньшія. Но какъ тѣ, такъ и другія были основаны не на правѣ рожденія и принадлежности къ племени, а на пожалованіи главою высшей группы правъ главѣ низшей группы взамѣнъ обязательства вѣрной службы послѣдняго первому, причемъ высшіе классы несли военную службу, крестьяне платили аренду и обрабатывали землю высшихъ классовъ, а город-

скіе ремесленники платили королю, герцогу или графу ежегодную подать за дарованныя права и привилегіи. Даже духовный клеркъ обязанъ былъ читать молитвы за спасеніе своего патрона.

Феодализмъ былъ переходной ступенью отъ патріархальнаго къ современному, чисто политическому строю. Блестящій историкъ Лоньонъ показалъ географическое совпаденіе ленныхъ владѣній большихъ феодаловъ западной имперіи франковъ съ племенными территоріями галловъ. А Скинъ указалъ, что владѣнія шотландскихъ графовъ и тановъ одиннадцатаго вѣка были древними племенными и клановыми землями. То-же самое мы могли бы сказать относительно Англіи и другихъ странъ. Часто указывали на неустойчивость и безформенность феодальной системы. Но это неизбѣжное слѣдствіе временной формы организаціи, служащей только переходной ступенью отъ одной организаціи къ другой.

ГЛАВА IX.

Первоначальныя политическія учрежденія.

Указавъ на происхожденіе государства, разсмотримъ теперь его организацію, т. е. тѣ учрежденія, при помощи которыхъ оно управлялось въ первый періодъ своего существованія.

Королевская власть.

1) Что королевская власть въ современномъ государствѣ есть непосредственное слѣдствіе завоеваній и переселеній создавшихъ государство, есть несомнѣнный историческій фактъ. Вплоть до французской революціи, разрушившей старый порядокъ, почти всѣ европейскіе троны были заняты потомками первоначальныхъ завоевателей Европы. Въ настоящее время во многихъ странахъ непосредственная наслѣдственность нарушена, но та-же власть продолжаетъ существовать подъ другими названіями.

Не слѣдуетъ думать, что съ самаго начала монархія явилась какъ у ч р е ж д е н і е: она была личной. Первоначально она олицетворялась только въ л и ч н о с т и завоевателя—авантюриста, подчинившаго себѣ ту или другую обширную территорію. Размѣры его власти и вліянія соотвѣтствовали его силѣ, способностямъ и личному взгляду на свои права и обязанности. Первоначально положеніе короля и его роль находились въ полномъ противорѣчіи съ еще господствовавшими тогда древними идеями и обычаями. Населеніе смотрѣло на своихъ властителей, какъ на временное зло, которое могло быть устранено въ ближайшемъ времени. Короли въ ранній періодъ государства являлись представителями будущаго среди умирающаго патріархальнаго общества, представлявшаго прошлое.

Постоянство корсаевской власти.

Первые короли хорошо сознавали свое положеніе. Основателями государствъ несомнѣнно были люди, выдававшіеся не одними военными дарованіями, но и способностями въ дѣлѣ управленія людьми. Люди, подобные Хлодвигу, Теодориху, Аларіху и Эгберту, ясно сознавали, что одной военной силой они не укрѣпятъ своего положенія, а потому, заботясь объ усиленіи своего военнаго могущества, они не упускали изъ виду и другихъ способовъ упроченія своего положенія въ завоеванной странѣ. Наиболѣе искуснымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для укрѣпленія власти новаго завоевателя оказывалось присвоеніе имъ себѣ правъ и атрибутовъ побѣжденныхъ имъ вождей. Иногда завоеватель дѣйствительно былъ членомъ покореннаго имъ племени, хотя и не принадлежалъ къ аристократическому роду. Но въ большинствѣ случаевъ онъ оказывался простымъ искателемъ приключеній, захватившимъ власть, исключительно благодаря военнымъ успѣхамъ. Но захвативъ власть, онъ старался, путемъ всевозможныхъ выдумокъ, доказать свою принадлежность къ покоренному племени. Многіе изъ первыхъ королей Европы вели свое происхожденіе отъ того или другого извѣстнаго героя—миѳическаго предка племени или племенъ, покоренныхъ ими. Иногда завоеватель прибѣгалъ къ болѣе вѣрному и простому средству упрочить свои права: онъ вступалъ въ бракъ съ дочерью наиболѣе могущественнаго и почитаемаго изъ побѣжденныхъ вождей. И хотя по патріархальнымъ законамъ права и привилегіи не могли передаваться по женской линіи, въ данныхъ случаяхъ подобный бракъ оказывался достаточнымъ для удовлетворенія патріархальныхъ чувствъ побѣжденныхъ и очень много содѣйствовалъ укрѣпленію положенія новаго властителя.

Однимъ изъ результатовъ вышеизложенной политики явилось очень быстрое установленіе наслѣдственной монархіи. Какъ мы видѣли раньше, постъ вождя военной дружины былъ выборнымъ (конечно не въ современномъ значеніи слова), а не наслѣдственнымъ. Вождемъ становился человѣкъ, котораго непосредственно признавали своимъ главою люди, вѣрившіе въ его мужество и военныя способности. Но для установленія прочной монархіи наслѣдствен-

ность была необходима. Для человѣческой натуры свойственно стремленіе передать свои права и преимущества своимъ дѣтямъ. И первые короли употребляли не мало усилій для упроченія королевской власти въ своей династіи [1]). Успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ они не въ малой мѣрѣ обязаны искусной постановкѣ себя въ положеніе наслѣдственнаго патріархальнаго вождя.

Мечты о возможности выборной монархіи—химерическая утопія. По мнѣнію защитниковъ этой теоріи, при полной свободѣ выборовъ на тронѣ будетъ возсѣдать лучшій человѣкъ въ странѣ, но трезвая историческая правда говоритъ совсѣмъ иное. Она указываетъ намъ три возможные результата выборной монархіи: или внутри страны будетъ господствовать постоянная борьба враждующихъ фракцій, которая приведетъ ее на край гибели, какъ было съ Польшей; или король постепенно потеряетъ свою власть и значеніе, благодаря уступкамъ, которыя онъ вынужденъ дѣлать вліятельнымъ избирателямъ съ цѣлью получить ихъ голоса; подобный примѣръ мы видимъ въ священной Римской имперіи; или главою государства будетъ выбираться ничтожество, не имѣющее враговъ, но зато служащее игрушкой въ рукахъ политиковъ, какъ напр. президенты современныхъ республикъ, которыя отличаются отъ монархіи только по названію. Только въ минуты крайней опасности и при безусловной честности избирателей выборъ можетъ пасть на настоящаго человѣка.

Но первоначально установилась не современная наслѣдственность отъ отца къ сыну, а патріархальная, т. е. королю наслѣдовалъ старѣйшій изъ королевскаго рода. Подобный порядокъ долго господствовалъ въ Россіи.

Сдѣлавшись наслѣдственной, монархія стала прочнымъ учрежденіемъ. Народъ привыкъ считать королевскую власть вполнѣ естественной и неизбѣжной. Но короли, упрочивъ себя наслѣдственностью, не ограничились этимъ, а придали еще большую незыблемость своему положенію, сдѣлавъ ее, благодаря союзу съ церковью, священной. Мы уже

[1]) Можно указать примѣры въ современной исторіи—Кромвель и Наполеонъ I, оба стремились укрѣпить свое положеніе за своими наслѣд-

указали ранѣе на происхожденіе этого союза, и теперь вполнѣ достаточно напомнить общеизвѣстные факты, иллюстрирующіе тѣсную связь монархіи съ церковью въ болѣе ранній періодъ существованія государства. Во всемъ христіанскомъ мірѣ архіереи, священники и монахи оказывались наиболѣе близкими совѣтниками королей и являлись самыми преданными и горячими приверженцами королевской власти. Богатые подарки и привилегіи, которые раздавали короли своимъ церковнымъ приверженцамъ, съ лихвой оплачивались успѣшными стараніями благодарной церкви окружить личность короля, его власть и его обязанности ореоломъ святости. Съ момента помазанія королевской головы священнымъ мvромъ вплоть до его смерти и торжественной религіозной службы на его могилѣ, король все время находился подъ охраной церкви и былъ окруженъ священнослужителями. Въ магометанскихъ государствахъ союзъ церкви со свѣтскимъ владыкой еще тѣснѣе: тамъ онъ является непосредственнымъ главою церкви. Но и въ христіанскомъ мірѣ есть подобные же примѣры. Въ западной Европѣ тѣсная связь короля съ церковью служила лучшей гарантіей противъ возможнаго пробужденія патріархальныхъ идей и поклоненія предкамъ.

Совѣтъ.

Основателями каждой монархіи были побѣдоносные завоеватели, окруженные дружиной наиболѣе близкихъ послѣдователей, которые вѣрно ему служили и которымъ онъ, въ свою очередь, доставлялъ средства къ существованію и возможность отличиться и выдвинуться. Когда же военачальникъ превратился въ короля, то группа его ближайшихъ послѣдователей превратилась въ королевскій совѣтъ. Находясь среди враждебнаго населенія, король и его дружина были необходимы другъ другу и тѣсно между собою связаны: безъ поддержки дружины король не могъ бы сохранить свою власть, безъ его объединяющаго главенства дружинники были бы разбиты по частямъ враждебнымъ населеніемъ; успѣхи короля доставляли богатство и значеніе его приверженцамъ, ихъ довольство и благополучіе служили гарантіей его безопасности. Мы должны оставить въ сторонѣ, какъ преждевременныя, всѣ предположенія о правахъ совѣта контролировать дѣйствія короля въ

первый періодъ монархизма. Всѣ наши свѣдѣнія сводятся къ тому, что король могъ вполнѣ свободно поступать, какъ хотѣлъ, если не дорожилъ популярностью среди своихъ приближенныхъ. Весьма возможно, совѣтъ имѣлъ нѣкоторое значеніе въ глазахъ народа, напоминая собою прежній племенной совѣтъ старѣйшинъ; но, въ дѣйствительности, онъ состоялъ изъ королевскихъ слугъ, выбираемыхъ, назначаемыхъ и смѣняемыхъ королемъ. Но, несомнѣнно, существованіе совѣта вскорѣ же оказалось серьезнымъ препятствіемъ развитію деспотическихъ стремленій короля. Постепенно установилось убѣжденіе, что хорошій король долженъ возможно часто обращаться къ своему совѣту и прислушиваться къ его мнѣнію. Затѣмъ выработалась теорія о томъ, что король долженъ обсуждать дѣла въ совѣтѣ, и, наконецъ, что король обязанъ такъ поступать. Совѣтъ оказался той ячейкой, изъ которой выросло конституціонное правленіе. Но еще въ теченіе долгаго времени, до своего превращенія въ защитника народныхъ правъ, королевскій совѣтъ оказывалъ огромныя услуги дѣлу монархіи какъ учрежденію.

1) Совѣтъ поддерживалъ непрерывность и послѣдовательность. Монархія могла быть постоянной, но каждый отдѣльный король умиралъ. Между смертью одного короля и вступленіемъ на престолъ другого проходилъ нѣкоторый промежутокъ времени, представлявшій критическій моментъ, въ который силы анархіи могли прорваться наружу и разорвать общественныя связи. „Король умеръ, и на другой день... начались безпорядки по всей землѣ въ виду того, что одинъ человѣкъ могъ свободно грабить другого“. Такъ разсказываетъ древняя лѣтопись о смерти короля. Въ подобное критическое время могутъ возродиться прошлыя идеи и взволновать людей воспоминаніями о добрыхъ старыхъ временахъ, когда каждый человѣкъ могъ поступать такъ, какъ онъ находилъ правильнымъ. Мы не должны забывать, что даже прочно установленное государство очень часто находится въ противорѣчіи съ вошедшими въ жизнь привычками и обычаями, очень цѣнимыми большой частью населенія: оно не допускаетъ кровавой мести, взаимныхъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ и т. п., оно вызываетъ недо-

вольство среди приверженцевъ старыхъ религій, дозволяя нарушеніе древнихъ обычаевъ; и оно, по всей вѣроятности, налагало значительные налоги и подати. И въ странѣ всегда находилось немалое количество людей, готовыхъ, при первой возможности, возстать противъ новаго строя. Въ эти критическіе моменты королевскій совѣтъ бралъ на себя веденіе дѣлъ государства и такимъ образомъ являлся какъ бы связующимъ звеномъ между окончаніемъ правленія стараго короля и принятіемъ его въ свои руки новымъ.

2) Совѣтъ охранялъ традиціи. Одна изъ наиболѣе опасныхъ сторонъ создавшагося монархизма заключалась въ возможности оскорбленія королемъ народныхъ чувствъ проявленіемъ своихъ капризовъ. Новому государственному строю приходилось имѣть дѣло съ обществомъ, жившимъ согласно древнимъ обычаямъ и привычкамъ. Новый строй медленно и постепенно входилъ въ жизнь, и разумному правителю слѣдовало избѣгать какихъ бы то ни было быстрыхъ перемѣнъ, не вызываемыхъ необходимостью. Средній человѣкъ вообще, а въ особенности проникнутый патріархальными традиціями, относится подозрительно и враждебно ко всякимъ нововведеніямъ и перемѣнамъ. И во многихъ случаяхъ было выгоднѣе временно сохранять старый плохой порядокъ и не торопиться вводить новый, лучшій. При подобныхъ обстоятельствахъ совѣтъ, конечно, былъ гораздо менѣе склоненъ дѣйствовать подъ вліяніемъ минутнаго каприза и увлеченія, нежели отдѣльный человѣкъ, полноправный хозяинъ страны. Вліяніе совѣта клонилось въ большинствѣ случаевъ скорѣе въ пользу удержанія стараго порядка, нежели въ пользу введенія новаго.

3) Онъ смягчалъ критику, направленную противъ главы государства. Правительство, какъ мы видѣли выше, а въ особенности новое правительство, всегда до извѣстной степени не пользуется популярностью. И если бы все недовольство дѣйствіями правительства и вся критика обрушивались на голову одного человѣка, его положеніе было бы весьма затруднительно. Но если критика направлена на группу совѣтниковъ и въ трудную минуту можно пожертвовать однимъ или двумя наименѣе популярными изъ нихъ, то положеніе главы государства значительно облег-

чается. Не будучи личной, а коллегіальной властью, совѣтъ могъ гораздо легче выдерживать критику, нежели то или другое отдѣльное лицо. Можетъ быть, подобная роль совѣта была не очень почетной и пріятной, но зато очень полезной съ точки зрѣнія государства.

4) Король, даже такой, какъ Фридрихъ Великій, не могъ лично ознакомиться со всѣмъ, происходящимъ въ его государствѣ. Но онъ зналъ бы еще меньше, если бы не имѣлъ совѣтниковъ. Члены его совѣта, по личнымъ наблюденіямъ и черезъ своихъ агентовъ, знакомились съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и передавали результаты своихъ наблюденій королю. То же самое и по отношенію къ дѣятельности. Самъ король лично могъ мало сдѣлать, даже въ первое время, когда онъ по преимуществу являлся военачальникомъ; онъ не имѣлъ возможности самъ лично охранять всѣхъ своихъ владѣній сразу; тѣмъ болѣе онъ не могъ вести лично всѣ государственныя дѣла, когда его владѣнія расширились до огромныхъ размѣровъ. И постепенно часть дѣлъ возлагалась на совѣтъ, въ который, по мѣрѣ надобности, назначались новые члены, и государственныя дѣла могли быть распредѣлены между ними.

Съ самаго начала, какъ мы выше указали, король всегда былъ окруженъ на полѣ битвы и во дворцѣ ближайшими своими приверженцами и дѣйствовалъ, совѣтуясь съ ними. Это было непосредственнымъ остаткомъ стараго времени, когда военный вождь проводилъ все время со своими дружинниками, жившими у него въ домѣ и ѣвшими за его столомъ. Этотъ древній обычай не былъ вполнѣ оставленъ и въ послѣдующіе періоды. Современные дворы королей представляютъ изъ себя нѣчто подобное.

Мѣстные представители королевской власти.

Когда военный грабитель сдѣлался властителемъ опредѣленной обширной территоріи, ему, помимо окружавшихъ его совѣтниковъ, понадобились еще исполнители его воли въ разныхъ частяхъ подвластной ему территоріи. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ побѣдоносный завоеватель, принявъ присягу на вѣрность отъ старыхъ патріархальныхъ вождей, оставлялъ имъ власть на условіи вѣрной службы въ качествѣ его представителей въ подвластной имъ области. Хотя подобное назначеніе ста-

рыхъ вождей могло представлять нѣкоторую опасность для побѣдителя, но, во всякомъ случаѣ, меньшую, нежели поголовная смѣна всѣхъ вождей, готовыхъ подчиниться побѣдителю. Болѣе надежными представителями короля являлись его бывшіе дружинники, которыхъ онъ ставилъ на мѣсто убитыхъ или изгнанныхъ непокорныхъ вождей. И по мѣрѣ того, какъ вымирали старые вожди и старая знать, ихъ постепенно замѣняли приверженцы короля, т. е. представители центральной власти.

Размѣры и распредѣленіе округовъ, по всей вѣроятности, оставались безъ измѣненія. Такъ, въ Англіи, вплоть до начала прошлаго столѣтія, округа въ большинствѣ случаевъ совпадали съ древними патріархальными единицами. Графство Суссексъ было когда-то племенной землей горныхъ саксовъ, Дорсетъ-ширъ — племенной землей дорсетовъ, Сомерсетъ—сомерсетовъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ были учреждены и вполнѣ новые округа искусственнымъ образомъ, посредствомъ выдѣленія въ особый округъ земель, непосредственно прилегающихъ къ укрѣпленнымъ городамъ. Такими были Бедфортширъ, Гюттингдонширъ, Дербишинъ и другіе. Но это послѣднее произошло гораздо позже. Мы также имѣемъ серьезныя данныя предполагать, что болѣе мелкое подраздѣленіе провинцій въ средніе вѣка, такъ называемыя „сотни“, были не чѣмъ инымъ, какъ земельными территоріями древнихъ кланов. Въ позднѣйшія времена подраздѣленіе пошло еще далѣе, и образовались отдѣльныя помѣстья, каждое со своимъ лордомъ во главѣ. Сказаннаго нами вполнѣ достаточно для указанія, какимъ образомъ было положено начало феодализму.

Не слѣдуетъ думать, что приближенный короля, назначенный завѣдывать тѣмъ или другимъ провинціальнымъ округомъ, исключался изъ совѣта короля. Наоборотъ, болѣе крупные изъ провинціальныхъ представителей, графы Англіи и Шотландіи и герцоги и графы на континентѣ по праву засѣдали въ совѣтѣ короля, — во всякомъ случаѣ во время торжественныхъ засѣданій. Болѣе же мелкіе представители провинціальной власти, конечно, врядъ ли пользовались этимъ правомъ.

Въ заключеніе этой главы мы постараемся объяснить,

какія обязанности были возложены на провинціальныхъ представителей королевской власти въ первый періодъ существованія государства.

Подати. Захвативъ территорію, завоеватель прежде всего и главнымъ образомъ стремился установить правильный сборъ дани съ ея жителей. Нѣкоторые изъ историковъ утверждаютъ, что древними племенами войны велись ради наслажденія самимъ процессомъ войны. Конечно, такія племена бывали, какъ, напримѣръ, маори Новой Зеландіи въ началѣ прошлаго вѣка. Но въ большинствѣ случаевъ какъ древнія, такъ и современныя войны, вызывались обыкновенно чувствомъ мести или стремленіемъ къ грабежу. Иногда грабежъ производился набѣгомъ шайки искателей приключеній, захватывавшихъ возможно больше добычи и возвращавшихся съ нею къ себѣ на родину. Историческими примѣрами подобныхъ грабежей могутъ служить набѣги датскихъ и норманскихъ викинговъ на берега западной Европы. Когда же предводителемъ многочисленной воинственной дружины оказывался человѣкъ болѣе способный и предусмотрительный, тогда онъ заботился установить непрерывный грабежъ въ покоренной странѣ. Предпріимчивый вождь дружины облагалъ данью побѣжденныя племена и основывалъ государство для сбора дани.

Конечно, иногда среди этихъ вождей попадались лица, увлекавшіяся самимъ процессомъ управленія массами людей. Но чрезвычайно рѣдко среди нихъ могъ найтись человѣкъ, считавшій своею обязанностью заботиться о благѣ своихъ подданныхъ. Главною цѣлью первыхъ королей былъ сборъ дани съ покоренныхъ народовъ въ видѣ опредѣленной части урожая, достигавшей въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ до одной трети; короли также отбирали въ свою пользу земли, предназначенныя для содержанія патріархальныхъ вождей, и сдавали ихъ своимъ арендаторамъ за опредѣленную плату; присваивали себѣ особыя права на рыболовные промыслы, на рудники, копи и розсыпи драгоцѣнныхъ металловъ; на лѣса, богатые дичью и т. д. Съ городовъ же, какъ нами было указано выше, они собирали особую дань за дарованныя городамъ или гильдіямъ права и привилегіи.

Обязанности.

Конечно, завоеватель не могъ довольствоваться однѣми податями, ему приходилось увеличивать свои военныя силы, сообразно своему новому положенію и обширности захваченной имъ территоріи. Хотя онъ и имѣлъ свою дружину профессіональныхъ воиновъ, постоянно пополнявшуюся волонтерами изъ предпріимчивой молодежи, которую привлекали на службу права и преимущества, сопряженныя съ ней, но эта армія волонтеровъ могла оказаться недостаточной для охраны обширной территоріи отъ вторженія сильнаго воинственнаго противника, который могъ прогнать новаго короля съ такимъ же успѣхомъ, какъ тотъ прогналъ прежнихъ племенныхъ вождей. Для охраны страны и своей власти королю нужна была сильная резервная армія, не требующая новыхъ расходовъ, но способная быстро собраться для отраженія надвигающейся опасности. И короли устанавливали правило, обязывающее всѣхъ лицъ, способныхъ носить оружіе, являться по первому зову на защиту страны. А всѣ, неспособные носить оружіе, обязывались въ случаѣ войны выполнять второстепенныя обязанности: чинить дороги и мосты, строить укрѣпленія, перевозить матеріалы и т. п. Исторически устанавливалось раздѣленіе гражданъ на два класса, на обязанныхъ нести военную службу и на недопускавшихся къ ней, не по личнымъ качествамъ, а по своему соціальному положенію—какъ низшій классъ или какъ иновѣрцы, причемъ такъ называемые низшіе классы и иновѣрцы облагались спеціальной податью взамѣнъ военной службы. Этотъ послѣдній способъ собиранія денегъ на военныя потребности получилъ широкое распространеніе. Часто короли замѣняли личную военную службу тѣхъ или другихъ классовъ населенія опредѣленной податью; затѣмъ черезъ нѣсколько поколѣній новый король возстанавливалъ воинскую повинность, но военной подати не отмѣнялъ.

Организація мѣстныхъ властей по нисходящимъ степенямъ была тѣмъ механизмомъ, посредствомъ котораго глава государства собиралъ подати, призывалъ людей на военную службу и управлялъ страною. Въ тѣ времена пути сообщенія были самыми примитивными и центральная власть не имѣла возможности поддерживать непосредственныя сношенія со всѣми своими подданными. Въ виду этого, какъ

мы видѣли выше, завоеватель раздѣлялъ покоренныя земли на болѣе и менѣе крупные округа и ставилъ во главѣ ихъ своихъ дружинниковъ или оставлялъ власть старымъ племеннымъ вождямъ, выразившимъ желаніе покориться ему.

Съ точки зрѣнія короля эти мѣстные правители были только его слугами, но населеніе смотрѣло на нихъ, какъ на своихъ „повелителей“. Въ виду возложенныхъ на нихъ обязанностей по сбору податей и призыву населенія къ военной службѣ, они пользовались обширной властью и, во многихъ случаяхъ, они сами и ихъ подчиненные смотрѣли на эту власть, какъ на принадлежащую имъ по праву съ патріархальныхъ временъ. Но короли старательно охраняли свой престижъ и при всякомъ удобномъ случаѣ стремились показать, что мѣстные правители не болѣе, какъ представители королевской власти. Въ дѣйствительности весьма часто мѣстный правитель пользовался авторитетомъ, только благодаря королевской арміи, всегда готовой, въ случаѣ нужды, поддержать его требованія. По мѣрѣ вымиранія патріархальной знати, роль мѣстныхъ властей, какъ представителей короля, становилась все очевиднѣе и очевиднѣе, кромѣ, конечно, тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ, когда мѣстный правитель, благодаря тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, пріобрѣталъ полунезависимость или становился вполнѣ самостоятельнымъ феодальнымъ владѣльцемъ.

Мѣстный правитель, кромѣ сбора дани и призыва жителей на военную службу, обязанъ былъ охранять миръ и тишину во ввѣренномъ ему округѣ. Это было одной изъ крупныхъ заслугъ новаго государства. Въ патріархальномъ обществѣ отдѣльный человѣкъ и его имущество охранялись отъ насилія племенемъ, кланомъ или гильдіей, при помощи кровавой мести, вызывавшей часто волненія и безпорядки. Монархія съ самаго своего основанія поручила охрану мира и спокойствія своимъ представителямъ, имѣвшимъ весьма широкія полицейскія права, причемъ личность ихъ охранялась угрозой исключительныхъ наказаній за всякое на нихъ покушеніе. Мѣстный правитель, имѣя полномочія по сбору податей, призыву людей на военную службу и обширныя полицейскія права, постепенно

превратился въ настоящаго повелителя подчиненнаго ему округа.

Вполнѣ понятно, что государство, организація котораго состоитъ только изъ короля и его представителей, исключительно занятыхъ сборомъ денегъ и солдатъ, представляетъ весьма грубый и примитивный типъ, подобный восточнымъ царствамъ—ассирійскому, индійскому и египетскому. Когда подобное государственное устройство установлено среди мягкаго, покорнаго народа, оно можетъ существовать цѣлыя столѣтія и скопить огромныя богатства, но оно всегда будетъ находиться въ неустойчивомъ равновѣсіи и всякіе, относительно незначительные, волненія и безпорядки могутъ разрушить его. И, конечно, такое государственное устройство не могло бы прочно установиться среди сильныхъ народовъ Европы, если бы оно не было способно развиться въ новыя, болѣе совершенныя формы, о чемъ мы и будемъ теперь говорить.

ГЛАВА X.

Собственность и государство.

Ни одно изъ человѣческихъ учрежденій не играло такой важной роли и не вызывало большихъ разногласій, какъ установленіе права собственности. Тѣмъ болѣе необходимо обсуждать этотъ вопросъ при помощи чисто историческаго метода изслѣдованія, метода чуждаго всякихъ предубѣжденій и увлеченій страстями, а только руководствующагося фактами.

Первоначально поставимъ вопросъ—что такое собственность? Не касаясь технической стороны вопроса, наиболѣе простымъ и яснымъ отвѣтомъ будетъ: собственность есть право отдѣльнаго человѣка или ограниченнаго числа лицъ обращать въ свою пользу всѣ выгоды, которыя могутъ быть извлечены изъ физическихъ свойствъ даннаго предмета.

Право.

Прежде всего мы должны установить, что такое право. Въ этомъ случаѣ опять, не касаясь технической стороны вопроса, мы отвѣтимъ: право есть власть, опирающаяся на общественное сознаніе. Напримѣръ, я открыто и честнымъ образомъ купилъ себѣ книгу, и общественное сознаніе дозволяетъ мнѣ дѣлать съ ней все, что угодно. Въ древнія времена общественное сознаніе выражалось въ туманной формѣ обычаевъ. Въ позднѣйшія времена оно стало выражаться въ формѣ законодательства, повиновеніе которому вынуждается судомъ и властями. Иногда случается, что пользованіе правомъ противорѣчитъ общественному сознанію или благодаря исключительнымъ обстоя-

тельствамъ, дѣлающимъ частное призмѣненіе его не популярнымъ, или перемѣнѣ, происшедшей въ общественномъ сознаніи. Во всякомъ случаѣ право есть продуктъ общественнаго сознанія прошлаго или настоящаго времени.

Раньше мы сказали, что собственность есть право, данное отдѣльной человѣческой личности или ограниченному числу человѣческихъ личностей. Но мы должны замѣтить, что инстинктъ и желанія, послужившіе къ установленію собственности среди человѣчества, присущи и низшимъ созданіямъ природы. Всякій наблюдавшій, какъ собака зарываетъ кость, а обезьяна крадетъ орѣхи, ни на минуту не усумнится въ существованіи этихъ инстинктовъ у животныхъ. А между тѣмъ мы никогда не говоримъ о томъ, что животныя имѣютъ собственность. Почему? Просто потому, что общественное сознаніе не поддерживаетъ ихъ правъ на нее. Хотя у насъ и есть весьма смутное сознаніе права домашняго животнаго на необходимую для поддержанія его жизни долю продуктовъ его труда, но мы, не колеблясь, если найдемъ для себя полезнымъ, лишимъ быка заработаннаго имъ зерна или даже убьемъ его.

Распространеніе права собственности только на человѣческія существа.

Итакъ, собственность есть право, данное отдѣльной человѣческой личности или ограниченному числу человѣческихъ личностей. Сущность этого заключается въ спеціальномъ предназначеніи тѣхъ или другихъ предметовъ отдѣльному лицу или небольшой группѣ лицъ. Иногда упоминается объ общественной собственности, но въ этомъ заключается противорѣчіе. Общественной собственностью называютъ предметы, никому въ частности не принадлежащіе, но которыми могутъ всѣ пользоваться. Если мы имѣемъ дѣло съ предметомъ, принадлежащимъ обширному, но опредѣленному числу лицъ, то мы не называемъ его ихъ собственностью, а даемъ ему иное названіе. Мы говоримъ, что Англія—территорія англійскаго народа, а не его собственность. Если бы Англія была собственностью англійскаго народа, то ни одинъ англичанинъ не могъ бы имѣть своей поземельной собственности.

Общественная собственность.

Право собственности можетъ распространяться только на физическія свойства предмета, такъ какъ они одни могутъ быть присвояемы.

Распространеніе права собственности только

на физическія свойства предмета.

Право собственности—полное и всестороннее пользованіе предметомъ. Въ этомъ заключается вся трудность разрѣшенія интересующаго насъ вопроса и ключъ къ исторіи происхожденія собственности. Если я нанялъ лошадь для поѣздки изъ Лондона въ Путней, я не считаю ее своею собственностью; даже, если я найму ее на полгода или на годъ, она все-таки не будетъ считаться моею собственностью; но если я получу право ѣздить на ней верхомъ, возить на ней грузъ, обрабатывать ею землю, продать, убить или подарить ее, и вообще дѣлать съ нею все, что угодно и что не противорѣчитъ общественному сознанію, тогда я могу назвать ее своею собственностью. Съ уничтоженіемъ рабства прекратило свое существованіе право собственности надъ человѣческой личностью. Хотя и въ настоящее время нѣкоторые люди пользуются спеціальными правами по отношенію къ другой личности—мужъ по отношенію къ женѣ, отецъ и мать по отношенію къ дѣтямъ, хозяева по отношенію слугъ, — но все это только ограниченныя, опредѣленныя права.

Современное понятіе собственности.

Изучая исторію примитивнаго общества, мы не находимъ тамъ понятій о собственности, подобныхъ современнымъ. Въ этомъ случаѣ, чтобы не впасть въ грубую ошибку, намъ приходится ставить вопросъ не о томъ, какъ распредѣлялась собственность, а о томъ, существовала ли вообще въ то время собственность?

Подобный вопросъ можетъ показаться страннымъ для современнаго человѣка, но мы постараемся пояснить это примѣромъ изъ настоящаго времени. И теперь открытыя моря никому не принадлежатъ. Почему? По очень простой причинѣ: въ настоящее время открытыя моря служатъ только путями сообщенія, и такъ какъ для всѣхъ мѣста довольно и никто никому не мѣшаетъ, то и вопросъ объ обращеніи морей въ собственность кого-бы то ни было не подымался. Но весьма возможно, раньше или позже этотъ вопросъ поднимется, и можно даже, съ нѣкоторою вѣроятностью, предугадать, въ какомъ именно направленіи. Если количество проложенныхъ черезъ океаны телеграфныхъ кабелей достигнетъ весьма большихъ размѣровъ, или если прибрежныя рыбныя ловли окажутся недостаточными для удовлетворенія потреб-

ностей рынка, то сейчасъ же различныя государства начнутъ предъявлять свои права на тѣ или другія открытыя моря. А разъ дѣло дойдетъ до этого, то слѣдующимъ шагомъ впередъ явится раздѣленіе принадлежащихъ государству морей между отдѣльными лицами, на правахъ частной собственности, такъ какъ отъ этого увеличится извлекаемая изъ нихъ польза. Теперь мы находимся уже на первой ступени развитія этого вопроса: территоріальныя воды, благодаря доставляемымъ очевиднымъ выгодамъ, уже присвоены государствомъ.

Исторія развитія собственности тѣсно связана съ развитіемъ знанія. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ научается извлекать ту или другую пользу изъ опредѣленнаго предмета, въ немъ развивается желаніе получить этотъ предметъ въ свое исключительное пользованіе, т. е. присвоить его себѣ. И для насъ было невозможно изучать исторію развитія собственности до тѣхъ поръ, пока мы не ознакомились съ развитіемъ человѣческаго пониманія и оцѣнки производительныхъ силъ природы.

Охотничій періодъ.

Въ первый, охотничій періодъ человѣкъ нуждался только въ болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ для охоты, въ оружіи и въ мѣстѣ для стоянки. Количество дичи въ опредѣленной мѣстности было ограничено, и, совершенно естественно, первобытные люди стремились не допускать постороннія племена охотиться на выбранной ими территоріи. Каждое мѣсто стоянки выбиралось въ виду тѣхъ или другихъ удобствъ и, несомнѣнно, дикари не относились спокойно къ занятію постороннимъ племенемъ ихъ привычнаго мѣста стоянки.

Къ сожалѣнію, путешественники, подробно описывающіе оружіе дикарей, очень мало говорятъ о господствующемъ вглядѣ среди дикарей на право владѣнія (собственности) оружіемъ.

Но мы, вѣроятно, не сдѣлаемъ большой ошибки, предположивъ, что оружіе дикаря было однимъ изъ наиболѣе раннихъ примѣровъ собственности. Постоянное употребленіе оружія, сохраненіе его въ порядкѣ и приспособленіе къ нему,—все побуждало человѣка, пользовавшагося даннымъ оружіемъ, присвоить его себѣ. Здѣсь мы опять повторимъ,

что основой собственности послужило пользованіе предметомъ. Захваченная добыча легко подвергалась раздѣлу, оружіе же, которымъ привыкъ пользоваться человѣкъ, ревниво имъ охранялось; тѣмъ болѣе, что даннымъ оружіемъ могъ пользоваться только одинъ человѣкъ. Есть также нѣкоторыя указанія на присвоеніе группами дикарей тѣхъ или другихъ предметовъ, которые считались у нихъ священными.

Пастушескій періодъ.

Слѣдующій шагъ въ развитіи понятія о собственности былъ сдѣланъ при переходѣ къ скотоводству. Постоянный уходъ пастуха за стадомъ животныхъ, польза, которую онъ извлекалъ изъ нихъ въ видѣ шкуръ, шерсти или молока,—все это вмѣстѣ устанавливало тѣсную связь между пастухомъ и его стадомъ. И въ концѣ концовъ стадо, легко перегоняемое съ мѣста на мѣсто, превратилось въ собственность—даже въ личную собственность пастуха. Въ такую-же собственность превратились его жены, дѣти и рабы, когда, какъ нами было указано выше, человѣкъ научился оцѣнивать трудъ. Первоначально въ древнихъ законахъ тѣ-же самыя слова обозначали отношенія патріархальнаго человѣка къ его животнымъ, женамъ, дѣтямъ и рабамъ, и только впослѣдствіи эти разнообразныя отношенія стали выражаться отдѣльными словами. Въ патріархальномъ хозяйствѣ рожденіе означало принадлежность: въ древнемъ шведскомъ разбирательствѣ дѣла о воровствѣ приносящій жалобу въ доказательство своихъ правъ утверждалъ, что украденный быкъ откормленъ и воспитанъ въ его хлѣвѣ.

По всей вѣроятности, когда племя распалось на кланы, а кланы на семьи, то добыча грабежа перестала считаться общественной собственностью, и каждый присваивалъ себѣ скотъ, который ему удавалось похитить. Съ развитіемъ обмѣна человѣкъ сталъ признавать своею собственностью предметы, полученные имъ въ обмѣнъ или купленные имъ.

Но имѣется не мало данныхъ, указывающихъ, что еще въ историческія времена весьма подозрительно относились къ покупкѣ, особенно, когда дѣло касалось скота. Человѣкъ, имѣвшій посторонній скотъ, всегда рисковалъ быть принятымъ за вора, и только покупка на рынкѣ, при свидѣтеляхъ, была гарантирована. Въ современномъ англійскомъ

законѣ имѣющая особое значеніе продажа на открытомъ рынкѣ напоминаетъ древнее правило.

Итакъ, мы можемъ установить четыре стадіи развитія собственности:

1) Пользованіе.
2) Производство.
3) Захватъ.
4) Обмѣнъ.

Земледѣльческій періодъ.

Со введеніемъ земледѣлія получила свое начало идея поземельной собственности. Въ періодъ скотоводства взглядъ на земельную собственность немногимъ измѣнился сравнительно съ охотничьимъ періодомъ. Скотоводамъ земля была нужна только для пастбища скота, и они, можетъ быть, нѣсколько тщательнѣе, чѣмъ въ охотничій періодъ, охраняли ее отъ вторженія постороннихъ, и права каждаго члена племени на общественныя пастбища были болѣе или менѣе опредѣленными. Но у скотоводовъ, какъ и въ охотничій періодъ, не представлялось надобности дѣлить землю, и не возникало идеи личной земельной собственности. Но съ введеніемъ земледѣлія произошла быстрая перемѣна во взглядѣ на этотъ вопросъ: всякій кланъ или отдѣльный человѣкъ, увеличившій производительность земли, благодаря сдѣланнымъ имъ улучшеніямъ, конечно, не былъ расположенъ передать ее въ пользованіе другимъ, а самому переходить на новую землю. Въ концѣ концовъ, какъ мы видѣли выше, земля постепенно превратилась сначала въ собственность клановъ, а затѣмъ и въ собственность отдѣльныхъ семей. Но хотя этимъ и былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія идеи собственности, но все-таки еще далеко было до современнаго понятія о ней. Тогда дѣло ограничивалось тѣмъ, что человѣкъ получалъ возможность изъ года въ годъ обрабатывать тотъ же участокъ земли, переходившій послѣ его смерти его дѣтямъ, но подобныя права на землю не удовлетворили бы современнаго землевладѣльца.

Ограниченіе владѣнія.

Во-первыхъ, въ то время человѣкъ имѣлъ права пользоваться землей только для обработки ея. Конечно, онъ строилъ себѣ деревянный домъ, замѣнившій палатку скотовода; ему позволялось огородить небольшое пространство

земли близъ дома для сада. Но главная часть его земли предназначалась для обработки не по его усмотрѣнію, а соотвѣтственно обычаю—онъ долженъ былъ пахать, сѣять и собирать жатву въ опредѣленное время и опредѣленнымъ образомъ. Если бы онъ захотѣлъ пасти скотъ на своихъ полосахъ земли, то непремѣнно попортилъ бы посѣвъ сосѣдей и вмѣстѣ съ тѣмъ рисковалъ бы вызвать неудовольствіе тѣхъ членовъ клана, которые стояли за сохраненіе широкихъ пастбищъ для скота и съ неудовольствіемъ смотрѣли на всякое нововведеніе въ земледѣліи. Исторія человѣчества полна подобныхъ ссоръ, начиная съ тѣхъ временъ, когда патриціи и плебеи вели войну между собою по поводу государственныхъ земель—вплоть до послѣднихъ временъ, когда австралійскій скватеръ (собственникъ овецъ) вступалъ въ борьбу съ фермерами-земледѣльцами. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, борьба имѣла одну и ту-же подкладку.

Неотчуждаемость.

Древній земледѣлецъ имѣлъ домъ и землю, но онъ не имѣлъ права продавать ихъ. Древняя деревня была замкнутымъ учрежденіемъ, и ни одинъ чужеземецъ не могъ стать ея членомъ безъ общаго на то согласія всей деревни.

Воздѣйствіе государства.

Установленіе государства совмѣстно съ экономическимъ прогрессомъ привело къ окончательному развитію идеи собственности. Результатомъ того и другого явилось образованіе класса землевладѣльцевъ и разрушеніе деревенской общины.

Лондлордизмъ.

1) Какъ нами было указано выше, вновь образовавшееся государство въ каждую отдѣльную мѣстность назначало своихъ представителей для сбора дани, для привлеченія мѣстныхъ жителей на военную службу и для поддержанія порядка. Конечно, назначая ихъ, древнее государство не имѣло намѣренія превратить ихъ въ собственниковъ подчиненной имъ территоріи такъ-же, какъ и нынѣшнее государство, назначая намѣстниковъ въ графство Серрей и сборщика таможенныхъ пошлинъ въ Ливерпульскій портъ, не дѣлаетъ ни того ни другого собственниками этихъ мѣстностей. Но примитивное государство, назначая своего представителя, давало ему господство (lordchip) надъ данной мѣстностью, а не право собственности надъ ней.

Но это господство имѣло тенденцію превратиться въ право собственности. Первыми управителями провинціи были мѣстные патріархальные вожди или лица, поставленныя на ихъ мѣсто. Постъ-же патріархальнаго вождя былъ наслѣдственнымъ; и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что постъ представителя государственной власти тоже сдѣлался наслѣдственнымъ тѣмъ-же путемъ, какимъ установилась наслѣдственная монархія. Это наиболѣе характерная черта феодализма. Но разъ та или другая должность превратилась въ наслѣдственную, то очень скоро, какъ сами обладатели, такъ и другіе люди начинаютъ смотрѣть на нее, какъ на нѣчто весьма подобное частной собственности. **Наслѣдственность.**

Мѣстный представитель короны былъ обязанъ доставлять главѣ государства опредѣленную дань соотвѣтственно управляемой имъ мѣстности, которая въ большинствѣ случаевъ была невелика; если онъ ее не уплачивалъ, его смѣняли и назначали другого. Самое существованіе подобной дани уже черезъ нѣсколько поколѣній пріучило мѣстныхъ представителей смотрѣть на подчиненную имъ территорію, какъ на свою собственную, полученную ими на условіи уплаты опредѣленной ренты. **Рента.**

При самомъ назначеніи мѣстнаго правителя имѣлось въ виду, что онъ будетъ извлекать для себя доходъ изъ своей должности. Плата опредѣленнаго жалованія государственнымъ служащимъ и требованіе отъ нихъ отчета есть нововведеніе послѣднихъ временъ и существуетъ еще далеко не во всѣхъ государствахъ цивилизованнаго міра. Въ тѣ-же времена мѣстный правитель былъ обязанъ представлять государству опредѣленную сумму денегъ; все же, что онъ могъ получить сверхъ этого, предоставлялось въ его пользу. И всякій правитель, для полученія себѣ дохода, стремился увеличивать сборы съ подчиненнаго ему населенія и привыкалъ смотрѣть на управляемый имъ округъ, какъ на свою собственность. **Доходъ.**

Мы не должны забывать, что въ тѣ времена всѣ налоги и подати собирались съ продуктовъ земледѣлія, иначе говоря, непосредственно съ земли. А отсюда вполнѣ понятно, что всякій мѣстный правитель смотрѣлъ на землю **Земля.**

подчиненнаго ему населенія, какъ на главную гарантію правильной уплаты дани и податей. И по мѣрѣ того, какъ возрастало населеніе, а земля становилась дороже, онъ, стремясь получить съ нея больше дохода, прогонялъ неаккуратныхъ плательщиковъ и отдавалъ ихъ землю другимъ за высшую плату. Съ той-же цѣлью онъ поощрялъ разрабатывать новые участки. Такимъ образомъ, распоряжаясь землею, правитель считалъ себя собственникомъ управляемаго имъ округа; а мѣстные жители смотрѣли на него, какъ на *владѣльца земли*. Въ концѣ концовъ онъ превратился въ лэндлорда, т. е. въ землевладѣльца.

Нѣкоторые изъ читателей могутъ замѣтить, что въ дѣйствительности не произошло никакой существенной перемѣны, измѣнилось только названіе, но все осталось по-старому: прежній лордъ превратился въ лэндлорда, деревенскій житель—въ арендатора, а подать—въ аренду. Но послѣ нѣкотораго размышленія, они убѣдятся въ своемъ заблужденіи. Ихъ предположеніе оказалось бы вѣрнымъ, если бы цѣнность земли *не измѣнялась*. Въ дѣйствительности же она непрерывно увеличивается, совмѣстно съ ростомъ населенія и спросомъ на землю. *Въ чью же пользу идетъ увеличеніе цѣнности* или такъ наз. *незаработанная прибыль*? Предположимъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи общая цѣнность продуктовъ, получавшихся съ одного акра земли, равнялась X; изъ общей цѣнности продуктовъ государство получало A, лэндлордъ — B и въ пользу земледѣльца оставался У. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть формулу: $A + B + У = X$. Черезъ шесть столѣтій цѣнность продуктовъ, получаемыхъ съ того же самаго акра земли могла увеличиться въ пять разъ, т. е. равняться 5 X, благодаря самымъ разнообразнымъ причинамъ: улучшенію способа обработки, найденнымъ залежамъ угля, возведеннымъ постройкамъ, прорытію колодцевъ и т. д. Въ чью же пользу идетъ это увеличеніе цѣнности земли? Почти во всемъ мірѣ оно шло въ карманы землевладѣльцевъ, успѣвшихъ превратить землю въ свою *собственность* и сумѣвшихъ не допустить государство къ увеличенію своего дохода съ земли.

Только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ арендаторамъ уда-

валось воспрепятствовать непомѣрному увеличенію ренты. Въ результатѣ доходы государства и арендаторовъ очень медленно увеличивались отъ роста земельной цѣнности, а такъ наз. землевладѣльческій классъ пріобрѣлъ огромныя богатства, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ промышленный прогрессъ шелъ очень быстро. Этотъ классъ получилъ самое блестящее вознагражденіе за свою политическую службу. Этотъ классъ людей, начавъ съ должностей собирателей дани и охранителей мѣстнаго порядка, превратился въ классъ земельныхъ собственниковъ и въ распорядителей экономическаго состоянія милліоновъ человѣческихъ личностей. Въ древнихъ промышленныхъ центрахъ положеніе лэндлордовъ не такъ ярко выдѣлялось въ виду того, что городское населеніе было относительно менѣе подавлено налогами и находилось въ меньшей зависимости отъ опредѣленнаго клочка земли. Но и тамъ, благодаря сборамъ податей съ богатыхъ рынковъ и продажѣ тѣхъ или другихъ привилегій городу, богатство и значеніе лэндлордовъ быстро возрастало. Въ тѣхъ же городахъ, которые возникли позже прочнаго установленія правъ земельной собственности, богатство лэндлордовъ достигло колоссальныхъ размѣровъ.

Распаденіе деревенской общины.

Было бы ошибочно предполагать, что превращеніе мѣстныхъ правителей въ крупныхъ земельныхъ собственниковъ-лэндлордовъ было единственной причиной установленія земельной собственности; образованіе крупныхъ землевладѣльцевъ было главной, но не единственной причиной этого. Помимо ихъ образовался еще классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ.

Въ ранній періодъ существованія деревни каждый изъ членовъ имѣлъ опредѣленныя права на землю. У него не могли отнять его участка земли, если онъ уплачивалъ деньгами или работой свою долю общественныхъ обязательствъ и не нарушалъ деревенскихъ обычаевъ. Но онъ не пользовался двумя существенными правами собственника — онъ не могъ ни продать, ни подарить своихъ правъ на землю по своему усмотрѣнію другому лицу. Пріобрѣтеніе этихъ правъ членами деревни послужило къ разрушенію общины.

Съ самаго своего возникновенія государственная власть

относилась враждебно къ деревенской общинѣ. Военный характеръ государства побуждалъ ее стремиться къ установленію непосредственныхъ сношеній съ отдѣльными личностями, а не съ общиной. И въ тѣхъ случаяхъ, когда государственная власть, по тѣмъ или другимъ причинамъ, признавала существованіе деревенской общины, она вела съ ней сношенія черезъ посредство ея представителей. Но въ общемъ короли предпочитали имѣть дѣло съ отдѣльными лордами и считали существованіе деревенскаго братства опаснымъ для своей власти. Во всѣхъ древнихъ законодательствахъ въ избыткѣ встрѣчаются указанія на стремленіе королей лишить деревенскую общину права налагать взысканіе на своихъ членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ короли упорно настаивали на томъ, чтобы лица, получившія отъ нихъ право поселяться въ данной мѣстности, получали опредѣленный участокъ общественной земли въ деревнѣ.

Въ древнія времена исполнить требованіе короля было не трудно, такъ какъ на окраинахъ каждой деревни находилось много свободныхъ земель; но жителямъ деревни подобное вмѣшательство государства въ ихъ общинную жизнь было такъ-же непріятно, какъ было бы непріятно современной семьѣ принять насильно навязаннаго ей нахлѣбника. Вновь прибывшій могъ оказаться тайнымъ шпіономъ; жители до извѣстной степени являлись отвѣтственными за его поведеніе, и онъ могъ имѣть своеобразное понятіе о веденіи хозяйства. Короли, однако, сумѣли добиться своего.

Затѣмъ государство признало право продажи отдѣльныхъ участковъ общественной земли не только членамъ своей общины, но и постороннимъ лицамъ. Есть много указаній на то, что внутри общины уже задолго до этого происходилъ процессъ скопленія нѣсколькихъ участковъ въ однѣхъ рукахъ, который, вѣроятно, и послужилъ къ образованію класса іоменовъ. Но посторонніе не допускались къ покупкѣ общинныхъ земель, и только послѣ упорной борьбы государству удалось настоять на своемъ.

Въ дѣлѣ разрушенія общины Церковь явилась союзницей государства. Не довольствуясь сборомъ обычной

десятины, она, благодаря частнымъ пожертвованіямъ, пріобрѣла обширныя земельныя пространства. Церковь-же если и не изобрѣла, то во всякомъ случаѣ содѣйствовала распространенію обычая передавать права на землю по духовному завѣщанію. А этотъ обычай въ большой мѣрѣ способствовалъ разрушенію родственнаго принципа, служившаго основой деревенской общинѣ.

Наконецъ, государство нанесло окончательный ударъ общинѣ, признавъ право отбирать землю у несостоятельнаго должника для уплаты его долговъ. По старому патріархальному обычаю должникъ былъ лично отвѣтственъ за свои долги, а его земля оставалась попрежнему землею клана. Признавъ право отбирать общественную землю за долги отдѣльныхъ членовъ общины, государство тѣмъ самымъ закончило дѣло ея разрушенія.

Огораживаніе.

Съ распаденіемъ общины измѣнился и внѣшній видъ деревни. Обширныя открытыя поля замѣнились огороженными участками отдѣльныхъ фермеровъ. До тѣхъ поръ, пока земля каждаго крестьянина была разсѣяна узкими полосами по всему пространству деревенскихъ полей, хозяйство должно было вестись согласно общинному обычаю. Земля могла переходить изъ рукъ въ руки и распредѣляться тѣмъ или другимъ образомъ, но самостоятельное хозяйство было невозможно. Человѣкъ, земля котораго состояла изъ 50 — 60 полосъ, не могъ ею свободно пользоваться и не могъ дѣлать необходимыхъ для него опытовъ. И вотъ въ концѣ среднихъ вѣковъ началась борьба за передѣлъ земли для уничтоженія черезполосицы. Побѣда осталась за реформаторами — каждый получилъ причитающуюся ему землю въ одномъ кускѣ, а открытыя поля деревни замѣнились огороженными полями мелкихъ собственниковъ или арендаторовъ. Новая система много содѣйствовала успѣхамъ сельскаго хозяйства. Она обезпечила трудолюбиваго фермера отъ вреда, приносимаго ему лѣнивымъ сосѣдомъ, допускавшимъ свою землю заростать сорными травами; она позволяла предпріимчивому человѣку производить опыты и въ особенности заниматься разведеніемъ овецъ вмѣсто посѣва хлѣба, благодаря чему получалась значительная экономія труда; она же украсила деревенскій

пейзажъ живыми заборами, составляющими гордость англійской деревни; и она же окончательно разрушила деревенскую общину [1]).

---

[1]) „Огороженныя поля“ и „гордость современной англійской деревни, живые заборы“, дорого обошлись Англіи. Къ сожалѣнію, авторъ лишь въ общихъ выраженіяхъ отмѣтилъ отрицательныя стороны частной собственности. А между тѣмъ трагедія изгнанія крестьянъ изъ деревни — одна изъ ужаснѣйшихъ страницъ англійской исторіи. Въ этомъ изгнаніи приняли участіе землевладѣльцы, захватывавшіе земли какъ „предпріимчивыхъ фермеровъ“, такъ и ихъ „лѣнивыхъ сосѣдей“ подъ поля для разведенія овецъ, подъ охотничьи парки и т. п. Этому помогали богатые владѣльцы фабрикъ, нуждавшіеся въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ для развивавшейся промышленности, и всесильное государство, издававшее драконовскіе законы противъ безработныхъ-праздношатающихся. Десятки тысячъ „предпріимчивыхъ“ и „лѣнивыхъ“ деревенскихъ сосѣдей бродили безпріютно по Англіи, тысячи изъ нихъ умирали съ голоду, а уцѣлѣвшіе подъ угрозой тюрьмы и каторги загонялись на фабрики. Какіе же результаты получились для Англіи?

Великобританія, территорія которой могла бы легко прокормить своими земледѣльческими продуктами болѣе ста милліоновъ человѣкъ, не можетъ удовлетворить и половины потребностей своего настоящаго сорокамилліоннаго населенія. Огромныя пространства, удобныя для земледѣлія, не обрабатываются и въ то же время число земледѣльческихъ рабочихъ и фермеровъ не увеличивается, а скорѣе уменьшается; огромное количество безработныхъ въ городахъ является какъ бы неизбѣжнымъ, постояннымъ спутникомъ англійской жизни и, наконецъ, растетъ эмиграція не только городскихъ, но и сельскихъ рабочихъ и даже мелкихъ фермеровъ.

Въ настоящее время въ Англіи зарождается постепенно усиливающееся стремленіе къ привлеченію обратно на землю массы населенія. Это движеніе весьма разнообразно: нѣкоторые патріоты приходятъ въ ужасъ при мысли, что во время войны Англія можетъ остаться безъ хлѣба и предлагаютъ всевозможныя своеобразныя средства для поднятія земледѣлія въ Англіи.

Филантропы устраиваютъ земледѣльческія колоніи для безработныхъ и продаютъ, безъ права раздробленія и расширенія, участки земли обучившимся въ колоніяхъ рабочимъ. Могущественныя кооперативныя товарищества дѣлаютъ пока малоуспѣшные опыты устройства земледѣльческихъ кооперацій.

Умѣренные послѣдователи Генри Джорджа мечтаютъ посредствомъ общаго высокаго земельнаго налога вынудить англійскихъ лордовъ предоставить земледѣлію необрабатывающіяся земли.

Болѣе крайніе англичане постепенно оцѣниваютъ удобства экспро-

Вмѣсто большого количества разбросанныхъ по всему полю мелкихъ полосъ, фермеръ получилъ землю въ одномъ кускѣ. Деревенскіе жители (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда имъ удавалось сбросить одновременно съ узами деревни и узы землевладѣльца) превратились изъ общинниковъ, хотя и зависящихъ отъ лорда, но сильныхъ взаимной защитой, въ простыхъ арендаторовъ крупнаго землевладѣльца.

Наиболѣе богатые изъ фермеровъ выселились изъ деревни и построили себѣ усадьбы въ центрѣ земельныхъ участковъ, находившихся въ ихъ пользованіи. Старинные дома іоменовъ превратились въ развалины или были подраздѣлены на наемныя квартиры. Въ деревняхъ остались жить только бѣдняки, постепенно превратившіеся въ наемныхъ работниковъ, и раздѣленіе на классы стало болѣе рѣзкимъ.

Очень трудная задача предстояла намъ въ этой главѣ, но всякій, изучавшій когда-нибудь вопросъ о собственности, несомнѣнно знаетъ, что это нелегкій предметъ. Во всякомъ

пріаціи частной земельной собственности въ Англіи, такъ какъ она сосредоточена въ немногихъ рукахъ. Однимъ словомъ, передовая англійская мысль начинаетъ работать надъ тѣмъ, какѣ бы исправить зло изгнанія крестьянъ съ земли.

Два слова о нашемъ отечествѣ. Россія вступаетъ на новый путь, не переживъ полнаго разложенія деревни и вступаетъ на него въ XX в.,— вѣкѣ техническаго развитія и кооперації, вѣкѣ широкаго распространенія идей соціализма.

Крупное землевладѣніе у насъ уже давно потерпѣло крушеніе и поддерживается только искусственно въ ущербъ интересамъ не только государства и народа, но во многихъ случаяхъ и самихъ владѣльцевъ.

Съ насажденіемъ мелкой поземельной собственности мы опоздали, широкое примѣненіе земледѣльческихъ машинъ несовмѣстимо съ „огороженными полями“. Машины и кооперації теперь уже кое-гдѣ на Западѣ повели къ большему или меньшему стремленію къ кооперативному объединенію мелкихъ хозяйствъ; теперь поздно думать о возвращеніи къ идеалу прошлыхъ вѣковъ — мелкому крестьянскому и фермерскому хутору. Теперь все идетъ къ открытымъ полямъ и совмѣстному труду. Какъ разрѣшится аграрный вопросъ у насъ, покажетъ уже недалекое будущее.

Примѣчаніе переводчика.

случаѣ, теперь, вѣроятно, стало ясно для читателя, что собственность не внезапное изобрѣтеніе, а продуктъ историческаго хода вещей и что, хотя естественныя причины много содѣйствовали образованію собственности, но главнымъ и могущественнымъ факторомъ развитія ея въ настоящемъ видѣ послужила та форма общественной организаціи, которую мы называемъ государствомъ.

ГЛАВА XI.

Государство и правосудіе.

Мы привыкли смотрѣть на отправленіе правосудія, какъ на неизбѣжную принадлежность государства, и намъ трудно представить себѣ, что современное правосудіе, какъ и все остальное въ цивилизованномъ мірѣ, не болѣе какъ продуктъ историческаго хода вещей.

Въ настоящее время все дѣло правосудія въ Англіи ведется отъ имени короля, т. е. отъ имени главы государства. Въ прежнія времена это было иначе.

Впервые идея правосудія проявилась, какъ мы видѣли, въ стремленіи отомстить за причиненное зло. Наиболѣе раннимъ средствомъ для защиты частныхъ лицъ и ихъ интересовъ служила кровавая месть, а для наказанія преступленій, оскорблявшихъ нравственное чувство общины, служило изгнаніе самой общиной изъ своей среды виновника преступленія.

Мы видѣли выше, что первымъ шагомъ къ смягченію положенія дѣла явилась замѣна штрафомъ кровной мести. Въ наиболѣе раннемъ періодѣ исторіи человѣчества почти всѣ преступленія носили характеръ насилія и, совершенно естественно, вызывали чувство мести. Но начавшіе появляться, съ введеніемъ скотоводства, признаки собственности повели къ развитію новаго, наиболѣе распространившагося рода преступленій — воровства, вызвавшаго совершенно понятное стремленіе возвратить украденное или получить равное ему вознагражденіе. Это стремленіе вмѣстѣ съ сознаніемъ зла, причиняемаго крова-

вой местью, повело къ замѣнѣ ея денежной платой. Нерѣдко древніе законы состояли только изъ перечня штрафовъ, налагаемыхъ за преступленія.

Отсутствіе авторитетнаго суда.

Но въ патріархальномъ обществѣ не существовало власти, которая могла принудить виновнаго уплатить штрафныя деньги. Тамъ это дѣлалось по соглашенію. Старѣйшины племени или клана являлись только совѣтниками, убѣждавшими враждующія стороны покончить дѣло миромъ, уплативъ и принявъ соотвѣтствующій штрафъ, размѣры котораго опредѣлялись старѣйшинами. Въ случаѣ неудачныхъ переговоровъ враждующимъ сторонамъ предоставлялось рѣшать дѣло путемъ кровной мести.

Нужно обратить вниманіе, что система штрафовъ не затрагивала преступленій противъ общества. Въ тевтонскомъ законодательствѣ подобныя преступленія назывались неоплатными, т. е. такими, которыя не могутъ быть оплачены никакимъ штрафомъ. Когда кто-нибудь совершалъ подобное преступленіе, то все племя (или кланъ) поднималось въ негодованіи и изгоняло изъ своей среды преступника. Это очень важное различіе между преступленіями противъ общества и противъ частныхъ лицъ представляетъ зачатокъ современнаго различія между уголовнымъ преступленіемъ, когда преступникъ привлекается къ суду государственной властью и гражданскимъ нарушеніемъ права, когда истцомъ является само потерпѣвшее лицо.

Пережитокъ идеи мщенія.

Сознаніе права на месть до заключенія мира между враждующими сторонами не только существовало до конца патріархальнаго періода, но и перешло въ ближайшій къ нему періодъ политическаго строя. Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ проявленій этого сознанія былъ нижеслѣдующій обычай, существовавшій среди купечества до конца среднихъ вѣковъ. Если, напримѣръ, антверпенскій купецъ не заплатилъ своего долга бристольскому кущу, то купеческая гильдія въ Бристолѣ захватывала имущество любого антверпенскаго купца, имѣвшаго несчастіе находиться въ это время въ Бристолѣ. То-же самое мы видимъ и въ феодальномъ судѣ, гдѣ допускалось оканчивать дѣло поединкомъ, который былъ той же кровавой местью, но только въ измѣненномъ видѣ. Въ феодальномъ судѣ

рѣшеніе дѣла поединкомъ существовало вплоть до уничтоженія самого этого суда.

Воздѣйствіе государства.

По отношенію, такъ называемыхъ, неоплатныхъ преступленій, т. е. преступленій противъ общества, вліяніе установившагося государства быстро сказалось. Весьма вѣроятно, въ патріархальныя времена наказанія за преступленіе противъ общества не всегда строго примѣнялись, — то, о чемъ всѣ должны заботиться, о томъ часто никто не заботится — и многіе изъ ужасныхъ преступниковъ избѣгали наказанія. Но если бы патріархальныя наказанія и примѣнялись строго къ подобнымъ преступленіямъ, они все-таки не удовлетворили бы установившагося государства. Оно не желало терять своихъ людей безъ нужды, даже если они были преступниками. Эти преступники могли оказаться хорошими солдатами, несмотря на то, что были буйными членами общества. И по мѣрѣ установленія государства, оно разрѣшаетъ изгнанникамъ возвращаться изъ лѣсовъ, замѣняя имъ изгнаніе другими наказаніями. Когда совершалось преступленіе, государственныя власти устраивали погоню за преступникомъ, но, поймавъ и наказавъ его, отпускали. Государство также ввело систему заочнаго приговора, весьма часто примѣнявшагося королями, такъ какъ имущество заочно приговоренныхъ шло въ ихъ пользу.

Миръ и спокойствіе во владѣніяхъ короля.

Развитіе идеи о необходимости соблюденія мира и спокойствія во владѣніяхъ короля сильно содѣйствовало движенію впередъ дѣла государственнаго правосудія. Будучи главою военнаго государства, король не могъ допустить нарушенія мира и порядка на своей территоріи. И скоро установился взглядъ, что всякое насиліе составляетъ преступленіе противъ самого государства, а всякій, совершающій преступленіе противъ государства, долженъ непремѣнно понести наказаніе. Исходя изъ идеи обязательнаго соблюденія мира и спокойствія на королевской территоріи, королевскіе слуги остроумными разсужденіями подвели подъ это обязательство массу преступленій, которыя въ дѣйствительности не сопровождаются насиліями. Напримѣръ, воровство далеко не всегда сопровождается насиліемъ, и первоначально считалось преступленіемъ противъ частнаго

лица. Но государство заявило, что удачное или неудачное воровство обязательно должно повести къ кровной мести, а такъ какъ кровная месть означаетъ насиліе, то отсюда вытекаетъ, что воровство есть нарушеніе мира и спокойствія на королевской территоріи, — слѣдовательно: прежде всего долженъ быть удовлетворенъ король, а уже затѣмъ пострадавшее лицо или его родные могутъ требовать вознагражденія. Но обыкновенно послѣ удовлетворенія требованія короля очень мало оставалось для удовлетворенія пострадавшихъ. Такимъ образомъ воровство и тому подобныя преступленія превратились въ уголовныя, караемыя государственными законами.

Измѣна.

Далѣе государство, какъ военное учрежденіе, было непосредственно заинтересовано въ соблюденіи всѣми его подданными военной вѣрности, а потому все, указывавшее на непокорность или нарушеніе этой вѣрности, считалось угрозой государственной безопасности и немедленно наказывалось; такимъ образомъ созданъ законъ противъ измѣны. Теперь, если мы возьмемъ вмѣстѣ всѣ преступленія, выдающіяся по своей чудовищности, всѣ преступленія и проступки, нарушающіе миръ и спокойствіе на королевской территоріи и всѣ преступленія и проступки, грозящіе безопасности государства, то мы получимъ въ общихъ чертахъ уголовное законодательство въ первомъ періодѣ государства, т. е. законодательство, приводимое въ дѣйствіе самимъ государствомъ въ противоположность гражданскому, приводимому въ дѣйствіе частными лицами.

Государство и гражданскія дѣла.

Вмѣшательство государства въ споры между частными лицами произошло гораздо позже. Имѣлась еще переходная ступень отъ совѣта старѣйшинъ съ совѣщательнымъ голосомъ къ обязательному государственному гражданскому суду. Этой переходной ступенью былъ судъ феодальнаго лорда, который пріобрѣлъ право суда: частью, благодаря своему положенію представителя государства, на которомъ лежала обязанность охранять миръ и порядокъ въ данной мѣстности, а частью благодаря тому, что онъ занялъ мѣсто прежняго вождя племени или клана, который предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ старѣйшинъ. Подобный судъ пріобрѣлъ большую силу и значеніе. Съ одной стороны, онъ

былъ военнымъ, такъ какъ его предсѣдатель былъ представителемъ государства, имѣвшимъ въ своихъ рукахъ военную силу, при помощи которой онъ легко могъ уничтожить кровную месть, вынуждая жителей обращаться за разрѣшеніемъ своихъ споровъ къ суду, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ. Этотъ судъ былъ также и патріархальнымъ, такъ какъ въ немъ участвовали люди даннаго племени или клана.

Существуетъ странное заблужденіе по поводу выраженія „судъ равныхъ“ (trial by one's peers). Его обыкновенно признаютъ равнозначащимъ суду присяжныхъ. Въ дѣйствительности же это выраженіе противуставлялось суду присяжныхъ, который въ то время былъ непопулярнымъ королевскимъ нововведеніемъ. Выраженіе „судъ равныхъ“ означало судъ людей того же лена, къ которому принадлежалъ подсудимый и являлось выраженіемъ протеста феодализма противъ новаго-королевскаго суда.

Судъ феодальнаго лорда господствовалъ въ гражданскихъ искахъ и по временамъ ему удавалось пріобрѣтать право разбирать дѣла уголовнаго характера, что уже являлось вторженіемъ въ область королевскаго суда. Королямъ это не нравилось, они не желали допустить подобнаго усиленія феодальнаго лорда и добились того, что постепенно судебная власть, а потомъ сборъ податей перешли въ руки второстепенныхъ представителей государства, извѣстныхъ въ Англіи подъ именемъ шерифовъ. Когда же и эти послѣдніе пріобрѣли слишкомъ большую власть, то ихъ замѣнили въ дѣлѣ суда спеціальные объѣздные судьи, по сбору податей — представители государственнаго казначейства, а для управленія провинціи назначались намѣстники и губернаторы. Такъ происходило тамъ, гдѣ государство окончательно побѣдило феодализмъ.

Борьба государства съ феодализмомъ является одной изъ насмѣшекъ исторіи. Государству во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ пришлось вести борьбу на жизнь и на смерть съ той системой, которая вначалѣ была имъ же создана. Въ иныхъ случаяхъ государство побѣдило, въ иныхъ потерпѣло пораженіе.

Стремленіямъ политическаго государства противорѣчило

раздробляющее значеніе феодализма. Предоставленный самъ себѣ феодализмъ раздѣлилъ бы государство на мелкія части, какъ это и случилось со средневѣковой Германской имперіей. Жители привыкали смотрѣть на феодальнаго лорда, какъ на своего господина, собирались подъ его знаменемъ, платили ему подати, судились его судомъ и въ слабой степени признавали авторитетъ государства; при столкновеніи короля съ вассаломъ они могли стать на ту или другую сторону. Прочность англійскаго трона въ средніе вѣка объясняется тѣмъ, что короли воспользовались благопріятными обстоятельствами и покончили съ феодализмомъ. Они требовали, чтобы жители страны въ военномъ отношеніи подчинялись только королю. Они установили новую систему налоговъ, облегчившую денежную отвѣтственность феодальныхъ лордовъ, но лишившую ихъ положенія сборщика податей, и въ концѣ концовъ отняли у лорда право-производить судъ.

Государство также съ непріязнью смотрѣло на то, что, благодаря наслѣдственному характеру феодализма, лорды смотрѣли на феодальный судъ, какъ на собственность, приносящую значительный доходъ. И государство въ своемъ стремленіи овладѣть исключительнымъ правомъ суда, руководствовалось желаніемъ не установить высшее правосудіе, а получить доходъ.

Въ концѣ концовъ, государственный судъ замѣнилъ собою суды: клановой, торговый, феодальный и даже церковный судъ, благодаря своимъ преимуществамъ, наиболѣе важные изъ которыхъ слѣдующіе три:

I. Мы видѣли, что въ патріархальное время роль суда игралъ совѣтъ старѣйшинъ. Но это былъ добровольный, а не обязательный судъ; если обвиняемый не хотѣлъ на него явиться или подчиниться его рѣшенію, то судъ не могъ принудить его ни къ тому, ни къ другому. Добровольный судъ хорошъ только тогда, когда обѣ стороны искренно добиваются правильнаго разрѣшенія спора. Но изъ десяти случаевъ въ девяти одна изъ спорящихъ сторонъ вовсе не желаетъ этого. Она стремится выиграть время, затягивая дѣло посредствомъ обмана или упорства. И въ подобныхъ обстоятельствахъ добровольный судъ былъ совершенно без-

силенъ. Королевскій же судъ въ такихъ случаяхъ не церемонился: имущество непокорнаго человѣка подвергалось аресту, и его самого сажали въ тюрьму, гдѣ и держали до суда. Тѣ же самыя мѣры принужденія употреблялись и по отношенію лицъ, не желавшихъ подчиниться приговору суда. Конечно, феодальный судъ также имѣлъ отчасти въ своихъ рукахъ способы для принужденія людей къ повиновенію. Но племенной или клановой суды ихъ не имѣли, и это было главной причиной ихъ паденія.

II. Королевскіе судьи, главнымъ образомъ, выбирались по способностямъ и, несомнѣнно, обладали большими знаніями и искусствомъ въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, нежели старѣйшины, назначавшіеся по возрасту или феодальные лорды, получавшіе судебныя права по наслѣдству. Конечно, многіе изъ феодальныхъ бароновъ также привлекали къ себѣ на службу свѣдущихъ людей. Но въ этомъ отношеніи они не могли конкурировать съ королемъ. Наиболѣе способные и знающіе люди, несомнѣнно, стремились попасть на королевскую службу. Было много бароновъ и епископовъ, но одинъ король. Преимущество въ искусствѣ веденія дѣлъ королевскаго суда надъ феодальнымъ ясно видно уже изъ того, что онъ былъ первымъ и, долгое время, единственнымъ судомъ, записывавшимъ производство дѣлъ и рѣшенія ихъ.

III. Весьма распространено ошибочное мнѣніе о прямотѣ и простотѣ древняго суда. Какъ разъ наоборотъ: при изученіи древняго судопроизводства мы находимъ въ немъ массу ловушекъ, придирокъ и ненужныхъ формальностей. Требовалось, напримѣръ, чтобы тяжущіяся стороны употребляли при спорахъ опредѣленныя слова и выраженія и всякая ошибка въ нихъ могла повести къ потерѣ дѣла. Судъ могъ производиться только въ особые дни. А если онъ имѣлъ мѣсто въ неподходящій день, то его рѣшеніе не имѣло никакого значенія. Вполнѣ характернымъ для процедуры примитивнаго суда является разсказъ о томъ, какъ римскіе авгуры держали въ секретѣ формальности, необходимыя для суда и дни, въ которые онъ могъ совершаться, такъ что ни одинъ человѣкъ не могъ обратиться въ судъ, не посовѣтовавшись предварительно съ авгурами.

Королевскіе судьи, хотя и сами несвободные отъ нѣкотораго педантизма, отбросили массу ненужныхъ формальностей, открыто заявляли въ какіе дни будутъ происходить засѣданія суда и за опредѣленную плату выдавали нужные для веденія дѣла формы и бланки.

Кромѣ упрощенія судопроизводства королевскіе судьи внесли значительныя улучшенія и въ самые способы судопроизводства. Въ большинствѣ случаевъ вслѣдъ за уничтоженіемъ судебнаго поединка древніе судьи признавали, главнымъ образомъ, только два способа опредѣленія виновности или невинности подсудимаго: если обвиняемый былъ свободнымъ и хорошей репутаціи человѣкомъ, ему дозволялось подтвердить свою невинность своей личной присягой и присягой опредѣленнаго числа его родственниковъ; если же онъ былъ крѣпостнымъ или человѣкомъ дурной репутаціи, его подвергали испытанію, заставляя опустить руку въ кипящую воду или поднять раскаленную до-красна желѣзную полосу; и если онъ продѣлывалъ это безъ вреда для себя, то считался невиннымъ; если получалъ поврежденія, то признавался виновнымъ. Довольно трудно себѣ представить, какъ человѣкъ, приговоръ котораго зависѣлъ отъ присяги родственниковъ, могъ быть обвиненъ; и не легко себѣ представить, какъ могъ быть оправданъ человѣкъ посредствомъ вышеуказанныхъ испытаній (если судья не былъ подкупленъ). Королевскіе судьи дозволяли приводить въ доказательство тѣ или другіе письменные документы, чѣмъ косвеннымъ образомъ содѣйствовали болѣе широкому распространенію обычая заключать письменные договоры въ повседневной жизни. Они также настаивали на томъ, чтобы нѣкотораго рода сдѣлки заключались въ присутствіи свидѣтелей, которые потомъ могли явиться въ судъ для дачи показаній.

Но наиболѣе важной перемѣной, внесенной королевскими судьями въ дѣлѣ судопроизводства, было установленіе суда присяжныхъ, т. е. суда, оканчивающагося отвѣтомъ группы сосѣдей на вопросы судьи обвиняемому. Это весьма важное учрежденіе, повидимому, было заимствовано Карломъ Великимъ отъ умиравшей Римской имперіи и распространено его представителями по всей западной Европѣ.

Когда императоръ подозрѣвалъ, что его интересы были нарушены какимъ-нибудь лицомъ, то представитель императора призывалъ къ себѣ сосѣдей предполагаемаго нарушителя и принуждалъ ихъ подъ присягой давать отвѣты на предлагаемые имъ вопросы. Первое время подобная процедура вызывала сильное неудовольствіе какъ со стороны призывавшихся сосѣдей, по-нашему присяжныхъ, такъ и со стороны нарушителей императорскихъ правъ. Но подобный способъ разрѣшенія вопросовъ былъ очень удобенъ для государства, и его приняли всѣ короли западной Европы; короли за опредѣленную плату разрѣшали пользоваться этимъ способомъ частнымъ лицамъ для разрѣшенія ихъ тяжбъ, конечно, подъ руководствомъ офиціальнаго представителя власти, безъ содѣйствія котораго присяжные и не подумали бы явиться. По мѣрѣ того, какъ этотъ способъ судебныхъ рѣшеній примѣнялся къ тѣмъ или другимъ государственнымъ дѣламъ: къ вопросамъ по поводу королевскихъ доходовъ, къ опредѣленію виновности преступниковъ и т. п., добросовѣстные истцы постепенно стали оцѣнивать преимущества подобнаго способа разбора тяжбъ. Первоначально судъ присяжныхъ примѣнялся въ ограниченномъ количествѣ дѣлъ, такъ какъ трудно было принуждать преступниковъ подчиняться ему, но мало-по-малу люди стали убѣждаться въ томъ, что гораздо выгоднѣе подчиниться суду присяжныхъ, нежели томиться въ тюрьмѣ или подвергаться риску феодальнаго суда. Въ концѣ концовъ, судъ присяжныхъ пріобрѣлъ популярность и на него стали смотрѣть, какъ на оплотъ свободы. Къ несчастью, во многихъ странахъ онъ на долгое время прекратилъ существованіе, такъ какъ короли оказались слишкомъ слабыми для поддержанія его. Долгое время смотрѣли на него, какъ на чисто-англійское учрежденіе.

Такими способами государство въ наиболѣе передовыхъ странахъ взяло дѣло правосудія въ свои руки. Эта побѣда завершилась въ періодъ Реформаціи, когда борьба съ церковью, даже въ католическихъ странахъ, избавила государственный судъ отъ сильнаго соперника — въ лицѣ церковнаго суда. Въ нѣкоторыхъ странахъ государство совсѣмъ уничтожило мѣстные суды и установило свои. Такъ, между

прочимъ, поступила Франція и это привело къ гибельнымъ послѣдствіямъ, которыхъ мы вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго характера здѣсь разсматривать не можемъ. Въ другихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, придерживались другого способа дѣйствія: превращали мѣстные суды въ свои собственные и тѣмъ самымъ сохраняли непрерывность судебныхъ учрежденій, — что играетъ очень важную роль въ дѣлѣ политическаго прогресса. Намъ теперь нужно отвѣтить на вопросъ большой важности — какіе законы были примѣняемы въ судахъ? Но объ этомъ мы будемъ говорить въ отдѣльной главѣ, такъ какъ этотъ вопросъ включаетъ въ себѣ весьма важный предметъ: политическое представительство.

ГЛАВА XII.

Государство и законодательство.

Въ первобытномъ обществѣ, какъ нами было указано раньше, не существовало представленія о законѣ. Въ зачаточной формѣ идея закона впервые появилась въ патріархальное время въ видѣ требованія соблюдать обычай, освященный предками. Эта идея закона, какъ все остальное въ патріархальномъ обществѣ, была личная. Законы и обычаи человѣка были законами и обычаями его племени или клана, а не территоріи, на которой онъ жилъ. Еще въ сравнительно недавнее время въ Европѣ признавалось за человѣкомъ право судиться на основаніи законовъ его племени, гдѣ бы онъ въ то время ни жилъ. Слабые слѣды этого могутъ быть найдены и въ современномъ обществѣ въ наши дни. Наиболѣе упорное изъ патріархальныхъ племенъ—еврейское—и теперь еще удерживаетъ до нѣкоторой степени свои племенные законы, живя въ христіанскихъ городахъ Запада. Но въ большинствѣ случаевъ, съ развитіемъ земледѣлія и феодализма, законъ сталъ болѣе мѣстнымъ, чѣмъ личнымъ, и появились обычаи не клана, а деревни и города. Личныя идеи закона еще кое-гдѣ удерживались, но образовалось и строго установилось мнѣніе, что деревенскіе обычаи касались только жителей деревни, а городскіе—горожанъ. Въ концѣ концовъ личная идея законовъ уничтожилась окончательно, когда связи по мѣсту жительства замѣнили кровныя связи въ общественной организаціи.

Не слѣдуетъ думать, что, говоря о мѣстномъ законѣ, мы предполагаемъ законы, имѣвшіе силу на всемъ пространствѣ большихъ территорій. Если бы мы стали говорить о законахъ Франціи и Германіи десятаго вѣка, то обнаружили-бы тѣмъ большое невѣжество въ исторіи. Въ десятомъ вѣкѣ во Франціи, въ Германіи, Испаніи и даже въ Англіи всякій небольшой округъ, почти всякая деревня и городъ, имѣли свои особые законы. Въ Англіи, по причинамъ, которыя мы объяснимъ далѣе, подобное положеніе дѣлъ измѣнилось очень рано. Но даже и теперь въ современной Англіи можно найти въ сотняхъ деревень особые законы, регулирующіе право собственности. Во Франціи же, Германіи, Испаніи и другихъ странахъ не существовало общихъ государственныхъ законовъ вплоть до конца XVIII столѣтія.

Нижеслѣдующіе три фактора содѣйствовали, по нашему мнѣнію, уничтоженію мѣстныхъ законовъ и введенію современной системы законодательства.

Регесты.

1. Имѣются весьма интересные документы въ видѣ такъ называемыхъ сводовъ народныхъ или варварскихъ законовъ (Leges Barbarorum) разныхъ странъ Европы и разныхъ періодовъ съ начала среднихъ вѣковъ. Имѣются подобные своды законовъ: тевтонскихъ королевствъ Италіи и Испаніи, баварскіе, саксонскіе, бургундскіе, франкскіе, швабскіе, фригійскіе, шотландскіе, англійскіе, валлійскіе, ирландскіе, шведскіе, датскіе, норвежскіе и многіе другіе. Хотя время ихъ изданія весьма различно, но всѣ они принадлежатъ къ тому же историческому періоду каждой страны, т. е. къ періоду установленія монархіи въ патріархальныхъ странахъ; и всѣ они обязаны своимъ изданіемъ одной и той-же причинѣ—желанію короля-побѣдителя знать обычаи покоренныхъ имъ племенъ. Во многихъ случаяхъ побѣдитель давалъ формальное обѣщаніе не нарушать старыхъ обычаевъ и во всякомъ случаѣ никогда не предполагалъ ихъ вполнѣ уничтожать. Ввиду этого ему нужно было знать, въ чемъ состоятъ эти обычаи: онъ не могъ соблюдать того, чего не зналъ.

Такимъ образомъ вышеописанные своды не были законами въ настоящемъ значеніи этого слова, а сборниками обычаевъ, регестами. Въ большинствѣ случаевъ они являлись результатомъ тщательнаго разслѣдованія уполномочен-

ными короля и опроса ими племенныхъ вождей и старѣйшинъ, хорошо знавшихъ обычаи своихъ племенъ.

Значеніе регистровъ.

Во всякомъ случаѣ изданіе сборниковъ существовавшихъ обычаевъ явилось весьма важнымъ факторомъ въ исторіи законодательства. Какъ нами было указано выше, незаписанные обычаи измѣнялись постепенно и незамѣтно. И никто не рѣшился бы предложить преднамѣренно ихъ измѣненіе. Но разъ обычаи были записаны, они не могли измѣняться незамѣтнымъ образомъ, такъ какъ всякій, кому это было нужно, могъ указать въ сборникѣ текстъ настоящаго обычая. Между тѣмъ жизнь идущаго впередъ общества требовала измѣненія того или другого обычая, и оказывалась необходимость въ новыхъ изданіяхъ сборника обычаевъ, которыя время отъ времени и выпускались. Народъ мало-по-малу сталъ привыкать къ мысли о томъ, что обычаи могутъ быть измѣняемы и по временамъ, путемъ торга или соглашенія съ королемъ, допускалъ вносить преднамѣренно тѣ или другія измѣненія въ древніе обычаи. Конечно, не мало подобныхъ измѣненій было вносимо незамѣтнымъ образомъ въ писанный сводъ королевскими составителями его. Въ прежнія времена народъ относился съ особымъ уваженіемъ къ недавно вошедшему въ употребленіе письму и на всякій писанный документъ смотрѣлъ, какъ на что-то волшебное, магическое; а всякое писанное правило внушало особое, почти священное уваженіе. Для иллюстраціи можно указать на всѣмъ намъ извѣстный фактъ про индуса, носившаго на себѣ рецептъ доктора вмѣсто того, чтобы отнести его въ аптеку. И это можетъ служить характернымъ примѣромъ уваженія къ письменнымъ документамъ у примитивныхъ народовъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, въ тѣ времена достаточно было указать на то, что такое то правило записано въ сводѣ, чтобы ему подчинялись, не спрашивая, какъ оно туда попало.

Суды.

2. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какимъ образомъ государство, взявъ въ свои руки отправленіе правосудія, назначало или постоянныхъ судей въ отдѣльныя мѣстности, или имѣло окружныхъ судей, объѣзжавшихъ время отъ времени различныя мѣстности — для производства суда. По всей вѣроятности, королевскіе судьи въ большинствѣ слу-

чаевъ старались разрѣшать дѣла согласно обычаю тѣхъ мѣстностей, гдѣ они производили судъ. Но въ виду огромнаго количества мелкихъ различій въ мѣстныхъ обычаяхъ получалась страшная путанница, и волей-неволей судьи стремились внести нѣкоторое однообразіе въ свои рѣшенія. Особенно окружные судьи, не привязанные къ отдѣльной мѣстности, скорѣе другихъ могли замѣтить неудобство подобнаго разнообразія мелкихъ деталей въ обычаяхъ. По возвращеніи изъ объѣздовъ и собираясь вмѣстѣ въ столицѣ, они, несомнѣнно, обсуждали этотъ вопросъ между собою и приходили къ соглашенію держаться въ дѣлѣ суда болѣе или менѣе общихъ принциповъ. По всей вѣроятности, они устанавливали то или другое общее правило согласно общему характеру господствовавшаго обычая и отбрасывали въ сторону мелкія мѣстныя различія. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, сложилось англійское обычное право. На континентѣ еще долго отсутствовало общее законодательство, такъ какъ тамъ государство взяло въ свои руки отправленіе правосудія на нѣсколько столѣтій позже. Въ Римской имперіи выбранные и приведенные въ порядокъ преторами обычаи стали обычнымъ правомъ могущественной Римской имперіи. Укажемъ теперь, какимъ образомъ англійскіе судьи проводили свой планъ введенія въ жизнь обычнаго права посредствомъ ограниченія вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ, только фактическою стороною дѣла. Первоначально присяжные давали отвѣтъ и по законной и по фактической сторонѣ дѣла. И, конечно, присяжные, будучи мѣстными людьми, руководствовались мѣстными обычаями. Такъ, напримѣръ, на вопросъ—кто наслѣдникъ А? присяжные изъ мѣстности, гдѣ, по обычаю, младшій сынъ наслѣдовалъ отцу, отвѣчали—„X“ (младшій сынъ А). Но судьи постепенно измѣняли вопросъ и уже ставили его такъ: „Кто старшій сынъ А?“ Вопросъ чисто фактическій, и, согласно отвѣту, назначали старшаго сына наслѣдникомъ. Въ этомъ случаѣ мы въ первый разъ встрѣчаемся съ подраздѣленіемъ обязанностей судьи и присяжныхъ.

Фикція. 3. По временамъ для измѣненія устарѣлыхъ обычаевъ прибѣгали къ разнаго рода уловкамъ. Напримѣръ, суще-

ствовало правило, запрещавшее продавать землю. Но А хотѣлъ продать свою землю В, и вотъ чтобы обойти правило, В подавалъ въ судъ жалобу, заявляя, что А занялъ землю, принадлежавшую ему, В. По соглашевію съ В, А не являлся въ судъ, не защищалъ своихъ интересовъ и не дѣлалъ возраженій. Въ концѣ концовъ, судъ присуждалъ землю В, не какъ купленную имъ, а какъ принадлежащую ему по праву. Конечно, подобная фикція не имѣла бы успѣха, если бы судъ не сочувствовалъ внесенію перемѣны въ установившійся обычай.

Законодательство.

Всѣ три вышеизложенные способа борьбы, подготовляя общественное мнѣніе къ необходимымъ перемѣнамъ въ обычаяхъ и внося ихъ, дѣйствовали слишкомъ медленно для тѣхъ странъ, гдѣ развитіе и прогрессъ шли быстро. Тамъ требовалась скорая перемѣна установленныхъ правилъ, такъ какъ постоянно развивались все новые и новые обычаи и привычки. Эти страны нуждались въ новомъ, болѣе быстромъ способѣ установленія законодательства, что и было достигнуто такъ называемымъ политическимъ представительствомъ.

Современные политическіе дѣятели подъ политическимъ представительствомъ подразумѣваютъ тотъ или другой способъ, посредствомъ котораго народъ выражаетъ свою волю, а его выборные выполняютъ ее. Относительно этого вопроса существуютъ различныя мнѣнія. Одни считаютъ выборнаго представителя только уполномоченнымъ, обязаннымъ, если не по закону, то во всякомъ случаѣ морально исполнять инструкціи, данныя ему избирателями. Другіе, наоборотъ, признаютъ, что разъ избиратели выбрали своего представителя, то тѣмъ самымъ вполнѣ передали въ его руки разрѣшеніе всѣхъ могущихъ возникнуть вопросовъ; но обѣ стороны одинаково признаютъ, что выборы даютъ возможность избирателямъ выбрать своего представителя.

Всякій человѣкъ, знакомый съ первобытнымъ обществомъ, хорошо знаетъ, что въ немъ не существовало идеи представительства. Въ первобытномъ обществѣ всякіе переговоры по заключенію какой-нибудь сдѣлки легко могли закончиться дракой; и въ то время было важно и даже необхо-

димо, чтобы переговоры велись непосредственно заинтересованными сторонами, а не ихъ представителями.

Зачатки политическаго представительства мы должны искать въ другомъ направленіи. Примитивное общество не имѣло понятія о представительствѣ, зато ему приходилось имѣть не мало дѣла съ совмѣстной отвѣтственностью (круговой порукой). Если, напримѣръ, А убилъ В, то не только самъ А, но и всѣ его родственники являлись отвѣтственными передъ родственниками убитаго В. Если А построилъ для В домъ такъ плохо, что онъ обрушился, то отвѣтственность за него передъ В падала на весь цехъ, къ которому принадлежалъ А. Если купецъ А задолжалъ В, то отвѣтственность за долгъ лежала не на одномъ А, а—какъ мы видѣли—на всемъ городѣ, гражданиномъ котораго былъ А.

Использованіе круговой поруки государствомъ

Какъ только установилось государство, оно немедленно же начало широко пользоваться этимъ обычаемъ. На королевской дорогѣ находили трупъ убитаго человѣка, сейчасъ же предъявлялось требованіе къ тремъ сосѣднимъ деревнямъ представить убійцу или уплатить опредѣленный штрафъ. Если украденный скотъ былъ прослѣженъ до такой-то деревни, то эта деревня должна была разыскать вора или уплатить опредѣленный штрафъ. Если во время бунта на городскомъ рынкѣ сорвали королевскій флагъ или оскорбили представителя королевской власти, отвѣтственнымъ за это являлся весь городъ.

Раскладка

Когда король налагалъ ту или другую подать на городъ или деревню, и они не хотѣли или не могли уплатить ее, то по современнымъ понятіямъ слѣдовало раздѣлить подать поровну или пропорціонально между жителями города или деревни, и каждаго изъ этихъ жителей принуждать отдѣльно къ уплатѣ его доли. Но это требовало большихъ хлопотъ, а у древнихъ королей было много другихъ дѣлъ; и они прибѣгали къ болѣе простому, но весьма дѣйствительному средству: если подать не была уплачена во-время, король посылалъ своихъ приближенныхъ захватить нѣсколько наиболѣе богатыхъ и уважаемыхъ жителей даннаго города или деревни, сажалъ ихъ въ тюрьму и держалъ, пока требуемыя имъ деньги не были уплачены. Деревня

или городъ протестовали, но король отвѣчалъ:—„Доставьте мнѣ деньги, и я выпущу арестованныхъ“. Это было грубымъ, но весьма дѣйствительнымъ средствомъ, практикующимся и до сихъ поръ въ восточныхъ странахъ. Дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что друзья и родные арестованныхъ выкупали ихъ, собравъ всевозможными способами нужныя для этого деньги. Замѣтимъ, между прочимъ, что подобная тактика королей много содѣйствовала установленію мѣстнаго самоуправленія. Но въ настоящее время мы указали на взаимную отвѣтственность, какъ на первый шагъ по направленію къ политическому представительству.

Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что подобная политика, весьма удобная для государства, росла и расширялась. Государство, подъ разными предлогами, постоянно требовало денегъ со своихъ подданныхъ; а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что уже въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ по всей Европѣ вошло въ обычай собирать деревенскихъ старѣйшинъ округа или сотни для выслушанія отъ шерифа или его помощниковъ королевскихъ требованій и запросовъ, и для дачи на нихъ отвѣтовъ. Тоже самое было и въ городахъ. Несомнѣнно, на этихъ собраніяхъ обсуждались также и мѣстныя дѣла. Но они собирались только, благодаря требованіямъ королевскихъ представителей.

Идея парламента.

Наконецъ, въ концѣ XII столѣтія въ западной Европѣ возникла великая идея. Въ это время торговля начала весьма быстро развиваться, цѣнность денегъ упала, и всѣ государства сильно нуждались въ деньгахъ. И постепенно сталъ подниматься вопросъ — отчего бы не созвать общее національное собраніе, подобно тому, какъ созывались тысячи мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ собраній. И вотъ, по всей Европѣ: въ Испаніи, Сициліи, Франціи, Германіи, Скандинавіи, Англіи, Шотландіи и даже въ Ирландіи возникли парламенты. Но они были не вполнѣ представительными и далеко неоднородными по составу.

Дворянство.

Совѣтъ, о которомъ мы говорили въ главѣ девятой, составившійся первоначально изъ дружинниковъ короля, не только не прекратилъ своего существованія, но еще увели-

чился въ своихъ размѣрахъ — созданіемъ новой знати и принятіемъ въ его составъ аббатовъ и епископовъ. Постепенно совѣтъ достигъ такихъ обширныхъ размѣровъ, что не могъ собираться для руководства дѣлами въ обыкновенное время. Этими дѣлами завѣдывалъ дворъ, т. е. болѣе приближенные и знатные совѣтники короля. Но въ важныхъ и торжественныхъ случаяхъ король созывалъ свой большой совѣтъ. И вотъ, когда король рѣшилъ созвать государственное собраніе, онъ, конечно, прежде всего пригласилъ участвовать въ немъ членовъ своего большого совѣта— дворянство.

Духовенство. Къ этому времени уже успѣло образоваться новое, весьма важное и сильное сословіе — духовенство. Оно, благодаря пожертвованіямъ и посмертнымъ завѣщаніямъ религіозныхъ людей, пріобрѣло огромныя богатства. Было высчитано, что церкви принадлежала почти пятая часть всѣхъ земель христіанскаго міра. Къ этому же времени (XII и XIII вв.) въ церкви развилось стремленіе къ о б о с о б л е н і ю ея. Подъ руководствомъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ способныхъ папъ духовенство совершенно устранилось отъ гражданскихъ дѣлъ и превратилось въ о т д ѣ л ь н о е с о с л о в і е. Оно приняло безбрачіе, отказывалось судиться въ гражданскихъ судахъ и уклонялось отъ уплаты государственныхъ податей на томъ основаніи, что оно платило подати римскому папѣ.

Но такъ какъ король созывалъ парламентъ главнымъ образомъ для того, чтобы получить отъ своей страны денежную помощь, то для него было очень важно присутствіе въ парламентѣ представителей такого богатаго сословія, какъ духовенство. И по настоянію короля настоятели каѳедральныхъ соборовъ, архидіаконы и прокторы являлись на засѣданіе парламента въ качествѣ представителей духовенства. Духовенству это не нравилось, но, въ большинствѣ случаевъ, оно подчинялось волѣ короля.

Мелкіе землевладѣльцы. Мелкіе землевладѣльцы также имѣли своихъ представителей въ парламентѣ. Въ Англіи король приказывалъ шерифу выслать въ парламентъ по два человѣка отъ каждаго графства въ качествѣ представителей мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Но при этомъ ему указывалось высылать

не крестьянъ, а рыцарей, т. е. опять-таки крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ первое время крестьяне были довольны тѣмъ, что они избавлены отъ непріятной обязанности присутствовать въ парламентѣ, но съ теченіемъ времени это принесло имъ печальныя послѣдствія. Въ другихъ странахъ деревенскіе жители очень часто имѣли парламентскихъ представителей изъ своей среды.

Горожане.

Точно также шерифъ получалъ предписаніе прислать представителей отъ городскихъ жителей — бюргеровъ, какъ ихъ называли въ Англіи. Такимъ образомъ парламентъ явился собраніемъ представителей всѣхъ сословій государства: дворянства, духовенства, крестьянъ и ремесленниковъ.

Первое время парламентъ не былъ народнымъ учрежденіемъ и не пользовался популярностью среди населенія. Крестьяне и горожане не любили его за то, что онъ вызывалъ излишніе расходы на содержаніе посылаемыхъ въ него представителей. Не любило его духовенство, не желавшее признавать свѣтскую власть. Не любило его и все населеніе, хорошо знавшее, что созывъ парламента означалъ введеніе новыхъ налоговъ. Да и сами члены парламента неохотно выполняли свои обязанности, такъ какъ имъ непріятно было облагать новыми налогами своихъ согражданъ. И въ теченіе столѣтій парламентъ собирался исключительно только подъ давленіемъ королевской власти. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ королевская власть была слаба, парламентъ мало-по-малу совсѣмъ прекратилъ свое существованіе. Предположеніе о томъ, что парламентъ явился продуктомъ внезапнаго демократическаго движенія, могутъ сдѣлать только люди, незнакомые съ исторіей.

Въ первое время все дѣло парламента заключалось въ доставленіи королю денежныхъ средствъ. Конечно, знатные дворяне были наслѣдственными совѣтниками короля, но представители духовенства, городовъ и деревень не смѣли претендовать на подобную роль. Ихъ присутствіе въ парламентѣ было о б я з а н н о с т ь ю, а н е п р и в и л е г і е й. По своему положенію они скорѣе походили на заложниковъ, захваченныхъ для полученія дани, чѣмъ на представителей народа.

Въ первое время все дѣло парламента заключалось въ доставленіи королю денежныхъ средствъ. Конечно, знатные дворяне были наслѣдственными совѣтниками короля, но представители духовенства, городовъ и деревень не смѣли претендовать на подобную роль. Ихъ присутствіе въ парламентѣ было обязанностью, а не привилегіей. По своему положенію они скорѣе походили на заложниковъ, захваченныхъ для полученія дани, чѣмъ на представителей народа.

Новый характеръ парламента.

Но въ исторіи человѣчества мы часто встрѣчаемся съ фактами, когда учрежденіе, созданное для одной цѣли, въ концѣ концовъ служитъ совсѣмъ для другой, а иногда и противоположной цѣли. Представители сословій не имѣли права давать совѣты королю, но они могли обращаться къ нему съ просьбами и съ петиціями. Петиція же, подаваемая людьми, къ которымъ обращаются съ просьбой денегъ, имѣетъ нѣкоторую силу. Представители сословій въ парламентѣ часто пользовались правомъ петицій и упорно настаивали на своихъ просьбахъ. И скоро засѣданія парламента приняли характеръ торга между королемъ съ одной стороны и представителями сословій съ другой,—обыкновенно заканчивавшагося тѣмъ, что первый обѣщалъ исполнить просьбу или даровать ту или другую привилегію взамѣнъ опредѣленной суммы денегъ. Но что же здѣсь общаго съ законодательствомъ? спроситъ читатель. Очень много, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Характеръ петицій.

Петиціи бывали двухъ сортовъ. Однѣ заключали въ себѣ просьбы объ уничтоженіи отдѣльныхъ случаевъ злоупотребленія властью административныхъ лицъ или о пожалованіи кому нибудь пенсіи. Эти петиціи имѣли своимъ послѣдствіемъ только административныя распоряженія. Другія-же заключали въ себѣ жалобы на общее нарушеніе старыхъ обычаевъ и просьбы объ ихъ возстановленіи. Исполненіе подобныхъ просьбъ, несомнѣнно, являлось актомъ законодательства, такъ какъ въ то время король пользовался распорядительной властью. Онъ могъ сдѣлать любое распоряженіе, имѣя въ виду исполненіе признаннаго всѣми за нимъ долга охраненія внутренней и внѣшней безопасности страны. Онъ могъ открывать и закрывать коммерче-

скіе порты, запрещать вывозъ драгоѣцнныхъ металловъ, созывать милицію и т. п. Онъ могъ устанавливать контроль надъ своими уполномоченными и издавать постановленія о судопроизводствѣ въ своихъ судахъ—однимъ словомъ, онъ пользовался нѣкотораго рода законодательной властью. Но только съ тѣхъ поръ, когда королевскія распоряженія стали издаваться на основаніи парламентскихъ петицій, началось настоящее законодательство, охватившее всю повседневную жизнь человѣка и превратившее обычай въ опредѣленные, строго—обязательные законы. Въ наши дни всякое успѣшное законодательство носитъ тотъ-же характеръ, т. е. изданные имъ законы являются признанными государствомъ обычаями, повиновеніе которымъ обязательно. Ни одинъ разумный законодатель не будетъ выдумывать законовъ изъ своей головы. Замѣтивъ недостатки стараго закона, онъ прежде всего постарается узнать, какъ наиболѣе порядочные и развитые люди непосредственно поступаютъ для избѣжанія вредныхъ послѣдствій устарѣлаго закона или обычая, и тогда издаетъ новый законъ, принуждающій всѣхъ поступать такъ, какъ выработали на практикѣ наиболѣе „порядочные“ и развитые люди; онъ, конечно, не беретъ за образецъ крайне экзальтированный типъ, такъ какъ понимаетъ, что невозможно издавать законы выше народнаго сознанія. Онъ выбираетъ образцомъ „высшаго гражданина“ и настаиваетъ, чтобы низшіе держались на одной съ нимъ линіи. Въ такомъ случаѣ предложенный законъ получаетъ немедленную поддержку тѣхъ, которые уже приняли его на практикѣ.—И на неизбѣжное возраженіе: „такъ нельзя поступать“, готовъ отвѣтъ: „такъ уже поступаютъ“. И въ данномъ случаѣ новая мѣра избѣгаетъ наиболѣе опаснаго обвиненія въ непрактичности. Существуетъ академическій вопросъ: „гдѣ предѣлы разумнаго законодательнаго вмѣшательства?“ Отвѣтъ на него, по всей вѣроятности, можетъ быть найденъ гдѣ нибудь въ направленіи, указанномъ нами. Правительству, а тѣмъ болѣе отдѣльному лицу, предлагать искусственное законодательство, значитъ признать, что правительственные служащіе или частное лицо понимаютъ дѣло націи лучше, чѣмъ сама нація.

Принципъ большинства.

Политическое представительство повело, между прочимъ, къ установленію общепринятаго въ настоящее время принципа большинства, безъ котораго политическое представительство не могло бы существовать. Для современнаго человѣка идея большинства представляется неоспоримой истиной. Но было время (и не очень давно), когда рѣшенія и предложенія большинства нисколько не были обязательны для меньшинства. Интереснѣе всего, что не смотря на общинный характеръ древняго общества, жившаго группами, имѣвшими свои общіе интересы и ведшими свои дѣла сообща, не было понятія о правѣ большинства. Невольно является вопросъ: какіе способы они имѣли для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ? Никакихъ. Если поднявшійся вопросъ не имѣлъ опредѣленнаго отвѣта въ обычаѣ, его рѣшеніе могло быть достигнуто только соглашеніемъ или дракой, въ которой сильнѣйшая партія брала верхъ и споръ рѣшался въ ея пользу. Однимъ словомъ: единогласіе или драка. Это и служило одной изъ главныхъ причинъ застоя примитивнаго общества въ теченіе столѣтій.

Народный представитель.

Въ первое время существованія парламента не оказывалось надобности въ избирательной борьбѣ, такъ какъ врядъ-ли находилось много охотниковъ занять непопулярную должность члена парламента или, вѣрнѣе, попасть въ заложники къ королю. По всей вѣроятности, въ тѣ времена представитель власти самъ выбиралъ подходящихъ по его мнѣнію людей и отправлялъ ихъ въ парламентъ.

Но какъ только въ сознаніе народа стала проникать мысль о силѣ и значеніи парламента, сейчасъ же появились лица, стремившіяся попасть въ него, и началась, такъ называемая, парламентская борьба. Въ Англіи, служащей лучшимъ примѣромъ ранняго политическаго представительства, уже въ пятнадцатомъ столѣтіи мы находимъ стремленіе тѣхъ или другихъ лицъ попасть въ парламентъ. Старый взглядъ на члена парламента какъ на заложника исчезъ.

Новая идея представительства, можетъ быть, заимствованная отъ Римскаго Закона при посредствѣ Церкви, дала болѣе удовлетворительное объясненіе положенія парламентскаго представителя: онъ представитель своего округа, а потому жители этого округа имѣютъ право выбирать его.

Какъ же поступали избиратели въ тѣхъ случаяхъ, когда между ними было разногласіе? Къ сожалѣнію, очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній и должны довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями.

Избирательная борьба.

Большинство изъ читателей, вѣроятно, обратило вниманіе на воинственный характеръ выраженій, употребляющихся во время избирательной борьбы. Говорятъ о партійной „боевой кассѣ“, объ „избирательной кампаніи“, о „непріятельской крѣпости“, объ „осадѣ избирательнаго округа“, объ „арміи, идущей къ побѣдѣ“, о „перенесеніи войны на непріятельскую территорію“ и т. д. и т. д. Многія изъ этихъ выраженій, конечно, не болѣе, какъ продуктъ живописнаго языка современнаго журнализма. Но чѣмъ далѣе мы будемъ возвращаться къ исторіи прошлаго, тѣмъ болѣе эти выраженія будутъ представлять дѣйствительные эпизоды избирательной борьбы и, несомнѣнно, многое въ современномъ избирательномъ языкѣ служитъ указаніемъ на происходившее въ старину въ дѣйствительности. Въ средніе вѣка многое оканчивалось дракой и выборы, конечно, не являлись исключеніемъ. По всей вѣроятности, побѣдители, разбивъ, въ настоящемъ значеніи слова, противную сторону, вели своего кандидата къ шерифу и тотъ, записавъ имя побѣдителя, сообщалъ о результатѣ выборовъ государственному секретарю.

Конечно, драка имѣетъ свои привлекательныя стороны, но она имѣетъ и свои неудобства; особенно, когда представитель власти находится по близости, вооруженный правомъ налагать штрафъ за нарушеніе тишины и порядка. И пришлось волей—неволей настоящую драку замѣнить фиктивной и одерживать фиктивную побѣду. Но какая-же партія въ этомъ случаѣ одерживала побѣду? При всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, конечно, самая многочисленная. И въ концѣ концовъ нашли болѣе удобнымъ разрѣшать вопросы счетомъ голосовъ.

Партіи.

Такимъ образомъ способъ рѣшенія вопросовъ большинствомъ получилъ свое начало не вслѣдствіе этическихъ соображеній, а вошелъ въ обычай и получилъ широкое всеобщее распространеніе, только благодаря своей чрезвычайной

практичности. Очень часто причина принимается за слѣдствіе, такъ и въ данномъ случаѣ очень часто утверждаютъ, что рѣшеніе вопросовъ большинствомъ есть логическое слѣдствіе равенства людей. Въ дѣйствительности, какъ разъ наоборотъ—идея равенства людей явилась результатомъ введенія въ обычай очень удобнаго способа рѣшенія вопросовъ большинствомъ.

Введеніе принципа большинства повело къ созданію цѣлой системы политическихъ партій, поставившей дѣло такъ, что при всякой подачѣ голосовъ оказывается, по меньшей мѣрѣ, два противуположные лагеря. Существованіе политическихъ партій придаетъ жизнь выборнымъ учрежденіямъ и дѣлаетъ ихъ болѣе дѣйствительными, возбуждая интересъ массъ къ политическимъ вопросамъ и критикуя дѣйствія правительства.

Политическое представительство, рѣшеніе вопросовъ большинствомъ и система партій оказываются главными пружинами современнаго политическаго механизма—и одинаково служатъ какъ для центральнаго, такъ и для мѣстнаго самоуправленія.

Благодаря ихъ примѣнимости къ разнымъ цѣлямъ, на нихъ начинаютъ смотрѣть не только, какъ на механизмъ для достиженія опредѣленнаго результата, но и какъ на самый результатъ. Нѣтъ сомнѣній, что лучшій въ мірѣ механизмъ не дастъ хорошихъ результатовъ, если въ него не вложенъ хорошій матеріалъ. Вышеизложенный историческій отчетъ о происхожденіи современныхъ политическихъ учрежденій, можетъ быть, сослужитъ службу, представивъ эти учрежденія въ ихъ дѣйствительномъ видѣ.

ГЛАВА XIII.

Государство и администрація.

Теперь мы переходимъ къ послѣднему и самому трудному вопросу государственной дѣятельности. Въ то время, какъ въ дѣлѣ правосудія и законодательства государство одержало вполнѣ ясную побѣду, того-же нельзя сказать о дѣятельности его администраціи. Очень мало найдется людей, думающихъ о предпочтительности частнаго суда и частнаго законодательства—государственному суду и государственному законодательству. Но очень многіе серьезные люди недовольны вмѣшательствомъ государства въ опросы религіи коммерціи, промышленности и въ частную жизнь гражданъ Они хотѣли-бы свести роль государства въ этихъ вопросахъ до минимума, а потому, для избѣжанія обвиненія въ догматизмѣ въ этомъ вопросѣ, мы ограничимся краткимъ очеркомъ историческаго процесса развитія государственной администраціи.

Первобытный характеръ государства.

Намъ еще разъ приходится напомнить читателямъ, что при своемъ основаніи государство было чисто военной организаціей и въ теченіе долгаго времени оно состояло изъ небольшого количества военныхъ лицъ и правительственныхъ агентовъ, управлявшихъ подъ главенствомъ короля и при помощи военной силы большими массами людей, жившихъ на опредѣленной территоріи. Путемъ медленнаго развитія государство, при помощи политическаго представительства, включило въ свой составъ тѣхъ людей, которыми оно прежде только управляло. Конечно, никто не могъ считать себя членомъ государства, не имѣя право голоса въ дѣлахъ его управленія.

Мы также видѣли, что съ первыхъ дней своего существованія государство поставило своей задачей охраненіе внѣш-

ней безопасности и внутренняго спокойствія страны; и его первыя административныя мѣры были, очевидно, направлены въ эту сторону, такъ какъ оно не имѣло въ то время повода вмѣшиваться въ частную жизнь своихъ подданныхъ, поскольку это не касалось поставленной имъ себѣ задачи.

Пути сообщенія. Прежде всего, военное государство, по всей вѣроятности, сознало необходимость имѣть хорошія пути сообщенія для передвиженія войскъ. И первыя его заботы были направлены на улучшеніе, содержаніе и приведеніе въ порядокъ дорогъ и мостовъ, такъ что королевскія дороги, которыя въ настоящее время служатъ для удобства населенія и торговыхъ сношеній, были первоначально проложены для передвиженія королевскихъ армій. И въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ главныя дороги находятся въ вѣдѣніи государственной администраціи. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ жизненности мѣстнаго самоуправленія является то, что въ Англіи эти дороги и мосты нынѣ находятся въ вѣдѣніи послѣдняго.

Почта. То-же самое, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, мы встрѣчаемъ и въ послѣдующемъ періодѣ развитія сообщеній. Первыя почтовыя сообщенія велись королевскими гонцами, и почта въ настоящее время повсемѣстно находится въ рукахъ государственной администраціи. Телеграфъ и желѣзныя дороги на континентѣ во многихъ случаяхъ управляются государствомъ, а въ другихъ находятся подъ его строгимъ контролемъ. Причиной этому, несомнѣнно, служатъ военныя цѣли. Исключеніе составляетъ Англія, гдѣ всѣ желѣзныя дороги принадлежатъ частнымъ компаніямъ. Это объясняется тѣмъ, что она болѣе морская, чѣмъ военная держава. Наконецъ, телеграфъ въ большинствѣ случаевъ также находится подъ контролемъ государства.

Полиція. Стремленіе къ охраненію мира и спокойствія внутри страны повело къ развитію, такъ называемаго, полицейскаго управленія,—которое одной стороной своей дѣятельности является какъ бы частью отправленія правосудія, всецѣло перешедшаго въ руки государства; но другой стороной своей дѣятельности, имѣющей предупредительный характеръ, оно существенно отличается отъ правосудія. Изданіе правилъ для сохраненія порядка на рынкахъ и ярмаркахъ, принятіе,

мѣръ, ограничивающихъ право давать пріютъ чужеземцамъ, строгій надзоръ за постоялыми дворами и гостинницами было дѣломъ полицейскаго управленія въ первое время существованія государства. Но въ континентальныхъ странахъ, какъ намъ всѣмъ хорошо извѣстно, политика предупрежденія развилась въ широкихъ размѣрахъ и служила поводомъ для всевозможнаго вмѣшательства государства въ частную жизнь гражданъ. Въ Англіи-же государство весьма разумно предоставило большую часть полицейскаго дѣла мѣстнымъ учрежденіямъ, оставляя за собою главнымъ образомъ контроль и высшій надзоръ.

Доходы.

Одновременно съ охраною безопасности и порядка примитивное государство, какъ мы видѣли въ главѣ девятой, стремилось къ полученію возможно большихъ доходовъ. Этому стремленію мы обязанны многими изъ введенныхъ государствомъ улучшеній, которыя поверхностный наблюдатель можетъ приписать филантропическимъ попыткамъ, вродѣ „государственнаго соціализма“. Государство первоначально собирало подати натурой. Но въ то время каждая мѣстность имѣла свои мѣры и вѣсъ и по своему оцѣнивала качество продуктовъ. Это, несомнѣнно, при сборѣ податей вызывало массу столкновеній и злоупотребленій; и ни государство, ни его сборщики податей не могли ясно опредѣлить и учесть государственный доходъ. И государство сознало необходимость введенія однообразія въ систему мѣры, вѣса, цѣнъ и качества продуктовъ. Когда же государственныя подати стали уплачиваться деньгами, то необходимость единства монеты стала вполнѣ очевидной и государство, послѣ упорной борьбы, присвоило себѣ монополію чеканки монеты. Въ настоящее время всѣми признается удобство однообразія въ монетѣ, вѣсѣ и проч. Но, конечно, абота объ общественномъ удобствѣ побудила древнее государство ввести эти реформы.

Соперничество съ феодалами.

Третьей, побудительной причиной вмѣшательства государства въ мѣстныя дѣла было соперничество съ феодалами. Государство, конечно,—учрежденіе, но его работа выполняется и направляется людьми, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что ему присущи человѣческія страсти. Въ главѣ X мы указали на уничтоженіе деревенской общины,

какъ экономической единицы, но въ дѣлѣ управленія она продолжала оставаться въ полномъ подчиненіи у феодальнаго лорда и неизбѣжно, рано или поздно, государство должно было начать борьбу съ феодальнымъ лордомъ, съ цѣлью подчинить непосредственно своему управленію деревню и городъ. Въ этомъ отношеніи государству сильно помогло народное бѣдствіе, обрушившееся въ XIV столѣтіи на всю Европу, а именно чума или, такъ называемая, черная смерть, которая пронеслась по всей Европѣ и уничтожила массу человѣческихъ жизней. Такъ, напримѣръ, въ Англіи погибло отъ трети до половины всего населенія; и больше всего это отразилось на рабочемъ народѣ. Немедленно почувствовался сильный недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, особенно въ деревнѣ, откуда уцѣлѣвшіе земледѣльческіе рабочіе устремились въ города, съ цѣлью занять мѣста умершихъ ремесленниковъ; землевладѣльцы въ отчаяніи обратились къ государству за помощью. Государство было радо вмѣшаться въ мѣстныя дѣла и издало строгія распоряженія, обязывающія рабочихъ оставаться работать въ деревняхъ на старыхъ условіяхъ. И съ тѣхъ поръ оно стало считать своей обязанностью и правомъ—установленіе рабочаго законодательства, непосредственнымъ слѣдствіемъ чего явилось уничтоженіе крѣпостного состоянія и вмѣшательство администраціи въ отношенія между сельскими рабочими и землевладѣльцами. Въ первое время эта перемѣна была мало замѣтна, такъ какъ представителями государства оказывались тѣ же феодальные лорды—землевладѣльцы, и потребовалось много времени для окончательнаго уничтоженія крѣпостныхъ отношеній. Конечно, государство не могло измѣнить экономическаго положенія рабочихъ, которое всегда является результатомъ экономическихъ причинъ. Тутъ дѣло касалось только ихъ положенія въ глазахъ закона.

Цехи.

Ту-же политику государство преслѣдовало и по отношенію къ гильдіямъ. Эти послѣднія также сильно пострадали отъ черной смерти, но эти учрежденія обладали большей устойчивостью, сами „справились“ съ послѣдствіями этого бѣдствія, но не надолго. Имъ скоро былъ нанесенъ смертельный ударъ великими географическими открытіями XV и XVI вѣковъ. Тогда возникъ новый классъ купцовъ, кото-

рымъ не нравились гильдейскія ограниченія и требованія, стѣснявшія свободу ихъ дѣйствій, хотя тѣ-же самые купцы стремились получить привилегіи, подобныя гильдейскимъ для своихъ торговыхъ компаній. Кромѣ того старыя гильдіи были тѣсно связаны съ римско-католической религіей, что вызывало къ нимъ вражду государства въ протестантскихъ странахъ. Въ концѣ концовъ старыя гильдіи были распущены государствомъ, которое взяло на себя установленіе правилъ для регулированія ремесленныхъ и торговыхъ отношеній, и поручило своимъ представителямъ слѣдить за исполненіемъ этихъ правилъ. Такимъ образомъ и въ городѣ и въ деревнѣ государство разрушило мѣстныя учрежденія, стоявшія между нимъ и отдѣльными членами общества. Яркимъ примѣромъ централистическихъ стремленій государства можетъ служить уничтоженіе восточно—индійской компаніи, превратившейся, благодаря торговой монополіи, въ гигантскую торговую гильдію. Ту-же политику государство повело и по отношенію современныхъ рабочихъ обществъ, извѣстныхъ подъ именемъ тредъ-юніоновъ, и достигло бы своей цѣли, если-бы ему не помѣшало сильное идейное движеніе противъ государственнаго вмѣшательства, развившееся не только въ Англіи, но и на всемъ континентѣ и вызванное, главнымъ образомъ, знаменитой книгой Адама Смита: „Богатство народовъ“. Въ настоящее время государство очень часто не вмѣшивается въ разрѣшеніе трудовыхъ вопросовъ и заявляетъ свою нейтральность въ торговыхъ дѣлахъ. Но недовѣріе къ государству, вызванное уничтоженіемъ древнихъ рабочихъ организацій, продолжаетъ господствовать среди населенія.

Законъ о бѣдныхъ.

Между прочимъ, государство посѣяло сѣмена, изъ которыхъ выросъ великій вопросъ пауперизма, т. е. вопросъ о государственной помощи бѣднымъ. Конечно, государство не стремилось распространять бѣдность, но разрушивъ деревенскую общину, монастыри и городскіе цехи, заботившіеся о своихъ бѣднякахъ, оно тѣмъ самымъ взяло на себя отвѣтственность за этихъ бѣдняковъ, отвѣтственность, весьма сложную по своимъ послѣдствіямъ, которую государство неохотно брало на себя, возлагая на мѣстныя учрежденія примѣненія государственнаго закона о бѣдныхъ и оставляя за собою

только право контроля и критики. Конечно, это болѣе разумная политика. Помощь бѣднымъ весьма сложное дѣло, въ которомъ для гарантіи противъ нечестности, ханжества и подкупа требуется полное знакомство съ мѣстными условіями и нравами.

Всякое общественное бѣдствіе усиливаетъ дѣятельность государственной власти и ведетъ къ созданію новаго административнаго учрежденія. Это вполнѣ естественно, такъ какъ въ минуты тяжелаго кризиса люди невольно обращаются къ помощи и защитѣ наиболѣе могущественной общественной организаціи и въ это время, конечно, не думаютъ о послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести вмѣшательство въ ихъ жизнь этой могущественной организаціи. Чума, холера, голодъ, падежъ скота, наводненіе, пожары и т. п. побуждали населеніе обращаться къ государству за помощью и тѣмъ самымъ содѣйствовать установленію новаго административнаго механизма для борьбы съ подобными же бѣдствіями въ будущемъ. Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ подобныхъ учрежденій въ Англіи можетъ служить обширный и сложный департаментъ общественнаго здравія, быстро развившійся вслѣдствіе холерной эпидеміи въ срединѣ прошлаго столѣтія.

Съ развитіемъ политическаго представительства, государственная администрація получила совершенно новый характеръ. Въ прежнія времена, когда государство состояло изъ небольшой кучки крупныхъ землевладѣльцевъ, управлявшихъ массой населенія, всякое расширеніе круга дѣятельности администраціи означало расширеніе права вмѣшательства ничтожнаго меньшинства въ повседневную жизнь огромнаго большинства населенія. И даже, если допустить, что это вмѣшательство производилось съ самыми лучшими намѣреніями, то и тогда оно не могло принести настоящей пользы дѣлу—въ виду незнакомства меньшинства съ подробностями жизни, нуждъ, требованій и желаній большинства населенія. Но въ настоящее время, когда государство включаетъ въ себя большую часть населенія, живущаго на его территоріи и когда всякій отдѣльный человѣкъ при помощи выборовъ и газетъ можетъ заставить выслушать себя, опасность административнаго произвола значительно уменьши-

лась. Это въ свою очередь повело къ распространенію убѣжденія о желательности возможно большаго вмѣшательства государства въ общественныя дѣла. Нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что государство представляетъ націю организованную для цѣли управленія, а потому его дѣйствія не могутъ быть вредными. Въ этомъ мнѣніи есть много правды, но не мало и ложнаго. И хотя было бы крайне вреднымъ педантизмомъ устанавливать напередъ границы государственнаго вмѣшательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ для гражданъ весьма важно ясно сознавать при обсужденіи всякаго отдѣльнаго случая опасность государственнаго вмѣшательства.

Обманчивость отожествленія націи и государства ясно видна изъ того, что ни одно изъ современныхъ государствъ не заключаетъ въ себѣ всей націи. Въ большинствѣ странъ, гдѣ господствуетъ общее избирательное право, всѣ женщины не имѣютъ права голоса. Въ тѣхъ же немногихъ странахъ, гдѣ — какъ въ Новой Зеландіи — женщины имѣютъ право голоса, есть много жителей, не имѣющихъ права принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. На это возражаютъ, что въ подобныхъ странахъ политическими правами пользуются всѣ способные къ тому люди. Но это еще большой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, даже въ странахъ съ общимъ избирательнымъ правомъ усиленіе администраціи означаетъ расширеніе права однихъ стѣснять свободу другихъ. Въ государствахъ же, имѣющихъ—подобно Англіи и Италіи—ограниченное избирательное право, это еще менѣе допустимо.

Но даже, если бы государство и нація дѣйствительно оказались тожественными, все-таки нельзя было бы признать государственное вмѣшательство, особенно административное, всегда полезнымъ. Законодательство, когда оно является выраженіемъ взглядовъ и обычаевъ наиболѣе просвѣщенной части населенія, даетъ только общія указанія человѣку, предоставляя ему дѣйствовать на свой страхъ и рискъ. Административное же вмѣшательство не только даетъ указанія, но и стоитъ надъ человѣкомъ, наблюдая за исполненіемъ этихъ указаній. Однимъ словомъ, законодательство смотритъ на человѣка, какъ на взрослаго, а администрація смотритъ на него, какъ на ребенка. Но и законода-

чельство должно итти впередъ, руководствуясь примѣромъ жизни, а не прописывать рецепты.

Административное руководство и надзоръ водутъ къ развитію несамостоятельныхъ, нерѣшительныхъ и слабыхъ гражданъ, привыкшихъ постоянно искать помощи и руководства и не умѣющихъ помочь самимъ себѣ. Это болѣе всего замѣчается въ нѣкоторыхъ континентальныхъ странахъ, гдѣ сильно развито административное вмѣшательство.

Существуетъ мнѣніе, что государственные служащіе способны лучше, чѣмъ частныя лица, исполнять общественныя дѣла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это правда: частныя лица очень часто уклоняются отъ противодѣйствія вреднымъ и противнымъ закону поступкамъ своихъ согражданъ. И, конечно, въ этихъ случаяхъ официальныя лица гораздо менѣе стѣсняются въ своихъ дѣйствіяхъ. На высшихъ должностяхъ правительственными лицами нерѣдко бываютъ люди, проникнутые чувствомъ общественнаго долга. Занимаемое ими почетное положеніе служитъ для нихъ достаточнымъ вознагражденіемъ за трудъ. Но на низшихъ должностяхъ дѣло обстоитъ иначе. Государству приходится конкурировать съ частными предпринимателями, которые очень часто могутъ давать лучшее вознагражденіе своимъ служащимъ. Кромѣ того, государство не такъ внимательно слѣдитъ за прилежаніемъ и работоспособностью своихъ служащихъ. Оно нерѣдко избѣгаетъ производить разслѣдованіе, боясь скандала и разоблаченій. И многіе изъ высшихъ правительственныхъ лицъ допускаютъ такое поведеніе своихъ подчиненныхъ, какого они не допустили бы при управленіи своими частными дѣлами и предпріятіями. Въ виду вышеизложеннаго нерѣдко мелкіе государственные служащіе оказываются глупыми, лѣнивыми и продажными людьми, вполнѣ негодными для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

И вотъ защитникамъ неограниченнаго государственнаго вмѣшательства необходимо разрѣшить нижеслѣдующую дилемму: для проведенія въ жизнь неограниченнаго государственнаго вмѣшательства необходимо имѣть въ распоряженіи государства неограниченное количество мужчинъ и женщинъ, способныхъ выполнять хорошо и съ безупречной честностью важныя государственныя обязанности, за сравни-

тельно небольшое вознагражденіе. А разъ общество выросло до того, чтобы имѣть въ своей средѣ такое количество безупречныхъ общественныхъ работниковъ, оно уже болѣе не нуждается въ государственномъ вмѣшательствѣ.

Итакъ, съ одной стороны, слѣдуетъ признать узкимъ педантизмомъ установленіе напередъ границъ государственнаго вмѣшательства, съ другой—допускать государственное вмѣшательство слѣдуетъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда единство дѣйствія важнѣе самостоятельности и когда можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что государственная дѣятельность будетъ въ данномъ случаѣ производительнѣе частной.

ГЛАВА XIV.

Разнообразіе политическихъ обществъ.

Древняя классификація политическихъ обществъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалось обязательнымъ всякое обсужденіе политическихъ вопросовъ начинать съ знаменитаго аристотелевскаго раздѣленія государствъ на монархіи, аристократіи и демократіи. Теперь же, благодаря расширенію нашихъ знаній въ исторіи политики, знаменитая въ свое время аристотелева классификація предана забвенію. Также прекратился когда-то весьма горячій споръ о достоинствахъ той или другой формы правленія. Постепенно люди убѣдились, что нѣтъ такой формы правленія, которая могла бы считаться лучшей, а предпочтительнѣе та, которая ближе всего соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ даннаго случая.

Единство принципа.

Въ дѣйствительности, *всѣ* разнообразныя формы политическаго общества представляютъ только видоизмѣненіе одного и того же типа общественной организаціи, характерной чертой котораго является принципъ *верховной власти*. Въ томъ или другомъ видѣ во всѣхъ политическихъ обществахъ (государствахъ) существуетъ верховная власть, имѣющая право безаппеляціонно регулировать дѣйствія каждаго отдѣльнаго члена общества. Конечно, верховная власть имѣетъ *моральныя* границы своему вмѣшательству, она дѣйствуетъ подъ угрозой революціи, но по закону она верховна и неограничена.

Подобное положеніе вещей, имѣя свои отрицательныя стороны, представляетъ огромныя преимущества. О практичности же подобнаго типа государствъ можно судить уже

потому, что онъ господствуетъ во всѣхъ современныхъ великихъ державахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Верховная власть организована неодинаково во всѣхъ странахъ. Иногда, какъ, напримѣръ, въ Россіи, она сосредоточена въ рукахъ одного лица, но по большей чаоти она распредѣляется между отдѣльными учрежденіями и лицами. Въ Англіи верховная власть представляется совмѣстно—королемъ, палатой лордовъ и палатой общинъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ устанавливается много тщательно выработанныхъ правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія лицъ или учрежденій, составляющихъ верховную власть, которая носитъ названіе конституціоннаго правительства. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ верховная власть сосредоточена въ одномъ лицѣ, она носитъ названіе автократическаго правительства. Нужно обратить вниманіе, что эти термины, благодаря политическимъ страстямъ, пріобрѣли не только научное, но и моральное значеніе. Подъ автократическимъ правительствомъ многіе подразумѣваютъ произвольное и капризное управленіе. Подъ конституціоннымъ — хорошее и мягкое. Въ дѣйствительности неединоличное правительство можетъ быть такимъ же капризнымъ, какъ и единоличное и vice versa. Засимъ, излишне объяснять, что верховная власть раздѣляется между лицами и учрежденіями самымъ разнообразнымъ образомъ, а также и то, что число лицъ въ этихъ учрежденіяхъ бываетъ весьма различно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательная власть вполнѣ отдѣлена отъ исполнительной (Германія, Австрія, Франція и проч.), а въ другихъ (Англія) онѣ вполнѣ объединены въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ. Иногда судебныя учрежденія вполнѣ свободны отъ контроля законодательной власти, а иногда находятся подъ контролемъ ея. Въ однихъ государствахъ должность главы государства наслѣдственная, въ другихъ—выборная.

Наслѣдственный Германскій императоръ пользуется большой властью. Выборный президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ также пользуется большою властью. Наслѣдственный нидерландскій король имѣетъ также мало

власти, какъ и выборный президентъ французской республики.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ существуетъ постоянная верховная власть, неограниченная въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ, напримѣръ, въ Великобританіи, гдѣ постоянныя законодательныя учрежденія ничѣмъ не связаны. Подобный же порядокъ существовалъ и въ другихъ государствахъ, но за послѣднее столѣтіе онъ во многихъ странахъ совершенно измѣнился. Въ нихъ въ настоящее время свобода дѣйствій постоянныхъ законодательныхъ учрежденій ограничена писанными документами, называющимися конституціями. Существованіе писанныхъ конституцій устанавливаетъ различіе между обыкновеннымъ законодательствомъ и основными законами страны. Первыя издаются и измѣняются постоянными законодательными учрежденіями; для измѣненія и изданія вторыхъ требуются особыя чрезвычайныя полномочія. Такимъ образомъ существуютъ неписанныя и писанныя конституціи. Первыя развились постепенно, сами собою, вмѣстѣ съ политическимъ ростомъ страны, и могутъ быть измѣнены постоянными законодательными учрежденіями. Вторыя составляются по опредѣленному плану тѣми или другими учрежденіями, спеціально для этого созванными; для измѣненія подобныхъ конституцій требуются чрезвычайныя полномочія и особыя спеціальныя учрежденія. Впервые писанную конституцію ввела въ употребленіе Англія, во время гражданской войны. Но послѣ реставраціи отбросила ее и вернулась къ своей старой, неписанной. Затѣмъ, по окончаніи войны за независимость, Американскіе Соединенные Штаты составили и приняли писанную конституцію. Также поступила и Франція въ періодъ Великой Французской Революціи. А вслѣдъ за нею вся остальная Европа и европейскія колоніи приняли систему писанныхъ конституцій.

Значеніе мѣстнаго самоуправленія.

Теперь мы укажемъ на важное различіе между государствами, вполнѣ централизованными и допускающими мѣстное самоуправленіе. Большая или меньшая централизованность государства является во многихъ случаяхъ прямымъ результатомъ исторіи его происхожденія. Такъ, мы видимъ, что наиболѣе централизованными государствами оказываются

тѣ, которыя создались, благодаря побѣдамъ мѣстнаго властителя надъ окружающими его сосѣдями, побѣдамъ, одержаннымъ послѣ долгой и упорной борьбы. Такъ, напримѣръ, одно изъ наиболѣе централизованныхъ государствъ—современная Франція — создана побѣдами, одержанными парижскимъ королемъ (послѣ долгой и упорной борьбы) надъ сосѣдними властителями: Бургундіи, Тулузы, Бретани, Аквитаніи, Гасконіи, Нормандіи, Блуа и другихъ. Упорная борьба совершенно естественно побуждала побѣдителя уничтожать всякія проявленія власти мѣстныхъ правителей, и въ настоящее время Франція одна изъ наиболѣе централизованныхъ странъ, гдѣ центральное правительство почти не допускаетъ самостоятельности мѣстнымъ учрежденіямъ, вмѣшиваясь въ мелочныя подробности мѣстныхъ дѣлъ. Подобный-же порядокъ господствуетъ и въ Италіи. Въ государствахъ-же, образовавшихся, благодаря быстрому, почти одновременному завоеванію всей страны постороннимъ завоевателемъ, и въ странахъ, гдѣ существованіе давно установившагося правительства повело къ объединенію населенія,—сохранилось болѣе или менѣе развитое мѣстное самоуправленіе, т. е. мѣстныя власти „дѣйствительно“ выбираются тѣмъ народомъ, которымъ должны управлять. Они не обязаны при всякомъ дѣлѣ обращаться за инструкціями къ центральному правительству, и, пока они дѣйствуютъ въ законныхъ рамкахъ, центральныя власти не имѣютъ права вмѣшиваться. Наилучшимъ распредѣленіемъ мѣстнаго самоуправленія оказывается то, которое, какъ въ Англіи, соотвѣтствуетъ древнимъ племеннымъ подраздѣленіямъ.

Намъ нѣтъ надобности много распространяться о преимуществахъ мѣстнаго самоуправленія. Скажемъ объ этомъ только нѣсколько словъ. Мѣстное самоуправленіе возбуждаетъ и поддерживаетъ политическую жизнь въ странѣ гораздо дѣйствительнѣе, нежели центральное правительство. Оно вырабатываетъ для государства независимыхъ политическихъ дѣятелей, препятствуетъ развитію мертвящаго шаблоннаго однообразія администраціи и избавляетъ центральное правительство отъ цѣлой массы мѣстныхъ дѣлъ, которыя оно не въ состояніи удовлетворительно разрѣшать и исполнять. Мѣстное самоуправленіе имѣетъ и свои слабыя

стороны. Оно склонно къ узости, невѣжеству и эгоизму; незначительность его круга дѣйствія затрудняетъ привлеченіе къ нему лучшихъ и наиболѣе способныхъ людей, вслѣдствіе чего оно иногда можетъ оказаться недостаточно работоспособнымъ. Но эти недостатки могутъ быть предупреждены критикой центральнаго правительства, обладающаго, благодаря своей обширной дѣятельности, болѣе широкими взглядами и большей опытностью.

Составныя государства.

Въ послѣднемъ періодѣ исторіи различіе между централизованнымъ и децентрализованнымъ государствомъ приняло болѣе рѣзкую форму. Наиболѣе поразительной чертой послѣдняго столѣтія было возникновеніе федеральныхъ государствъ. Честь этого нововведенія принадлежитъ Швейцаріи, за ней послѣдовали: Сѣверо-Американскіе Штаты въ 1777 году, затѣмъ въ 1870 году—Германія, въ 1867—Канада, а въ настоящую минуту мы съ интересомъ наблюдаемъ образованіе австралійской федераціи. Для историка политики главный интересъ новыхъ стремленій заключается въ томъ, что они вносятъ новый принципъ въ государственное устройство — принципъ соглашенія и договора. Конечно, были и другіе факторы, побуждавшіе къ федераціи: такъ, прусское могущество содѣйствовало созданію Германской Имперіи, а вліяніе Великобританіи побудило къ объединенію канадскихъ областей, но Швейцарія, Сѣверо-Американскіе Штаты и Австралійскія колоніи объединились вполнѣ добровольно. Каждому юристу хорошо извѣстно, что договоры сравнительно недавняго происхожденія. Первобытное общество ихъ не признавало или признавало въ весьма малой степени. И, весьма возможно, въ скоромъ времени договоръ будетъ играть въ политикѣ такую-же важную роль, какую онъ играетъ въ гражданской жизни.

Формы федераціи.

Федерація обыкновенно составляется изъ нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ, объединяющихся въ виду тѣхъ или другихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающихъ сохранить свое самостоятельное существованіе, поскольку оно не противорѣчитъ цѣли объединенія.

Существуютъ самыя разнообразныя формы федераціи, но въ общемъ онѣ сводятся къ тремъ главнымъ типамъ: союзу, конфедераціи и федераціи.

1) Союзными называются два или болѣе вполнѣ самостоятельныхъ государства, признающихъ своимъ постояннымъ главою одно и то-же лицо. Въ настоящее время примѣромъ подобнаго типа федераціи служитъ Швеція и Норвегія [1]).

2) Конфедерація составляется изъ двухъ или болѣе государствъ, которыя объединяясь передаютъ часть своихъ правъ центральному учрежденію, причемъ всякое изъ входящихъ въ составъ конфедераціи государствъ остается во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполнѣ самостоятельнымъ. Передаваемыя центральному учрежденію права бываютъ обыкновенно законодательнаго и военнаго характера. Правительство конфедераціи получаетъ право содержать армію, направлять иностранную политику и издавать законы по вопросамъ общимъ для всѣхъ, входящихъ въ составъ конфедераціи государствъ, какъ-то: почты, телеграфа, желѣзныхъ дорогъ, чеканки монеты, уголовныхъ преступленій и т. п. Но исполненіе и приведеніе въ дѣйствіе постановленій и распоряженій центральнаго учрежденія предоставляется правительствамъ отдѣльныхъ государствъ, каждому на своей территоріи. Подобной конфедераціей былъ Сѣверо-Германскій союзъ отъ 1866 до 1870 г. Отчасти такую-же конфедерацію представляетъ изъ себя и современная Германская имперія, имѣющая обширныя законодательныя и военныя права, но обладающая весьма малой исполнительной, административной и судебной властью, въ чемъ и заключается слабость конфедеративнаго союза. Центральное правительство, не имѣя возможности непосредственно приводить въ исполненіе своихъ постановленій, бываетъ вынуждено прибѣгать къ экзекуціи по отношенію къ нежелающимъ повиноваться членамъ конфедераціи, т. е. посылать свои войска на территорію непокорнаго государства, что въ концѣ концовъ приводитъ къ распаденію конфедераціи. Въ Германской имперіи эта печальная традиція унаслѣдована отъ историческаго уродства, называемаго „Священной Римской имперіей“.

Очень важный вопросъ былъ поднятъ южными Штатами

Право выступленія.

[1]) Какъ извѣстно читателямъ, этотъ союзъ нынѣ распался. *Прим. пер.*

во время гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Вопросъ, который, вѣроятно, сильно дискредитировалъ эту форму федерации. Южные Штаты утверждали, что С. Ш. С. А.—конфедерація, а потому всякій членъ ея имѣетъ право выйти изъ союза. Объявленіе войны было отвѣтомъ на это заявленіе, которое само по себѣ не выдерживаетъ критики въ виду существовавшихъ въ Штатахъ исполнительной, административной и судебной организаціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при составленіи конфедерации предоставляется право членамъ ея выходить изъ союза.

3) Собственно федераціей называется тотъ типъ федеральнаго государства, въ которомъ центральное правительство пользуется не только законодательной и военной, но и исполнительной и судебной властью. Наиболѣе крупными примѣрами подобнаго рода федерации являются Соед. Штаты Сѣв. Ам., Канада и Австралійскія колоніи. Главныя характерныя черты федерации прекрасно опредѣлены профессоромъ Диссеемъ въ его книгѣ: „Введеніе къ изученію конституцій“. Здѣсь мы передадимъ ихъ вкратцѣ.

a) Верховная писанная конституція, составленная во избѣжаніе споровъ между государственными и федеральными учрежденіями по поводу размѣра ихъ круга дѣятельности и компетенціи.

b) Распредѣленіе власти между центральнымъ федеральнымъ правительствомъ и правительствами отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза и между отдѣльными частями федеральнаго правительства.

c) Верховный судъ, на обязанности котораго лежитъ толкованіе конституціонныхъ законовъ. Рѣшеніе верховнаго суда приводится въ исполненіе какъ федеральными, такъ и государственными властями. Верховный судъ вполнѣ независимъ какъ отъ федеральныхъ, такъ и отъ отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій.

Конечно, нельзя отрицать, что федерализмъ имѣетъ свои слабыя стороны, основанныя на компромиссѣ: онъ менѣе способенъ, сравнительно съ національнымъ централизованнымъ государствомъ, возбуждать энтузіазмъ и патріотизмъ, которые являются лучшимъ залогомъ безопасности госу-

дарства. Этотъ недостатокъ федерализма, вѣроятно, и послужилъ причиной предпочтенія, оказаннаго централизованной формѣ государства геройскими основателями современной Италіи. Сложный правительственный механизмъ федеральнаго государства легче можетъ быть разстроенъ и гораздо труднѣе привести его опять въ порядокъ, какъ это мы видимъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Несмотря на эти недостатки, федерализмъ оказался весьма легко приспособляемымъ къ различнымъ обстоятельствамъ и различнымъ національностямъ и, повидимому, ему предстоитъ въ будущемъ крупная роль въ исторіи политики.

Въ заключеніе мы должны указать еще на одно важное раздѣленіе государствъ на двѣ группы. Въ первой, какъ всѣ правительственныя лица, такъ и простые граждане равны передъ закономъ, судятся одними и тѣми же судами и подчинены однимъ и тѣмъ же правиламъ. Во второй — обширный классъ правительственныхъ лицъ пользуется особыми привилегіями и неподсуденъ общему обыкновенному суду.

Къ первой группѣ принадлежатъ только государства англо-саксонскаго происхожденія, ко второй—всѣ остальныя государства цивилизованнаго міра.

Конечно, и въ англо-саксонскихъ государствахъ правительственные служащіе имѣютъ право арестовывать виновныхъ, обыскивать дома, но для этого они, во-первыхъ, должны имѣть законныя полномочія, а если ихъ полномочія оспариваются, то они обязаны удостовѣрять ихъ тѣмъ же путемъ и въ тѣхъ же судебныхъ учрежденіяхъ, какъ и частныя лица. Если они, поступивъ незаконно, совершили уголовное преступленіе, ихъ судятъ обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ. Если они нарушили частные интересы, то противъ нихъ можетъ быть возбужденъ гражданскій искъ. И ни одинъ судъ не приметъ во вниманіе ссылки на государственный интересъ и на приказанія высшихъ властей, такъ что государственные служащіе въ англо-саксонскихъ странахъ вполнѣ подчинены общему законодательству.

Въ государствахъ съ привилегированной администраціей всѣ правительственные служащіе отъ высшихъ до низшихъ считаютъ себя въ правѣ дѣйствовать безъ законныхъ полномочій, разъ, по ихъ мнѣнію, затронуты интересы государ-

ства. И служебныя дѣйствія государственныхъ служащихъ не подлежатъ разсмотрѣнію общаго суда, безъ разрѣшенія ихъ начальства. Такимъ образомъ, создается особое административное право, дающее возможность правительственнымъ лицамъ вмѣшиваться безъ всякаго законнаго полномочія, а только по своему усмотрѣнію, въ частную жизнь гражданъ, несмотря на всѣ писанные законы, гарантирующіе свободу личности.

Возникновеніе различія.

Извѣстный американскій писатель Лоуэль указалъ намъ историческія причины этого различія между англо-саксонскими государствами съ одной стороны и другими цивилизованными странами—съ другой. Въ Англіи судебная дѣятельность государства достигла значительнаго развитія задолго до расширенія его административной дѣятельности, такъ что, когда административное вмѣшательство стало развиваться, оно столкнулось съ хорошо организованными судебными учрежденіями, ревниво охранявшими свои права, и началась упорная борьба между судомъ и администраціей, продолжавшаяся все XVII и часть XVIII стол. Въ концѣ концовъ судъ побѣдилъ и благодѣтельными плодами этой побѣды англичане пользуются не только въ своемъ старомъ отечествѣ, но и во всѣхъ новыхъ государствахъ, освованныхъ ими. Въ континентальныхъ странахъ дѣло происходило совершенно обратно. Административная власть пріобрѣла большую силу и значеніе задолго до развитія государственныхъ судебныхъ учрежденій, и народъ привыкъ считать администрацію всемогущей въ то время, когда судъ былъ слабъ и не пользовался авторитетомъ. И совершенно естественно, что когда государственный судъ получилъ наконецъ правильную организацію, то административныя лица отказались подчинить свою дѣятельность его контролю. Они не вѣрили въ прочность того правительства, служащіе котораго отвѣтственны передъ судомъ. И до настоящаго времени министры и другія административныя лица въ континентальныхъ государствахъ считаютъ себя вправѣ нарушать законъ, въ виду охраненія порядка въ государствѣ, и если бы судъ потребовалъ ихъ за это къ отвѣту, они бы сочли это вреднымъ нарушеніемъ правительственнаго авторитета и дисциплины. Когда же имъ указы-

ваютъ на то, что правительства англо-саксонскихъ государствъ во всякомъ случаѣ прочны не менѣе континентальныхъ, то они, пожимая плечами, объясняютъ это особенностями англо-саксонскаго характера. Не лишне обратить вниманіе на одну изъ странностей подобнаго положенія. Когда Монтескье и нѣкоторые другіе французскіе писатели XVIII ст. восхваляли своимъ согражданамъ достоинства ританской конституціи, наибольшія похвалы они расточали такъ называемому раздѣленію властей. Въ дѣйствительности, раздѣленіе властей въ Британіи XVIII вѣка заключалось только въ томъ, что судъ былъ свободенъ отъ контроля министровъ. Но французскіе, а за ними и другіе континентальные политики поняли это въ смыслѣ независимости министровъ отъ суда, и когда послѣ Великой Французской Революціи были перестроены правительства, то въ этомъ видѣ и былъ проведенъ англійскій принципъ. Иногда логика является очень опаснымъ орудіемъ.

Здѣсь и заканчивается слабая попытка распутать хаосъ исторіи. Тѣ изъ читателей, которые смотрятъ на политическіе порядки міра, какъ на простое проявленіе серіи мѣстныхъ событій, не будутъ сочувствовать попыткѣ, построенной на совершенно противуположномъ взглядѣ. Тѣмъ же, которые, подобно автору, смотрятъ на исторію, какъ на внѣшнее проявленіе великихъ всемірныхъ законовъ, обнаруживающихся въ безконечномъ разнообразіи, но стремящихся съ непреодолимой силой къ общимъ цѣлямъ, наша попытка можетъ показаться не безполезной. Смотря съ одной точки зрѣнія, политическое искусство представляется ничѣмъ инымъ, какъ „борьбою коршуновъ и воронъ“; смотря съ другой — это есть стремленіе слабое, несовершенное, но все-же стремленіе ввести въ жизнь глубоко заложенный инстинктъ человѣчества, который побуждаетъ человѣка обращаться за помощью и руководству къ человѣку же. Это служитъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ той соціальной стороны нашей натуры, которую можно считать однимъ изъ основныхъ факторовъ міра и какъ таковой заслуживаетъ настойчиваго, безпристрастнаго изученія. И всѣ ужасныя, отталкивающія побочныя обстоятельства, сопровождающія его въ жизненной практикѣ, не могутъ исказить его существенной важности.

Можетъ быть, еще очень далекъ тотъ день, когда политическія устройства міра достигнутъ высшаго идеала, на которые способенъ нашъ соціальный инстинктъ. Но всякая честно проведенная жизнь на службѣ общественному благосостоянію и всякій часъ, посвященный настойчивому его изученію, приближаетъ наступленіе этого дня.

КОНЕЦЪ.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

С.-Петербургъ, Вас. Остр., Мал. пр., д. 19,